

Е. СОБОЛЬ

ДАРИТЕЛИ

СЕРДЦЕ
БУРИ

Annotation

Пятая, заключительная книга саги Е. Соболя «Дарители». Смертельная опасность надвигается на сказочное королевство. Удастся ли Генри спасти от гибели своих друзей и близких, все то, что он любит? Ради этого он готов снова стать пешкой на игровой доске и даже совсем ее покинуть, но не раньше, чем попытается сразиться с могучей, безжалостной силой, во много раз превосходящей его собственную. В битве за прекрасный сказочный мир, созданный Барсом, Генри понадобится вся его доброта, мужество, твердость и, конечно, один из самых волшебных даров на свете – дружба.

- [Е. Соболя](#)

- -
 -
 - [Пролог](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
-

Е. Соболев

Сердце бури

В серии «Дарители» вышли книги:

1. Дар огня
2. Короли будущего
3. Игра мудрецов
4. Земля забытых
5. Сердце бури

© Е. Соболев, 2018

© ООО «РОСМЭН», 2018

* * *

Пролог

Говорят, все на свете однажды подходит к концу: игры и приключения, пироги и сказки. Это – моя последняя история, но я стараюсь не грустить, потому что знаю: ты меня слышишь. И разве это не чудо? Я никогда тебя не встречала, нас разделяет добрая сотня километров, но, пока ты жив, я тоже не исчезну полностью, и я желаю тебе долгих и счастливых лет впереди, мой особенный и удивительный слушатель. Мы теперь всегда будем связаны, ведь слова – тоже волшебство, и, пожалуй, самое сильное из всех.

Для меня все началось тогда, когда я встретила необыкновенного юношу, в которого тут же влюбилась, и его странного брата, – но невероятные дела вокруг начали твориться гораздо раньше. Придется мне сделать небольшое вступление, тем более что, как ни глупо это звучит из уст человека в моем положении, времени мне теперь совсем не жаль.

Жил-был на свете великий волшебник, который любил путешествовать в виде барса. Знаю, ты это уже слышал, но сказки от повторения не портятся. Итак, Барс создал наше королевство и подарил людям Сердце волшебства – удивительный предмет, который наделял каждого новорожденного даром строить прекрасные дома или сочинять музыку, управлять дождем или говорить с животными. Но спокойствие и мир вечно

длиться не могут – ни у людей, ни у королевств, – и в конце концов на трон взошел злой король Освальд. Он использовал Сердце, чтобы стать бессмертным, и оно едва не погасло. К счастью, вмешался храбрый герой по имени Сивард. Он спрятал Сердце, но, увы, погиб во время своего великого похода от рук разрушителя с даром огня.

Люди верили, что однажды Барс выберет нового героя, который отыщет Сердце и вернет людям дары, но ждать им пришлось долго: триста лет. За это время богатое королевство мастеров превратилось в обветшалое и грустное королевство бездарностей. Каждому приходилось наследовать дело своих отцов и дедов – это был единственный способ хранить знания предков и хоть как-то сводить концы с концами.

Я родилась в семье, которая держит постоялый двор у дороги, а значит, жизнь мне предстояло провести за готовкой и стиркой. Меня это совершенно не радовало, но у нас не принято интересоваться, что кого радует, тут с голоду не помереть бы – путешествия народ уже триста лет не жалуется, так что прибыльным наше дело не назовешь. Да еще и начало года в этот раз выдалось такое, что мой отец рвал и метал, подсчитывая убытки. Прямо в праздник Зимнего дня у нас во дворе побили грязного калеку, который что-то украл у постояльца. Один парень пришел ему на выручку, оба сбежали, – и внезапно к нам явился целый отряд королевских посланников. Они начали нести какую-то чушь о том, что у того парня дар огня, как у разрушителя из сказки про Сердце волшебства, а затем прихватили сыновей ограбленного господина и умчались ловить – подумать только – нового разрушителя.

– Ну вот и конец доброму имени нашего заведения, – мрачно сказал отец, провожая взглядом мундиры посланников.

К счастью, все оказалось ровно наоборот: новости разлетелись по ближайшим деревням, и теперь каждый хотел их послушать из первых уст, так что в обеденном зале все время толпился народ. Главной звездой этих заседаний был ограбленный толстяк: он утверждал, что его сыновья – избранники Барса. Якобы тот явился им в заснеженном лесу, указав путь к Сердцу волшебства, и теперь они повторяют подвиг Сиварда, но только наоборот: тот спрятал, а они найдут. Смех, да и только! Видела я этих сыновей – жалкие типы. Один тощий, мелкий и злобный, а второй толстый, туповатый и вечно поддакивает братцу.

Теперь работы у меня было столько, что я даже просыпалась уставшей, но через неделю вдруг настало очень странное утро. Открыв глаза, я впервые за долгое время не почувствовала уныния при мысли о предстоящем дне. Мне было легко и спокойно, даже улыбаться хотелось, и

солнце казалось приветливым и теплым, как в детстве, когда просто радуешься восходу и не думаешь о том, как же неохота работать.

Спустившись в обеденный зал, чтобы, как обычно, развести огонь и натаскать воды, я увидела, что туда уже высыпал десяток постояльцев, – этот чистый, поразительно яркий рассвет разбудил всех. Если вы когда-нибудь оказывались на рассвете в придорожной гостинице, можете себе представить, какое это мрачное зрелище, – там ведь собираются те, кому приходится путешествовать, то есть самые несчастные люди в королевстве. Как говорится, «день вне дома – день пустой», никто свой двор покидать не любит, а этим беднягам приходится развозить товары и ездить на ярмарки, такое уж у них ремесло.

Но в это утро все были довольны и веселы – переговаривались, выглядывали в окна, один старик поздоровался со мной, чего уж вообще никогда не случалось. Даже чванливый старейшина Хейверхилла больше не казался таким заносчивым – глуповато приоткрыв рот, он прислушивался к далекому лошадиному ржанию на улице. Заливалась, как обычно, лошадка, которую забыл на конюшне рыжий вор, – дурная, а девать ее некуда, приходилось кормить. Остальные кони, ясное дело, сразу подхватили, и тут старейшина вдруг сказал:

– Хозяина зовет. Говорит, что тут грустно, никто с ней не разговаривает, не треплет по холке и не протирает тряпкой.

Кто-то рассмеялся, старейшина залился краской, а я брякнула:

– А остальные что говорят?

Мама вечно предостерегала, что язык без костей меня однажды до беды доведет, но старейшина неожиданно охотно ответил:

– Говорят: «Замолчи, тупица кривозубая, дай поспать».

Народ вокруг засмеялся громче, а мне было не смешно: я задавала лошадям корм и видела, что зубы у этой клячи и правда торчат вперед сильнее, чем у других. Но откуда про это мог знать старейшина? Впрочем, размышлять было некогда – каша на завтрак сама себя не сварит.

Я возилась на кухне, когда ко мне подошел один из гостей, оттеснил в сторону, вынул поварешку у меня из рук и попробовал кашу.

– Соли бы добавить, – пробормотал он.

– Кто ж в крупу соль сыплет! – возмутилась я.

Он будто и не слышал: нашел солонку, деловито пошарил вокруг, взял с подоконника кувшин топленого молока, отыскал на полке пучок залежавшихся сухих трав и пакетик апельсиновых корочек.

– Они для пирогов! – слабо запротестовала я.

– Да-да, – рассеянно кивнул он, подсыпая в котелок то одного, то

другого.

Я стояла, не зная, звать отца или дать гостю довести дело до конца. В конце концов я забралась на подоконник и оттуда стала наблюдать – приятно было видеть, с каким удовольствием гость колдует над этой дурацкой кашей. А потом он шлепнул готовой каши в тарелку и сунул мне в руки.

– Попробуй, – нервно сказал он. – Хочу узнать, как тебе.

Моего мнения никто и никогда не спрашивал, так что у меня от удивления глаза на лоб полезли, но я с важным видом сунула ложку в рот.

Варево оказалось такое чудесное, что мне даже не по себе стало. Поглядев на меня, гость улыбнулся, и эта широкая улыбка совершенно изменила его хмурое, обожженное ветрами и морозами лицо. Он снял с полки стопку мисок и спокойно, как у себя дома, начал раскладывать кашу, а я – разносить ее гостям.

До того дня я никогда бы не поверила, что мне, неудачнице, у которой вечно прыщи вскакивают прямо посреди лица, может так повезти, но именно это и произошло: накануне моего шестнадцатого дня рождения Сердце вернулось, люди обрели дары, и на горизонте показались времена процветания и счастья. Может, на других концах королевства в это и не сразу поверили, но нам повезло: у нас был Ганс, лучший повар на свете, который до того утра всю жизнь провел, занимаясь продажей мебели. Те, кто не поверил в дары после приготовленного им завтрака, сломались после обеда, отведав восхитительных котлет из пшена, моркови и розмарина.

Вот так будущее и настало.

Старейшина теперь целыми днями пропадал на конюшне. Он утверждал, будто лошади отлично понимают все, что говорят им люди, только ответить не могут, и пытался обучить лошадей тому, что в детстве видел на каком-то представлении бродячих актеров, где лошади гарцевали, высоко приподнимая колени, и даже ходили на задних копытах. Наши кони проделывать все это отказывались, но Йенс Кэмпбелл надежды не терял.

– Ничего, они у меня еще и плясать будут, – брюзгливо ворчал он, потому что характер у него не исправился даже благодаря дару. – Вот вернутся мои мальчишки, – а они у меня теперь герои, кто еще, как не они, Сердце вернул! – и я куплю каждому из них по коню и научу тех коней такие трюки выделывать, что все ахнут!

Пара недель пронеслась как один день. Люди со своими историями приходили и уходили, и маленький пестрый мирок нашей гостиницы

процветал: отец никогда еще столько не зарабатывал. Свой дар пока что мало кто нашел – оказалось, только у некоторых он появляется вот так сразу, остальным приходится делать все подряд и искать его, так что все в округе забросили работу и увлеклись поисками. К счастью, была зима, иначе пахать и сеять стало бы некому, а так только с торговлей перебои начались, но даже несмотря на это, дела у нас с отцом шли в гору. Во-первых, повар остался в гостинице, что привлекало гостей, а во-вторых, и я нашла свой дар. На первый взгляд бесполезный, он оказался просто сокровищем для нашего дела. Управление гостиницей, недавно казавшееся скучным, вдруг заиграло новыми красками, и я развлекалась на всю катушку, пока не наступил тот самый день – двадцать восьмой от Зимнего дня и двадцать первый от обретения Сердца.

Накануне случилось что-то непонятное: ближе к полуночи небо ненадолго стало зеленым, а к полудню рядом с солнцем внезапно повисла луна. Сначала всех это развлекало, люди шутили о том, каких еще чудес ждать от новых времен, но вскоре стало не смешно: ночью солнце не исчезло, и никто не смог как следует поспать.

С утра я нагрела воды и начала, как обычно, разносить ее по комнатам, чтобы люди могли умыться, но Йенс Кэмпбелл на мой стук не ответил. Дверь, конечно, была заперта, он вечно ее запирает – боялся за все свое добро, которое прихватил, сбежав из Хейверхилла. Но странно было, что он не летит сломя голову к лошадям, как делал теперь каждое утро. Я оставила ведро под дверью и ушла. К завтраку Йенс тоже не вышел, а когда пару часов спустя я снова подошла к его комнате, она по-прежнему была заперта.

Я позвала отца, мы начали стучать вместе – никакого ответа. У нас был запасной ключ, но это ничем не помогло: ключ Йенса торчал в замочной скважине, так что пришлось взломать дверь.

Комната оказалась совершенно пуста, и не только в том смысле, что там не было Йенса. Пропали все его вещи, все бесконечные сундуки и корзины. Дверь была заперта изнутри, окно тоже: Йенс так боялся ограбления, что предпочитал спать без свежего воздуха. Мы обошли вокруг дома, но следов под окном не нашли, да и среди постояльцев никто Йенса с вечера не видел и не слышал. Бывший старейшина Хейверхилла словно в воздухе растворился.

– Одно хорошо: плату за комнату я с него брал вперед, – подытожил отец.

Новость так всех взбудоражила, что народ все утро обсуждал, что

случилось, забыв даже про поиски даров. Готовкой обеда теперь занимался повар, так что я начала мыть пол, то и дело натыкаясь шваброй на чьи-нибудь ноги. Мне было как-то не по себе от исчезновения Йенса, и я даже не обернулась, когда распахнулась дверь и зашел какой-то новый гость. Но потом я сообразила, что он как-то слишком долго стоит в дверях, подняла голову – да так и застыла.

Это был самый милый парень из всех, кто на моей памяти заходил в нашу гостиницу. Вид у него был изможденный, изголодавшийся, но это ему даже шло: он выглядел как путешественник из дальних-дальних краев. Нечесанные вихры торчали во все стороны, щеки ввалились, одежда покрылась пылью, но у меня глаз наметанный, я сразу поняла: одежда дорогая, старинная, отлично сшитая. Но красивее всего были его глаза: темные, как у оленя, с пушистыми ресницами и таким мягким, теплым взглядом, как будто он ждет от жизни только хорошего, только чудесных, удивительных открытий. Было в нем что-то знакомое, но я никак не могла сообразить, где же мы встречались.

Парень разглядывал зал так, будто тоже видел его раньше, но не узнавал. Ну еще бы: мы недавно прибрались, все начистили, стены заново побелили! Людей гость тоже рассмотрел, и результаты этого осмотра ему не понравились – он нахмурил свои прекрасные черные брови, и вид у него стал такой растерянный, что я не смогла промолчать.

– Приветствую, сэр, и добро пожаловать в «Дом у озера», – тонким от волнения голосом проговорила я, пряча швабру за спину. – Вы как раз к обеду: всего за три медяка вы можете попробовать новое блюдо мастера повара, об искусстве которого наверняка много слышали!

Он посмотрел на меня с доброй, застенчивой улыбкой, и вот эту улыбку я вдруг узнала. «Великий Барс, как же люди меняются!» – ошалело подумала я.

– Привет. Меня зовут Сван Кэмпбелл. Я ищу своего отца, – сказал он, и даже голос больше не был таким детским и плаксивым, как я запомнила. – Он ведь еще здесь? Большой, ворчливый, бывший старейшина Хейверхилла.

Я едва не застонала. Угроздило же толстяка исчезнуть как раз сегодня! К счастью, отвечать мне не пришлось – отец наконец заметил гостя, подскочил к нему, и следующие минут пять они переговаривались. Я возила шваброй по полу, делая вид, что не слушаю, а Сван мрачнел все больше и больше. В конце концов отец усадил его в свободное кресло около камина, сказал, что обедом «такого прославленного героя» накормят за счет заведения, в сотый раз повторил, что мы не имеем отношения к

пропаже уважаемого старейшины, и скрылся на кухне.

За столами сидело человек десять – кто разговаривал, кто возился с кусками ткани, железками или деревяшками в обычных попытках найти дар. На конюшне ржала брошенная вором лошадка. Она успокаивалась, только когда Йенс был поблизости, а сегодня разошлась снова. На Свана никто не обращал внимания – он сидел, уставившись в огонь, и изо всех сил пытался скрыть, что плачет. В соседнем с ним кресле развалился какой-то высоченный господин – ни разу его не видела, наверное, въехал с утра, пока я убирала комнаты. Он жарил на огне куски пастилы, насадив их на деревянную палочку, и это было странно: пастилы у нас не подавали, да и кто ж сладкое ест перед обедом! Но мало ли что, вдруг этот человек свой дар так ищет. Я, не обращая на него внимания, бочком подобралась к похудевшему до неузнаваемости Свану. Он не обернулся, и я присела на нижний полок камина, туда, где камни приятно нагрелись от огня. Когда Сван и его брат пришли сюда с отцом в канун Зимнего дня, они показались мне сущими детьми, хотя были моего возраста. Но теперь Сван ребенком больше не выглядел.

– Это же вы Сердце волшебства вернули? – спросила я.

Он торопливо вытер щеки и повернулся ко мне.

– Я? – Он выдавил короткий смешок. – Конечно нет. Вы здесь что, про Генри не слышали?

– Не знаю, кто это. Ваш отец говорил, вы с братом – избранники Барса. – У меня от волнения аж горло пережало, но я все же договорила: – Он вами так гордится, все уши нам прожужжал!

– Гордится? Нами? – Сван попытался сморгнуть слезы, но ничего не вышло, они поползли по щекам, и он сердито вытер их рукавом. – Ну вот, расклеился. Сказал же себе, что никогда больше не буду плакать при людях, но... Я думал, они оба в Хейверхилле. Пришел туда, а там ни Хью, ни папы. И думаю: «Ну, значит, отец еще на постоялом дворе, а Хью с ним». А теперь... Я не умею быть один, у меня не получится, я и сюда-то еле дошел, я...

Он всхлипнул, пытаясь спрятать от меня лицо, и я нерешительно тронула его за рукав, не зная, как успокоить.

– Попроси молодого человека рассказать о своих приключениях, – вполголоса посоветовал наш сосед и, сунув в рот кусок раскаленной пастилы, начал с наслаждением жевать. – Хорошая история всегда отвлекает от грусти.

– У вас, наверное, немало было приключений, – начала я.

– Я не умею рассказывать. – Сван криво улыбнулся. – Слова – это не

мое.

– На самом деле ему льстит твое внимание, – опять встрял сосед, продолжая шумно жевать пастилу. – Сейчас все выложит.

Я залилась краской, и Сван наконец-то посмотрел на меня, именно на меня, а не просто на работницу постоянного двора, и тоже покраснел.

– Извините. Я... Я и правда был вместе с тем, кто вернул Сердце. Его зовут Генри, вы его, наверное, помните: за ним-то посланники и гнались.

И он все нам рассказал. Это была самая потрясающая история из всех, какие я слышала! Поверить невозможно, что Барс выбрал того, у кого дар огня, но так же невозможно было представить, что Сван мог такое выдумать, – очень уж складно он говорил.

Его и правда не назвать было хорошим рассказчиком: он перескакивал с одного на другое, долго подбирал слова, волновался, как ребенок. Но я готова была простить ему все недостатки за то, как он на меня смотрел. Так, словно я была первой девушкой, которая внимательно его слушает, или настоящей красавицей, или важным человеком. Никто нам не мешал – мой догадливый папа увидел, что мы разговариваем, и по всем поручениям бегал сам: когда мне еще выпадет возможность поговорить с таким парнем!

Сван рассказывал о великом герое с даром огня, о немой девушке, торговавшей старинными предметами, о капитане посланников, который нарушил все правила, чтобы помочь Генри. О рыжем фокуснике, о страшном Освальде в железных доспехах и о добром волшебнике Тисе, погибшем от руки злодея. Когда история дошла до того, как Хью перешел на сторону Освальда, я окончательно поняла, что не зря злобный братец Свана мне в Зимний день не понравился. Но потом Сван так жалобно расписывал, как Освальд похитил беднягу Хью, что я смягчилась.

– Худое Пальтишко мне так и не показался, хотя Генри взял с него обещание найти Хью, – хмуро сказал Сван. – Я звал, звал, но Пальтишко как в воду канул. Дальше была эта история с духами вражды – не знаю, можно ли мне про это рассказывать, – и мне было не до Хью. А на празднике в честь спасения королевского дворца я решил: пора идти домой. Вдруг Хью уже сам вернулся? Я нашел человека, который как раз собирался ехать на Север, во дворце мне дали хорошую одежду, еду, и я поехал. Две недели добирался, и ты не представляешь, сколько я всего увидел по пути!

Меня восхитило, как он запросто говорил про королевский дворец, – кто-нибудь другой до конца жизни бы кичился, что видел его хотя бы издали, а Сван ничуть не задирает нос. Я повернулась к человеку с пастилой, чтобы разделить с ним свое восхищение, и увидела, что он спит в

кресле, уютно перекинув обе ноги через подлокотник. То, что он ухитрился заснуть во время такой чудесной истории, поразило меня до глубины души.

– А почему ты не дождался Генри? – спросила я, когда Сван окончательно замолчал. – Он ведь собирался помочь тебе найти брата.

Я тут же пожалела, что открыла рот. Сван вздрогнул и отвел взгляд, словно ему стыдно, хотя чего такой милый и добрый малый мог стыдиться?

– Думал, что теперь сам могу решать свои проблемы. Генри – великий человек, у него и так дел невпроворот, но теперь все равно придется просить его помощи. Раз Хью здесь нет, значит, он еще у Освальда в плену. Или сбежал и заблудился по дороге. Или вообще решил не идти домой – это же Хью, с него станется. Но я его найду. Мне надо вернуться во дворец.

Он поднялся на ноги, и я едва не крикнула: «А как же обед?», но вместо этого только схватила Свана за руку. Ладонь у него была сухая и теплая, и сердце у меня забилося, как у крольчонка.

– Не уходи. Я знаю, как тебе помочь, – выпалила я. – Смотри.

Я зажмурилась, сосредоточилась и...

– Что это такое? – пролепетал Сван, сжав голову обеими руками.

– Качели над бездной. Мое любимое место. Оно на самом высоком берегу озера – раскачиваешься и как будто над пропастью взлетаешь. И жутко, и весело.

– Ясно, но как они мне в голову попали? Я их прямо увидел, но я же там не был никогда!

Это мой дар. – Я широко улыбнулась, глядя, как он хлопает глазами. – Передавать послания. Вкладывать людям в голову то, что видела. Оказалось, это и на расстоянии тоже действует, и мы с отцом вот что придумали. Я запоминаю счастливые моменты на нашем постоялом дворе – как все отдыхают, вкусно едят и веселятся – и передаю их жителям соседних деревень со словами вроде «Приезжайте в «Дом у озера», не пожалеете!». Иногда еще рассказываю что-нибудь – про нашего повара, про хорошие сапоги, которые теперь один старик поблизости делает. У нас теперь комнаты никогда не простаивают, люди даже без дела останавливаются, просто едут посмотреть, действительно ли здесь так хорошо. Сами не понимают, как это они заранее все это увидели, а мы не признаемся, говорим, волшебство.

Мне не было стыдно, что я раскрыла наш с отцом секрет: восхищение на лице Свана все искупало. А потом он сказал такое, что я окончательно поняла: все, влюбилась по уши. Раньше я про подобное только в бабушкиных историях слышала, но сразу поняла, что вот так это и бывает: бешеный стук сердца и всплеск крови, будто ей в твоём теле становится

тесно.

– В старину, наверное, люди с таким даром становились исследователями, – взбудораженно сказал Сван. – Ездили по дальним краям и передавали кому-нибудь вроде Олдуса Прайда все, что видели, а он записывал. А ты можешь, например, проверять, какие из волшебных мест уцелели, пока Сердца не было, и докладывать королю прямо в голову. Или, наоборот, можешь передавать всякие новенькие законы из дворца всему королевству. – Он вскочил. – Ты ведь можешь всем рассказать, что Сердце вернулось! Я по пути сюда встречал кучу тех, кто еще не поверил!

И вот тут-то до меня наконец дошло то, о чем я даже не думала раньше: как бы ни было хорошо дома, я больше не обязана провести здесь всю жизнь. Я могу помочь родителям сделать нашу гостиницу самой знаменитой на Севере, а потом поступить так, как никто еще не поступал: уехать. Жить своей жизнью. Посмотреть чужие края. Найти работу, которую не сможет делать никто, кроме меня. А однажды, когда мне больше не захочется путешествовать, вернуться домой.

Я вдруг заметила, что человек в соседнем кресле больше не спит, – он смотрел на меня таким задумчивым, внимательным взглядом, что я уж думала услышать от него что-нибудь ценное.

– Милочка, а обед-то будет? – спросил он.

И я со вздохом поклонилась. Гость удовлетворенно закрыл глаза, а я развернулась к Свану.

– Я могу передать твоему отцу и брату послание, – зашептала я, взяв его за обе руки. Никогда еще я не позволяла парням брать меня за руку, но оказалось, что бабушка была права: когда встретишь того, кому можно доверять, сразу поймешь. – Покажу им, что ты ждешь их здесь. С ними все в порядке, наверняка в порядке! Может, твой отец как-то сбежал из комнаты и отправился в этот ваш Хейверхилл, а вы просто разминулись в пути. А Генри наверняка победил Освальда окончательно, пока тебя не было, не сидел же он сложа руки! Он, скорее всего, освободил твоего брата, и тот тоже идет в Хейверхилл, и все вы бродите вокруг, а найти не можете.

– А если нет? Если Освальд убил Хью? – тихо спросил Сван.

Я замотала головой так, что из волос выпала шпилька.

– Нет. Конечно нет! Они придут, вот увидишь, только поживи у нас, пожалуйста, поживи! Тебе надо отдохнуть, ты не можешь опять тащиться через все королевство совсем один!

– Я не могу у вас остаться, денег нет. Мне дали немного во дворце, и я их тратил осторожно – ты не думай, у меня в семье все бережливые. Но все

равно надо было есть, и доставать транспорт, и...

– Отработаешь.

– Стихами? – Он улыбнулся своей теплой, доброй улыбкой. – Извини, глупая шутка. Я мечтал о даре сочинять красивые стихи, но, пока добирался сюда, понял точно: если у меня и есть какой-нибудь дар, то уж точно не этот.

– Умеешь же ты таскать тяжести, колоть дрова? Посуду мыть? Я уже не справляюсь, слишком много гостей стало, а нового работника мы еще не наняли. Но погоди, сначала – послание.

Сван смотрел на меня затаив дыхание, и я прикрыла глаза. Искать адресатов послания – все равно что пытаться нащупать в огромной, почти незаметной золотой паутине нужные нити. Это трудно объяснить, и это не то, что видишь глазами, но, стоило мне сосредоточиться, я почувствовала Свана рядом – теплое сияние. А от него во тьму, пронизанную бесчисленными золотыми линиями, шли две, яркие и крепкие, – его связи с родичами. Они уходили куда-то очень далеко, терялись в темноте, – жители соседних деревень по ощущениям были гораздо ближе, – но я все равно запустила по ним свое послание в надежде, что нить донесет его, как река несет кораблик из коры и веток. Я открыла глаза и задышала глубже, унимая головокружение.

– Как тебя зовут? – тихо спросил Сван, и я засмеялась от того, как забавно прозвучал этот вопрос спустя полчаса разговора.

– Мойра. Это значит «судьба».

– Угу, – сказал Сван, и у меня появилось сладкое, мучительное чувство, что он сейчас меня поцелует, если духу хватит.

К сожалению, то же чувство, кажется, посетило моего отца – он вырос перед нами, всем своим видом показывая, что Сван, может, и достойная пара для его дочери, но руки пусть держит от нее подальше.

– Через пять минут будем обедать, уважаемый господин, – сказал папа, мастерски сочетая в голосе почтительность и осуждение. – Прошу к столу. Разрешите предложить вам сесть за тот, что у окна: вид оттуда замечательный. А ты, дочка, иди-ка сюда, нужно помочь на кухне.

Раньше он часто бывал с постояльцами неприятным и грубым, а теперь изменился к лучшему, и я вдруг подумала: а что, если у отца дар управлять гостиницей? Интересно, такой вообще бывает? Но я не успела додумать эту мысль до конца, потому что случилось нечто очень странное.

Посреди комнаты возник шар света – острого, режущего глаза, как блик яркого солнца на воде. Все недоуменно уставились на него, а шар

резко вытянулся, превращаясь в овал, и оттуда вылез человек. Он шагнул к нам в зал, будто из-за невидимого порога, и сияние тут же погасло. Народ, кажется, собирался броситься врассыпную, но тут все разглядели незнакомца и восхищенно замерли.

Это был, наверное, самый красивый парень на свете. Сван казался мне красивым, но было ясно, что настолько совершенного существа, как этот новый парень, природа еще не производила – во всяком случае, вокруг нашего постоянного двора. Рост под два метра, широкие плечи, статная фигура, синие глаза, длинные золотые волосы спускаются на грудь волнами – парень был просто невыносимо хорош собой.

Подруги моей бабушки любили ее за то, что она здорово умела пересказывать старинные истории о белом рыцаре по имени Маурис Шевалье. Маурис вечно спасал красавиц направо и налево, вырывал их из лап опасности, почтительно целовал им руки и уже лет триста был мечтой всех поколений женщин. Так вот, этот длинноволосый парень, застывший посреди комнаты, напомнил мне Мауриса из бабушкиных историй: «Он был так великолепен, что женщины при виде его падали с ног, а мужчины от зависти скрежетали зубами».

Красавец обвел всех взглядом, наслаждаясь произведенным впечатлением. Он был одет в золотистый костюм с пышным кружевным воротником – на мой взгляд, довольно безвкусный, но, может, там, откуда эта птица к нам залетела, все так ходят. Я думала, красавец сейчас скажет, что слышал про наш постоянный двор и желает отведать блюд знаменитого повара, но он молча пошел к нам, и только тут до меня дошло: что-то с этим парнем не то. То, что он появился из воздуха, меня не смутило, – мало ли что люди после возвращения Сердца умеют! Но пугающим было ощущение силы, которое от него исходило, – казалось, воздух вокруг парня звенит и искрится, словно это вовсе не человек.

– Привет, мордастый, – сказал этот подозрительный тип, остановившись напротив Свана, и его голос, низкий и мужественный, тоже подошел бы Маурису Шевалье. – Ты тут, я смотрю, не скучаешь.

Я недоуменно посмотрела на Свана – скулы у него были широкие, но мордастым я бы его точно не назвала. Но Сван вглядывался в поддельного Мауриса Шевалье, и вдруг его глаза расширились.

– Хью, – выдохнул он.

Мне захотелось рассмеяться – Сван, конечно, изменился за этот месяц, но поверить, что его хилый братец-коротышка превратился вот в это великолепие, было уже чересчур. Но красавец расплылся в самодовольной улыбке и кивнул.

– Ага. Самую малость подправил себе внешность, чтобы быть уж совсем неотразимым. Я теперь еще и не такое могу, гляди! – Красавец вскинул унизанные разноцветными перстнями руки. – Пусть этот убогий клоповник станет покрасивее, а то мне тут даже стоять противно. Оп!

Все вокруг начало меняться – стены раздвинулись и вытянулись вверх, зал стал неправдоподобно огромным, а мебель теперь была, как на картинке из старинной книжки: выгнутые спинки стульев, все в позолоте, пол устлан пушистым ковром. Хью – приходилось поверить, что, видимо, это все-таки он, – жадно смотрел на Свана, будто ждал восхищения, но тот замер так же испуганно, как и остальные. Это было, конечно, волшебство, но какое-то жуткое.

– Думаешь, мне без тебя нечем заняться? – раздраженно спросил Хью. – Но раз уж ты позвал меня, так и быть, разрешаю тебе присоединиться. Смотри-ка, а ты похудел. Стал еще страшнее, чем был. Ну ничего, еды у нас теперь будет завалиться.

Сван замер. В присутствии брата он сразу сжался и как будто стал ниже ростом. Я со страху крепче вцепилась в его локоть.

– Хью, – хрипло сказал он. – Почему ты в таком виде?

У красавца вытянулось лицо.

– И все? – неприятным, резким голосом спросил он. – И это все? Никакого «Я так рад, что тебя не прикончил Освальд», «Какое счастье, что ты теперь на такое способен», «Как здорово, что ты пришел за мной»? Нет?

Хью огляделся, будто призывал всех в свидетели своего возмущения.

– А вы чего такие хмурые? – с фальшивой улыбкой спросил он. – Ну я вас развеселю. Пусть у всех тут появится куча денег!

С потолка посыпались золотые монеты. Все вскрикнули, закрывая головы. Когда монеты перестали падать, никто их не подобрал. Мы люди простые, но понимаем: когда деньги внезапно с потолка сыплются, это не может закончиться ничем хорошим.

– Что ж вы за существа, людишки, – поморщился Хью. – Вечно все не так, хоть луну с неба достань! Кстати, вот, если уж она вам нужна. – Он щелкнул пальцами, и серебристый свет на улице превратился в обычный солнечный, а на ладонь ему упал серый шарик. – Вот она, луна. Пришлось ее уменьшить. Хотите на память?

Все попятились. Хью швырнул камень на пол, и тот с глухим стуком покатился по полу.

– Хью. По... – Сван перевел дыхание и начал заново: – Пожалуйста, скажи, что ты не сделал чего-нибудь ужасного, чтобы вот это все... Вот этому научиться.

Синие глаза Хью сузились.

– Почему, если у меня дела в кои веки идут в гору, сразу такие мысли? Потому что я веселюсь, вместо того чтобы тебе сопلي вытирать? Ну же, ты что, не впечатлен тем, что я могу? – На все столы прямо из воздуха вдруг шлепнулись блюда, полные еды. – Вот, ты же любишь поесть, налетай!

– Ты знаешь, где отец? – вдруг спросил Сван.

– Скажем так: у него есть время подумать над тем, что отец из него хуже, чем из Освальда, – ухмыльнулся Хью. – Мы теперь всем в Хейверхилле сможем отомстить – зря они над нами смеялись. Идем. Да мне теперь даже идти не надо! Я, как волшебник, куда хочешь могу сразу попасть.

– Ты кому-то навредил, – выдавил Сван, и это был, кажется, не вопрос.

– И что с того? – разозлился Хью. – Какая разница? Все теперь мое. Наше. И это справедливо. Мы – великие братья Кэмпбеллы, избранные, Барс же показался нам! В этой истории мы главные, Генри просто влез в последний момент, а теперь ему все достается!

– Что ты несешь? – пролепетал Сван, втягивая голову в плечи. – Он всех спас. Он герой, он наш друг и...

Ой, серьезно? Друг? Да ему наплевать на тебя! – скривился Хью. На таком прекрасном лице детская гримаса смотрелась очень странно. – Вы все прямо с ума по нему сходите, да? Да он просто самодовольный болван, которого всегда любили, и он даже представить не может, каково это – быть посмешищем даже для собственного отца.

– Любили? – От удивления Сван даже голос повысил. – На него же всю жизнь охотились! Хью, ты чего?

– О, поверь, так называемый папочка его обожал. – Хью коротко хохотнул, и я поежилась от этого звука. – Я все теперь вижу по-другому. Генри – как огонь, как проклятущее пламя, но все, кого он встречает, тут же любят его, как родного. Ну ничего, я это исправлю. Прикончу его, как зверя, и все его новенькие дружки не помогут, он сдохнет один, как положено злобной твари! – Он с трудом взял себя в руки и перевел дух.

Сван молча смотрел на него во все глаза, и Хью нетерпеливо прибавил:

– Нечего так испуганно пялиться, тебе я ничего не сделаю, ты ж мой брат. Помнишь, как нам было весело вместе? Пошли отсюда, без меня ты пропадешь, тупица.

– Нет. Не пропаду, – еле слышно перебил Сван и выпрямил спину.

Хью пригляделся – и вдруг его красивое лицо застыло, глаза забегали, будто он с огромной скоростью что-то читал.

– Ты не пошел меня спасать, – медленно проговорил он, – потому что в глубине души не хотел, чтобы я вернулся. Тебе хотелось проверить, каково это: быть одному. Не зависеть от меня. И чем дальше ты шел, тем меньше я был тебе нужен.

– Нет! Я хотел, чтоб ты вернулся! – крикнул Сван. Он был весь красный, и жилка билась на виске. – Хью, ты же мой брат, я пошел бы тебя искать, я бы не остановился, пока не...

Хью утомленно поднял руку, и Сван замолчал.

– Вот я кретин: думал, ты меня поймешь, а ты и себя-то, дубина, не понимаешь. Конечно, ты в конце концов пошел бы меня искать. Ты же у нас добряк, и тебе было бы стыдно, что без меня ты прекрасно себя чувствуешь. – Хью как-то поблек, обвел взглядом зал и попятился. – Думаю, теперь я должен уйти и оставить тебя в покое. Дать тебе жить своей жизнью. Вернуть отца на этот постоянный двор, который он так полюбил. Извиниться перед Генри за то, что убил его отца и брата.

– Ты что сделал? – дрожащими губами проговорил Сван.

– Ну да, – невозмутимо кивнул Хью и сокрушенно покачал головой. – И перед Барсом за то, что забрал его силу. Да и вообще положить эту дурацкую силу на место.

Он пошел к двери. В комнате висела такая тишина, что ее ножом можно было бы резать. Сван медленно выдохнул, и ужас в его глазах чуть притупился. А потом Хью остановился.

– Точнее, я мог бы так сделать. Вот только чуть не забыл кое-что, – подрагивающим голосом проговорил он, не оборачиваясь. – Я ж теперь самый могущественный человек в королевстве и никому ничего не должен. Особенно тому, кто решил бросить меня на произвол судьбы и завести себе новых друзей.

– Хью, не дури, – беспомощно выдохнул Сван. – Пожалуйста, прекращай, я очень тебя про...

Тот вдруг заорал, оглушительно, на одной ноте, как рассерженный ребенок, сжав кулаки, – и люди вокруг начали падать. Повар, мой отец, все постояльцы, – один за другим, как тряпичные куклы. Я даже не сразу поняла, что случилось, думала, их просто оглушили вопли Хью. Но никто не двигался, и вот тогда закричала и я. Мне казалось, от рыданий меня сейчас на части разорвет, но почему-то изо рта не вырывалось ни звука. Я не сразу сообразила: ладонь Свана зажимает мне рот. Рука у него была ледяная, и я вцепилась в нее зубами, но он не отпустил. Все были мертвы, они умерли, я видела это по их раскрытым остекленевшим глазам, и сквозь ужас и невыносимую боль ко мне вдруг прорвалась странная, неуместная

мысль: кого-то в этой комнате не хватало. Но я никак не могла понять кого, не могла сосредоточиться.

Хью подошел к нам. Он выглядел совершенно спокойным, невозмутимым, как будто не он только что убил десять человек, даже не прикоснувшись к ним, и внезапно посмотрел прямо на меня, так, будто впервые заметил.

– О, смотри-ка, да ты девчонку себе нашел. Она не сдохла, потому что ты ее защищаешь. – Он снова всмотрелся во что-то далекое, глаза у него бежали все быстрее. – Какая прелесть. Кто-то польстился на моего тупого жирного брата, вот это и правда чудо. Ну ладно, это можно исправить.

Он задумчиво посмотрел на меня, и мне захотелось вцепиться ногтями в это фальшивое лицо, которое больше не казалось красивым.

– Нет. Не надо, Хью, – еле слышно сказал Сван, с трудом выталкивая из себя слова. Он весь трясся, но не отпускал меня. – Я сделаю, что скажешь. Я буду...

– Да мне наплевать. Поздно, братец. – Хью криво улыбнулся. – Раньше надо было думать. Это ты виноват. Ты до всего этого довел.

Он занес руку, и тут ему в затылок ударило что-то маленькое и круглое. «Луна», – заторможенно подумала я. Наверное, она была очень твердой, а удар – очень метким: Хью вскрикнул и схватился за затылок. Никто не двигался, но луна, серый круглый камешек с разводами, снова поднялась в воздух с пола, набрала скорость и треснула Хью по лбу. Тот вскрикнул и зарычал почти испуганно – у него был такой дикий вид, будто он привидение увидел.

– Кто здесь? – Хью бешено озирался, а потом закрыл глаза. – Я тебя не вижу. Кто ты такой? Не Барс, точно не Барс, но кто тогда?

– Положи силу туда, где взял, Хьюго, – сказал из пустоты странно знакомый голос. – А если не можешь, хотя бы пожелай себе ума: умному не так скучно быть одиноким, а ты, несомненно, в конце концов останешься совершенно один.

Хью не ответил – его глазные яблоки быстро двигались под веками, и я поняла, что надо делать: треснуть его по башке, пока не смотрит. Я огляделась в поисках тяжелого предмета – от Свана я помощи не ждала, он замер на месте, как дерево.

– Ну, а вот теперь вижу, – пробормотал Хью, резко схватил рукой пустоту, словно комара ловил, и только тогда открыл глаза.

Из пустоты раздался вскрик, шипение, какое-то витиеватое и древнее ругательство. Хью посмотрел на свою руку. Теперь он сжимал в ней клочок темной ткани, с которого на пол капала кровь. Он бросил его и с улыбкой

огляделся. Теперь в комнате было тихо.

– Это вчера вы, ребята, были непобедимыми, – зло сказал Хью. – Но ты, старик, кое-чего не понял: время сказочек Барса закончилось. Теперь это мой мир, и все тут будет так, как я хочу.

В следующую секунду я почувствовала что-то невыносимое – как будто мои ребра треснули, изогнулись и костяным обручем сжали мне сердце. Сван закричал, и я вцепилась в него. Больше ни на что не было сил, меня затапливал ужас такой силы, что даже боль по сравнению с ним не имела значения. Сван зашептал что-то, и сначала я даже слов не могла разобрать, но потом разобрала, и от удивления даже вдохнула в полную силу. Наверное, бывает так, что дар спит, пока его не разбудит большое потрясение, и вот это, кажется, и произошло. Сван говорил стихами, и это были хорошие стихи:

*– Каждый сам выбирает, куда он идет,
Я – только вперед, мое сердце из стали.
И в мире, пустом и холодном, как лед,
Слова нам вернут то, что мы потеряли.*

Я бы очень хотела, чтобы это была история того, как я выжила и стала счастливой, но это история того, как я умерла. Бабушка говорила, что смерть – это прекрасная девушка в белых одеждах, она возьмет тебя за руку и поведет за собой. Во всяком случае, именно такая пришла за Маурисом Шевалье в последней истории про его приключения, но я думаю, что у каждого она своя. Моя смерть выглядела, как прекрасный юный поэт, и его мягкий голос, его рифмующиеся строчки сопровождали меня туда, откуда не возвращаются.

Но это не совсем конец. В последние секунды, когда я думала, что больше ни разу не смогу вдохнуть, я внезапно поняла, что должна сделать. Сван использовал свой дар, а я использую свой. И тогда я собрала все оставшиеся силы и отправила послание. В реальности времени было совсем мало, но у слов свои законы: я внезапно с невероятной ясностью поняла, что мой дар полностью мне подчиняется, что на самом деле я могу не только расхваливать наш постоянный двор жителям соседних деревень, я могу отправить послание любой длины и сложности куда угодно. И я отправила его тебе. Сван был прав: ты сияешь, как солнце, и найти тебя в бесконечной золотой паутине человеческих связей оказалось совсем легко.

Где-то снаружи Сван все еще плачет, и мне очень хочется успокоить

его, но я не могу больше открыть глаза. Впрочем, здесь время идет совершенно по-другому, и его достаточно, чтобы сказать тебе все, что нужно. Я знаю, что, как только произнесу последние слова, мне конец, – но дар все-таки удивительно мощная штука. Пользуясь им, становишься частью чего-то большего, чем ты сам. Становится не так одиноко жить – и умирать тоже.

Говорят, в историях важны только главные герои, всякие рыцари и принцы, короли и королевы, а остальные – просто пешки, которых сметают с доски по пути. Но чтоб они провалились, эти правила! Я говорю от лица всех пешек, всех проглоченных и неважных, всех второстепенных и посчитанных сотнями. Спаси нас, Генри, сделай так, чтобы никто больше не погиб, потому что сам Хью не остановится. Я видела его глаза, когда он убил меня: безумные и жуткие, словно он уже и вовсе не человек.

Меня зовут Мойра Браун, я мастер посланий и простая девчонка с постоянного двора, и с меня начинается эта история, но она не про меня, конечно нет.

Это – твоя история.

Глава 1

Четвертый волшебник

За свои шестнадцать лет Генри твердо выучил одну истину: если просыпаешься с нехорошим предчувствием, не думай, что оно тебя обманет. Чутье – упрямая штука, оно вещает из самой глубины твоего существа, из тьмы, куда мысли не дотягиваются, и если оно говорит тебе, что дела плохи, готовься: ты еще мирно дремлешь, а оно уже засекло шорох стрелы, отпущенной в полет за сотню метров от тебя.

Вот и теперь Генри открыл глаза, лежа на чем-то мягком, в тепле и безопасности, а чувство тревоги словно покалывало его изнутри. Он приподнялся на локте и огляделся, но на вид все было в порядке: с тех пор как он заснул в этой самой библиотеке под монотонное чтение Эдварда, ничего не изменилось. Разве что Эдвард перебрался на соседний диван – видимо, Генри сильно толкал его во сне – и теперь спал, свесив руку вниз и опустив на грудь раскрытую книгу.

За окном по-прежнему сияло солнце, но это вовсе не значило, что наступил день, – спасибо Хью и безобразию с небесными светилами, которое он устроил. Собственное чувство времени говорило Генри, что проспал он от силы часа два, а значит, ночь даже до середины не добралась.

Глаза слипались, Генри зарылся лицом в подушку с облезлой старинной вышивкой и провалился в спокойный, глубокий...

– Просыпайся, Генри, – мягко проговорил незнакомый голос. – Как говорят наши общие друзья скриплеры, «некогда объяснять, но нам пора».

«Ну, началось», – успел подумать Генри, скатываясь с дивана и ныряя за него, чтобы спинка в случае чего закрыла от стрелы или ножа.

У окна, там, где минуту назад никого не было, стоял высоченный темноволосый мужчина в шерстяном плаще. Освальд учил Генри: «Если кто-то незаметно к тебе подкрадется, сначала засвети ему чем-нибудь тяжелым, а потом уже разглядывай, кто пожаловал». Но в этот раз Генри только выглянул из-за дивана и даже не стал прятаться обратно. Во-первых, ничего тяжелого под рукой все равно не было, во-вторых, незнакомец был удивительно похож на Перси: смуглый, кареглазый, с внимательным теплым взглядом, словно читающим мысли. Правда, в отличие от Барса в человеческом обличье, у гостя были короткие волосы и мощная фигура, не оставлявшая сомнений в том, что в случае чего он может кулаком вогнать в доску гвоздь.

– Ты отец Перси? – брякнул Генри, потому что сходство было поразительное. Вот таким бы Перси и вырос, если бы не был болен, ну и если бы тренировал мускулы лет этак двадцать подряд.

Тут Генри запоздало сообразил, что никто, кроме людей во дворце, не знает, что великий Барс на самом деле – хилый подросток, но гость расхохотался так, будто понял вопрос и нашел его уморительно смешным.

– А ты умеешь польстить, Генри. Нет, мы с ним не родственники, но, знаешь, творение иногда бывает похоже на своего создателя больше, чем последнему хотелось бы.

Гость натянул капюшон плаща, грузным шагом подошел к той стене, где висели портреты волшебников, и сел в кресло под одним из них.

– Ты – Странник. Четвертый волшебник, – выдохнул Генри, переводя взгляд с нарисованной фигуры в низко надвинутом капюшоне на такую же, но настоящую.

– Собственной персоной. – Странник качнулся вперед в каком-то сидячем подобии вежливого поклона. – Тебе повезло, Генри: не могу вспомнить ни одного смертного, которому удалось бы познакомиться со всей четверкой волшебников. Да ты и вообще счастливчик – в твоём последнем приключении я буду сопровождать тебя, а такая честь не всякому выпадает. – Его губы внезапно тронула мягкая, добрая улыбка. – Не волнуйся. В отличие от Тиса, я хороший наставник и не брошу, когда нужен.

– Звучит обнадеживающе, – пробормотал Генри. – А можно уточнить насчет «последнего приключения»? Надеюсь, ты имел в виду, что я разделаюсь с Хью и буду жить спокойно, а не то, что я протяну ноги?

Странник снял капюшон и откинул голову на спинку кресла. Он больше не улыбался.

– Перси вечно надеется на лучшее, вот так он своей силы и лишился, – негромко сказал он. – Такому, как Хью, подобная сила не по зубам, он не сможет держать ее в узде, и тогда погибнут люди. К счастью, у нас есть оружие на крайний случай, и этот случай стремительно наступает. – Странник поднялся и взял Генри за оба запястья. – Идем, Генри. Ты можешь покончить с этим, пока Хью не натворил дел.

Генри выдернул свои руки из его хватки. Он уже чувствовал, куда клонится разговор.

– Мой дар не действовал на Барса, я прикоснулся к нему и не обжег. И на Хью не подействует. Мы найдем другой способ с ним разобраться.

– Ты не желал Барсу смерти, а еще ты был слаб, но сила разрушителя – понятие растяжимое.

Генри выдавил короткий, отрывистый звук, надеясь, что это сойдет за невозмутимый смешок.

– Если я стану сильнее, я не смогу контролировать огонь. Превращусь в чудовище, которое будет хуже Хью, и не смогу больше стать собой, обычным человеком, вернуться назад и... – Генри всмотрелся в лицо Странника и медленно проговорил: – Но этого ведь в твоем плане и нет, верно? Я – просто оружие.

– Ты не обычный человек, ты разрушитель, – негромко сказал Странник. – Бояться самого себя – путь в никуда, Генри. Тебе придется пустить дар огня в ход, хочешь ты или нет. Я всего лишь предлагаю сделать это, пока никто еще не погиб. Сейчас ты слишком слаб. По сравнению с Хью – просто котенок. Тебе нужно заставить огонь вырасти во много раз, вот тогда у тебя будет шанс.

От гнева Генри едва не задохнулся. Произнося все это, Странник казался таким спокойным, что хотелось ударить его по лицу.

– Мы успеем остановить Хью, у нас тут самые умные люди в королевстве. – Генри сделал широкий жест, имея в виду всех, кто в замке: Эдварда, Перси, Освальда. – Мы найдем способ решить все мирно.

– Хорошо иметь верных соратников. Но тот, кто хочет сделать что-то великое, всегда остается один, – пожал плечами Странник и каким-то мальчишеским, вызывающим движением сунул руки в карманы штанов. Под плащом одежда у него была самая обычная, неприметная и темная. –

Чтобы совершить невозможное, приходится отдавать все без остатка, а победить Хью, считай, невозможно. Он очень силен, я чувствую, и одолеть его можешь только ты, один на один: твой дар против его силы.

– Знаешь, а я понял, в чем твоя беда. Ты не привык искать помощь, ты всегда один, – захлебываясь от злости, пробормотал Генри. – Эдвард говорил, ты вечно скитаешься по королевству, про тебя даже сказок не рассказывают, у тебя нет друзей, никого у тебя нет. А мы теперь все вместе, и вместе мы победим его, не превращая меня в зверя.

Генри обернулся на спящего Эдварда. Он был дома, с семьей, и это придавало ему таких сил, каких никогда не придавало одиночество. Но наверное, после многих лет одиноких скитаний Страннику было этого не понять.

– Думаешь, я хоть чего-то не сделаю, чтобы их защитить? Но только не это, только не то, о чем ты просишь. Я уже четыре раза победил, не используя дар, смогу и в пятый. Спасибо за попытку помочь, а теперь вали отсюда, я не собираюсь тебя слушать, не собираюсь поддаваться огню, или умирать, или чего еще ты там от меня хочешь. Нет уж, не в этот раз. Я хочу жить, мне есть теперь ради чего, и я выживу. И одержу победу без всякого огня. Это ясно?

Странник примирительно поднял руки и сделал шаг назад.

– Твое самомнение, Генри, однажды тебя убьет. Ладно, как знаешь. Если передумаешь...

– Не передумаю.

– ... то позови, и я приду.

– Дашь мне склянку вызова, как Тис? – ядовито спросил Генри. Раньше ему было так легко оставаться спокойным, но сейчас он чувствовал упоительную злость, чувствовал себя живым как никогда. – Давай, я ее на твоих глазах в окно вышвырну, чтобы до тебя наконец дошло мое «нет».

Странник невесело, скупно улыбнулся:

– Лично мне все эти сказочные штуки не нужны – просто мысленно позови меня, и все. До встречи, Генри.

Он исчез, а Генри тяжело опустился в кресло. Он вдруг понял, что его встревожило: и Джоанна, и волшебные существа были потрясены, узнав об истинном обличье того, кто их создал, а вот Странник, кажется, всегда знал настоящее имя Барса. Что, если четвертый волшебник куда могущественнее трех остальных? Что, если он прав, и стать огненной тварью – единственный способ разобраться с Хью?

Генри успел провалиться в эти размышления так глубоко, что с трудом от них оторвался, когда Эдвард заворочался и приподнялся на локте.

– С кем ты разговаривал? – сонно спросил он.

– Ни с кем, – неестественно бодрым голосом сказал Генри, глядя в окно. Сейчас ночь, сейчас же ночь, ничего не случится до утра. – Можешь рассказать мне все, что знаешь про Странника?

И тебе доброе утро. – Эдвард, кряхтя, сел и бережно переложил книгу на стол. – Ладно, слушай. Никто не знает, что он может, как выглядит, плохой или хороший. В сказках он появляется редко и всегда в надвинутом на лицо капюшоне. Самый таинственный волшебник из всех. Считается, что каждый может встретить его в дороге, а еще, помню, в одной сказке говорилось, что у него есть особая сила, которую он открывает одному из тысячи, только не сказано, что надо сделать, чтоб попасть в число этих счастливчиков. – Эдвард зевнул, старательно прикрывая рот рукой. – Так, секундочку. По-моему, еще глубокая ночь. Ты не против разойтись спать по своим комнатам? Пружины в этом диване, кажется, сговорились меня прикончить.

– Что, если где-то что-то уже случилось? – пробормотал Генри.

– Угу. За те несколько часов, пока окружающий мир был без твоего присмотра, треснула небесная твердь, и люди начали ходить на головах. Эй! Генри, стой, я же шучу! – Эдвард догнал его и загородил собой дверь. – Ничего не случилось, балда! Ты до утра дожить не можешь, не спасая всех направо и налево?

Генри сделал рывок в сторону, а когда Эдвард подался следом, резко сменил направление, скользнул под его рукой и выскочил в коридор. Там было тихо, все обитатели дворца, кажется, мирно спали, но вопрос, который он хотел задать, до утра ждать не мог.

– Ты дома, больше не обязательно быть героем круглые сутки, – частил Эдвард, не отставая от него. – Кстати, я знаю, чем мы займемся с утра: надо бы подобрать тебе комнату. Гостиная спальня, где тебя поселили, слишком скромная для принца, а в твоей детской теперь живет Перси, но ты можешь выбрать любую дру... Генри!

Дойдя до нужной двери, Генри не стал стучать, просто распахнул ее и, подойдя к маленькой кровати, громко кашлянул. Впрочем, вежливый кашель на Перси не подействовал, и Генри молча усадил его, крепко держа двумя руками за плечи. Тот сонно моргнул и попытался лечь обратно, но Генри не отпускал.

– Ты что творишь! – зашипел Эдвард. – Он же сотни лет не спал!

– Я и забыл, как громко бьется сердце, когда тебя трясут со сна, – пробормотал Перси, не открывая глаз. – Как же хорошо быть живым: веки слипаются, в голове туман. Волшебное чувство.

– Кто такой Странник? – выпалил Генри. – Ясно, что он волшебник, но... Если его вызвать, он может нам помочь? На что он способен?

Перси распахнул глаза, и на его лице проступило выражение, которого Генри там еще не видел: страх.

– Нет, Генри, – медленно проговорил он, разом проснувшись. – Звать его было бы верхом безумия, и, надеюсь, он нам в пути не встретится. Выбрось эту идею из головы и обещай, что никогда, никогда не позовешь его сам.

Генри медленно выдохнул. От облегчения у него шея взмокла: он же чувствовал, чувствовал, что этому здоровяку в капюшоне нельзя доверять, как же хорошо, что он оказался прав.

– Обещаю, – быстро ответил он. – А теперь надо всех будить: Хью вторые сутки разгуливает по королевству с огромной силой, пора с этим разобраться.

Перси сел, опираясь спиной на подушку, и взглянул на Генри неожиданно острым взглядом – не ребенка, а мудрого волшебника, пусть и растерявшего свою силу.

– Думаю, Хью пока тратит время на исполнение всех желаний, какие посещали его при жизни. Отведать лучшие блюда, пожить в роскоши, поцеловать красивую девушку. – Перси широко зевнул. – Но скоро он кое-что поймет: ирония его положения в том, что человеческие развлечения больше не приносят радости, потому что он не совсем человек. И тогда, думаю, он испугается и вернет силу на место. Все эти восхитительные ощущения – усталость, сон, голод, сытость – ни на что не променяешь.

– Вы же променяли, – тихо сказал Эдвард.

Он смотрел на этого встрепанного сонного мальчика как на чудо, подобного которому никогда не видел. И Генри вполне разделял его чувства: его поражало, что Перси не горюет о потере своего величия.

– У меня была цель, – фыркнул Перси. Щека у него дергалась даже со сна, но и от этой половинчатой улыбки Генри почувствовал, что начинает улыбаться сам. – Я хотел сделать нашу печальную землю королевством волшебства, а мечтатели всегда готовы идти на неудобства. Но Хьюго не производит впечатления человека, мечты которого простираются далеко, и, думаю, он быстро наиграется. Ну или есть еще вариант: он поумнеет и решит использовать силу для чего-нибудь полезного.

– Либо решит поубивать всех вокруг, – покачал головой Генри.

– Я всегда надеюсь на лучшее, – безмятежно сообщил Перси. – Давайте изо всех сил поверим, что Хью исправится. Иногда помогает.

И с этими словами он упал обратно на кровать, завернулся в одеяло и,

кажется, немедленно заснул.

– Он прав, – шепотом сказал Эдвард. – Уверен, Хью образумится или просто будет сидеть тихо.

Генри поднял брови. Он думал, Эдвард придет в восторг оттого, что надо побороть еще одного врага, совершить подвиг, проучить обидчика, – в общем, сделать что-нибудь героическое. Но Эдвард глядел встревоженно, и нерешительное, просящее выражение его лица сказало Генри больше, чем слова.

– Ты не хочешь с ним драться, – медленно проговорил Генри. – Он же тебя... Он тебя убил. Он убил скриплеров, и кошек, и Освальда, и...

– Вот уж кого не жалко, – вставил Эдвард.

– И после этого ты считаешь, что Хью будет сидеть тихо?

– Ну, если мы явимся к нему со словами «эй, паскуда, мы пришли тебя побеждать», тут он точно даст сдачи. Не надо пороть горячку, давай подождем.

Генри вытаращил глаза. Слышать такое от Эдварда было все равно что услышать от волка: «Я тут подумал и решил перейти на овощи».

– Ты дома, – свирепо сказал Эдвард. Он был весь красный, не то от злости, не то от стыда. – Тебя тут долго ждали. Может, дашь нам хоть немного насладиться твоей компанией, прежде чем нестись куда-то сломя голову? Нет! – Он резко поднял руку, увидев, что Генри собирается ответить. – Больше никаких подвигов, хотя бы до утра.

Эдвард сердито распахнул дверцы огромного шкафа, порылся на полках и вытащил пыльную деревянную доску, разрисованную белыми и черными квадратами.

– Раз не хочешь спать и другим не даешь, вернемся в библиотеку и сыграем.

– Не уходите, – внезапно пробормотал Перси. – Даже во сне приятно побыть в хорошей компании.

С этими словами он закрыл глаза, и в ту же секунду его дыхание снова стало глубоким и ровным.

– Вот как надо засыпать, учись, – весело сказал Эдвард, садясь в кресло рядом с небольшим столиком, и высыпал из холщового мешочка черные и белые фигурки.

Генри взглянул за окно. Все, чего он хотел, – это остаться в теплой, уютной комнате, заваленной детскими вещами, в комнате, где он и сам чувствовал себя ребенком. Остаться рядом с братом, который его защитит и научит играть в шахматы, рядом с мальчиком, который однажды создал королевство, а теперь спит, обняв подушку.

«Тебе надо идти, тебе пора, мирные времена не для таких, как мы с тобой, – сказал огонь, и Генри вздрогнул. Этот злой, азартный голос, шепчущий на ухо изнутри, до сих пор заставлял его врасплох. – Пойдем, дружок. Мужик в плаще был прав, я тебе пригожусь. Сейчас наше время».

– Валяй, расставляй, – сказал Генри, падая в кресло напротив Эдварда. Слушать советов огня, древней злобной сущности, уж точно не стоило. – Я помню, как дед нас учил играть, но не помню, что надо делать.

– Ничего, три минуты, и ты все поймешь. Сам с собой я часто играл. Заметь, всегда выигрывал!

Вместо трех минут потребовался час, чтобы до Генри начало доходить, как устроена вражда этих фигурок.

– Прекрати все время ходить ферзем! Я вижу, что это твоя любимая фигура, но не подставляй ее так! – возмущался Эдвард. – Пусть в твоей команде все действуют вместе – пешками можешь жертвовать, ими хорошо отвлекать внимание от важных фигур. Попытайся продвинуться вглубь доски и навести в моих рядах панику.

Они сыграли три партии – Генри проигрывал так быстро, что не успевал даже разобраться, как можно было этого избежать, – и как раз начали четвертую, когда в дверь тихонько постучали. Эдвард посмотрел на громоздкую конструкцию с двумя гириями, висевшую на стене, и Генри вспомнил, что вот по таким штукам – часам – определяют время те, кому недостаточно солнца, теней и звезд. Впрочем, теперь часы пришлись как нельзя кстати – за окном было светло, как в полдень, у неумехи Хью даже солнце не двигалось по небу, так и висело на одном месте, как приклеенное, – и только часы напоминали, что ночь в разгаре: половина третьего.

– Войдите, – громким шепотом сказал Эдвард.

Перси даже не пошевелился – видимо, за тысячи лет и правда соскучился по сну. Дверь приоткрылась, и в комнату заглянул Джетт. Глаза у него сияли.

– Удобный у вас дворец, сам выводит, к кому хочешь! Генри, я тебя искал, думал, вдруг ты тоже не спишь. А тут услышал голоса за дверью и решил зайти.

Он просочился в комнату, прикрыв за собой дверь, и Эдвард неодобрительно щелкнул языком:

– А разрешения спросить не надо?

– Не в такой чудесный день! То есть ночь. – Джетт шлепнулся на пол

рядом с их столом. – Мама заснуть не могла, я играл ей на губной гармошке, и, представляете, помогло: она меня вспомнила! Действительно поняла, что я – это я, а не ее выдумка, и что мы правда во дворце! Она потом заснула, а я так и не смог, и, в общем, у меня к вашему высочеству два вопроса. – Он развернулся к Эдварду. – Вопрос первый: можно мы с ней тут останемся? Идти-то некуда. Уверен, мой друг король возражать не будет, но я решил прощупать вопрос со всех сторон.

– И на каком же основании вы собрались поселиться во дворце? – поинтересовался Эдвард.

– На том, что я лучший друг вашего чудесным образом найденного брата, а тот никогда не бросит человека в беде. – Джетт подмигнул Генри. – Еще я могу играть на гармошке, а ваш дорогой отец как-то сказал мне, что звуки гармошки поднимают ему настроение. Ну как, не возражаете?

– Не королевский замок, а проходной двор, – проворчал Эдвард.

– И сразу второй вопрос, – бодро продолжил Джетт, подбрасывая на ладони шахматную пешку, хотя Генри даже не заметил, как та оказалась у него в руке. – У вас нет каких-нибудь видов на Агату? То есть, проще говоря, интересуется ли она вас в возвышенно-любовном, поэтическом смысле или путь свободен?

На скулах Эдварда начал проступать гневный румянец.

– Ах ты, наглец. Это самая высокородная невеста во всем королевстве, и ты думаешь, что она...

– Да не кипятитесь вы! – беззаботно махнул рукой Джетт. – Слушайте, она мне нравится, и у меня, по-моему, есть шанс. Я – парень хоть куда! Нам всем было не до любовных песен – ну, знаете, Освальд, Предел, мои односельчане, смерть вашего высочества и все такое, – но теперь мне уже хочется жить нормально. Не бежать, как заяц, а с мамой где-то обжиться, девушку найти. Да, я понимаю, Хью обрел силу Барса, и это ужасно, но, может, он как-то... ну... подзабудет про нас? Или подавится этой своей силой? – Джетт перевел дыхание и тут же зачастил снова: – Так как насчет Агаты? Она свободна? И как у вас вообще все это устроено? У нас в деревне, когда девушка нравилась парню, он просто подходил к ней и говорил: «Может, поженимся?», а она обычно отвечала: «Ну ладно, давай». Деревня маленькая, и, чтобы одной не остаться, надо соглашаться. Но у вас тут, наверное, этого маловато будет.

– Вообще-то ее когда-то прочили мне, – процедил Эдвард, покрасневший уже до цвета бордовых бархатных штор на окнах. – Она дочь хранителя казны и главной придворной дамы, а ты – простолюдин, который не умеет даже...

– Давайте проще: любите вы ее или нет? – перебил Джетт.

Эдвард с утомленным видом прикрыл глаза, но ответить не успел: в дверь опять постучали.

– Да уж заходите, – проговорил он, взглянув на часы. Без четверти три.

В комнату заглянула Агата. Она хотела уже показать Генри какую-то табличку – говорить она по-прежнему не могла, – но тут заметила, как все на нее смотрят, и настороженно замерла.

– Ну что же ты, проходи. Тебе, наверное, тоже не спалось, – сказал Эдвард тем дурацким медовым голосом, который использовал только для общения с женщинами.

Агата попыталась отступить обратно за дверь, но Джетт вскочил, подошел к ней, прихрамывая еще сильнее, чем обычно, и с небрежным видом оперся на притолоку.

– Приветик, – тем же тоном, что и Эдвард, проговорил он. – Как дела? Необычная сегодня погода.

Генри прикрыл лицо рукой. Агата прожигала его таким взглядом, будто это он виноват, что все внезапно сошли с ума.

– Присаживайся на диван, мы рады твоей компании, – пророкотал Эдвард.

Генри едва не застонал, но Эдварда было уже не остановить: судя по всему, дело было даже не в том, чтобы понравиться Агате, а в том, чтобы позлить Джетта. Эдвард взял Агату под руку и проводил до дивана. Та с опаской села и попыталась незаметно положить в карман табличку, но Джетт, несмотря на возмущенное мычание Агаты, ловко выхватил табличку у нее из рук.

– «Генри, не спалось из-за солнца, искала тебя», – прочел он вслух.

– Это невоспитанно! – возмутился Эдвард, но, услышав следующие слова Джетта, замолчал.

– «Давай обсудим, как разобраться с Хью. Я могу быть полезной, я хочу всем это доказать, только не оставляй меня тут. Мама жаждет выдать меня хоть за кого-нибудь, раз уж Симон куда-то пропал». – Джетт помолчал, а потом лицо у него просветлело. – Я знаю, как решить этот вопрос.

– Не вздумай, – сердито перебил Эдвард. – Не до такой степени «хоть за кого-нибудь».

Оба уставились на Агату, и та, бросив на них подозрительный взгляд, вытащила из сумки, перекинутой через плечо, пачку картонных табличек с готовыми надписями. Перебрала их – Генри успел заметить: «Привет», «У меня дар понимать, как работают вещи» и «Я это почию» – и высоко

подняла ту, на которой было написано «Что случилось?».

– Ничего, – быстро сказал Эдвард. – Кстати, ты прекрасно выглядишь.

Агата с сомнением оглядела свое старое малиновое платье с невероятно облезлыми кружевами, и Эдвард поспешно прибавил:

– Да, отличное платье. Принадлежало матери твоего отца, верно? А до этого ее матери. Он подарил его тебе на шестнадцатилетие, как раз перед тем, как его убили. Хороший человек был твой отец. Помню, над тобой тогда из-за платья смеялись другие девушки – кружева ценная штука, надо было вашей семье получше их хранить, а так их моль съела еще в прошлом веке. А твой отец сказал, что его мать была самой красивой женщиной во дворце и с гордостью носила это платье, ведь женщины вашего рода не боятся быть смешными, потому что они храбрее всех.

Агата слушала его с широко раскрытыми глазами, и Генри услышал, как Джетт еле слышно пробормотал: «И кто еще тут ловкач без стыда и совести?» Тем временем Агата, вынув из сумки пустую табличку и кусок угля, торопливо нацарапала:

«Откуда ты все это знаешь? Ты десять лет бродил, как призрак, и ни с кем не разговаривал».

– Я следил, – со значением сказал Эдвард. – Следил за всеми. Иногда вы меня не замечаете, а я тут как тут. Поверь, я это умею.

– Буду теперь проверять каждый угол, заходя в комнату, – вставил Джетт.

– Ты действительно не боишься, что я прикажу тебя наказать за то, как ты разговариваешь с наследником престола? – уточнил Эдвард.

Джетт помотал головой и уселся на ковер у ног Агаты.

– Не. Мы теперь все будем жить долго и счастливо. Вы больше не выглядите как злобный, высокомерный козел. А ты, Генри, по сравнению с нашей первой встречей стал просто мастером веселья и душой компании. Олдус Прайд обрел дар летописца в ту эпоху, когда есть о чем писать. Придурок по имени Симон, за которого тебя, Агата, хотели выдать, затерялся на просторах королевства. Великий Барс пережил потерю силы и, как это ни странно звучит, умильно сопит в этой кровати, – его, кажется, и барабанный бой не разбудил бы. В общем, если кто-то ждал счастливого финала, он именно сейчас. – Джетт запрокинул голову, чтобы увидеть Агату, и расплылся в такой улыбке, что она, кажется, действительно достигла ушей. – Кстати, моя мать меня вспомнила. Можно, я тебе расскажу, как было дело?

Агата кивнула. Вид у нее был растроганный, и Джетт торжествующе повернулся к Эдварду:

– А вы, ребята, валяйте, переставляйте деревяшки дальше.

– Это шахматы. Игра для умных, – запальчиво сказал Эдвард, но послушно опустил в кресло: то ли речь Джетта и на него произвела впечатление, то ли ему просто надоело спорить.

Пару минут Эдвард задумчиво барабанил пальцами по столу, а потом передвинул ладью – башенку с зубцами.

– Тебе шах, отбивайся, – довольным голосом сообщил он.

И Генри попытался отбиться, но с каждым ходом думать нужно было все сильнее, а положение его команды белых фигурок становилось все хуже. Четверть часа спустя Генри вдруг обнаружил, что не играет, а полулежит в кресле, размышляя над ходом, которого и вспомнить-то не может.

«Сейчас засну», – подумал он, и в голове у него стало спокойно и тихо.

Когда он открыл глаза, освещение в комнате было каким-то бледным, и в первую секунду Генри испугался, что проспал очередную беду, но, взглянув на часы и в окно, сообразил, что все как раз наоборот. Неестественно яркой луны в небе больше не было, только солнце – позимнему бледное, каким ему и положено быть в это время года в девять часов утра. От облегчения Генри едва не засмеялся. Все были правы: то ли Хью понял, что хватит валять дурака, то ли правда как-то лишился своих внезапных способностей, – вдруг все как-то само устроилось? И тогда можно целыми днями играть в шахматы, болтать с Джеттом, читать книги, кататься на лошадях, выбирать себе комнату, есть и спать, делать все, что захочется, и главное – больше никогда, никогда не быть одному.

Агата стояла у окна, обхватив себя за плечи, и Генри подошел к ней. Она подскочила, и Генри запоздало вспомнил, что он не на охоте и бесшумно подкрадываться было не обязательно.

– И кто из них тебе больше нравится? – спросил Генри.

Хорошее настроение переполняло его, покалывало изнутри, и так хотелось болтать о чем-нибудь приятном, не связанном с бесконечной силой, огнем или опасностью. Впрочем, Агата его порыва не оценила – она посмотрела на спящих Эдварда и Джетта с такой тоской, что Генри даже захотелось встать на их защиту.

– Ну не настолько они ужасные, – пролепетал он, увидев, что глаза Агаты стали какими-то влажными. – Симон, по-моему, был хуже.

Агата махнула рукой, словно хотела сказать: «Не мели чушь», и с

ногами забралась на подоконник.

– Ты вообще не хочешь выходить замуж, да? – осторожно спросил Генри. Он уже не рад был, что начал этот разговор, но понятия не имел, вежливо ли будет перевести его на что-то, раз Агата явно собирается заплакать. – Хочешь делать что-нибудь важное, ни от кого не зависеть, быть мастером, так?

Агата сердито помотала головой и, вытащив из кармана пустую табличку и уголь, написала:

«Я должна быть одна».

Второе слово она подчеркнула два раза, и до Генри внезапно дошло.

– Твое заклятие. Джоанна мне сказала, что не может вернуть тебе голос, и оно падет, только если ты выполнишь какое-то там условие. – Он нахмурился. Какой же он болван: они уже месяц знакомы, а он даже вопрос ей не задал. – А в чем оно состоит?

Агата замотала головой с такой силой, что коса перелетела с одного плеча на другое. Губы у нее кривились.

– «Должна быть одна», – повторил Генри и едва не застонал от своей недогадливости. – Но не хочешь, верно? Ты сбежала с нами в поход из городка, где торговала предметами, потому что тебе было там ужасно одиноко, да?

Агата безнадежно кивнула, глядя на его отражение в окне, и Генри в порыве дружеского участия потрепал ее по плечу. Он уже выучил, что люди всегда прикасаются друг к другу, когда хотят утешить.

– Ну, рано или поздно угадаю, – пробормотал Генри. – Итак, ты не хочешь оставаться одна, но не можешь выйти замуж. Верно? Так, секундочку, подожди, я же могу... – Генри стянул с руки перчатку, и Агата отшатнулась. – Я вроде могу снимать заклятие прикосновением.

За месяц он про это даже не подумал, и теперь ему было стыдно, но лицо у Агаты просветлело, и Генри понял: она не злится. Он осторожно протянул руку и коснулся пальцем ее ключицы.

И ничего не произошло.

– Прости. – Генри натянул перчатку, стараясь не смотреть на красное пятно ожога, которое Агата мрачно спрятала, натянув повыше воротник платья. – Я...

«Во-первых, я тебе не собачонка, которую можно звать, когда понадобится, – скучным голосом сказал огонь, и Генри вздрогнул всем телом. – Во-вторых, я не могу снимать заклятия, у которых есть условие.

Они будто заперты в теле, не уберешь».

Генри потер висок. Он ненавидел, когда огонь начинал нашептывать ему на ухо, и Агата будто почувствовала, что он чем-то расстроен. Она мягко сжала его локоть, словно это его тут надо было утешать, и Генри положил подбородок ей на голову. Волосы – не кожа, их он, наверное, не обожжет. Так они и стояли, слушая веселый птичий щебет за окном, и Генри хотелось улыбаться от тишины в собственной голове, от спокойствия, глубокого, как вода.

А потом в дверь громко, настойчиво постучали, и они отпрянули друг от друга. Эдвард, который во сне наполовину сполз с кресла на пол, дернулся и крикнул: «Войдите!», не успев даже открыть глаза. Перси в кровати и Джетт на ковре не шевельнулись, и Генри даже позавидовал их умению спать при любых обстоятельствах.

– Доброе утречко, – мрачно сказал Карл, вкатывая в комнату дребезжащий древний столик на колесах, уставленный чайной посудой. – Небесные светила заняли положенные места, но это еще не повод собираться в одной комнате вне различий пола и общественного положения.

Он прожег взглядом сначала Агату, потом Джетта. Агата в ответ нацарапала на картонке «Все это устарело», а Джетт просто показал Карлу язык.

– С кем ваше высочество только знакомство не водит! – проворчал Карл, переводя гневный взгляд на Эдварда. – Грязный рыжий проходимец, девушка, запятнавшая свою честь тем, что онемела и теперь не может рассчитывать на выгодного мужа, и, уж конечно, наш уличный герой! – Взгляд Карла наконец уперся в Генри. – Вы много подвигов на совершали, спасибо и все такое, но знайте мое мнение: вашу лесную родословную это не подправит, так что не стоит вам столько времени во дворце проводить, пора и честь знать.

Генри и Эдвард переглянулись.

– Ты еще не слышал? – удивился Эдвард. – Нет у него никакой лесной родословной. Он...

– Неважно! – рявкнул Карл. Он, кажется, плохо выспался из-за яркого света, и теперь исправить его настроение не могло ничто. – Его величество приказал отвезти чай господину Генри, где бы в замке он ни был, но кто ж знал, что тут столько народу! Надо еще чашек принести, тут всего одна запасная. – Он уже положил руку на дверь, но вернулся. – А, чуть не забыл, вам записку просили передать.

Он сунул Генри в руку сложенный листок бумаги и захлопнул за собой

дверь. Когда в коридоре стихли сердитые шаги, все рассмеялись – Генри даже не заметил, кто начал, порыв смеха просто подхватил всех, как ветер.

– Не ждите его обратно слишком быстро, он пошел жаловаться королю, – сообщил Эдвард с широкой ухмылкой, которую почти никогда не показывал, видимо, считая неподходящей для принца, и при виде нее Генри окончательно поверил, что все будет хорошо.

Генри убрал записку в карман – что бы там ни было, ему не хотелось портить такой момент, – подошел к столу, налил чаю и замер, не зная, кому по правилам хороших манер надо вручить чашку. Разбудить Перси и предложить чай ему? Дать Эдварду? Выпить самому? Он вопросительно посмотрел на Эдварда и улыбнулся, когда тот сразу понял его и незаметно указал на Агату. Та как раз собиралась тихо скрыться и уже почти подкралась к двери, но Генри перегородил ей путь и вручил чашку.

– Выпей чаю и можешь сбегать, я прикрою твоё отступление, – сказал он, потому что сразу понял, что заставило Агату уйти: Джетт достал из кармана гармошку.

Агата фыркнула и взяла чашку обеими руками, глядя на Генри как на старого и дорогого друга. Генри обвел взглядом их всех: заспанного Эдварда, улыбающуюся Агату, безмятежно дремлющего Перси, Джетта, который из всех сил старался придать себе молодцеватый и важный вид. Смотрел и не понимал, как люди ухитряются выражать любовь к друзьям и близким. Это чувство наполняло его до краев и не уместилось бы ни в какие слова. Генри отвернулся, наполнил вторую чашку и протянул ее Эдварду.

Но так и не донес, потому что слова настигли его – чужие, незнакомые слова, голос в голове, но только не огня, совсем не его.

«Говорят, все на свете однажды подходит к концу: игры и приключения, пироги и сказки...»

Внезапно чашка показалась Генри слишком тяжелой, пальцы разжались, и она полетела на пол. Но это падение было медленным, таким невыносимо медленным, словно секунду растянули, как кусок смолы. Генри видел, как чашка со скоростью улитки движется в сторону пола, но одновременно с этим видел и кое-что другое: просторную комнату с низким потолком и двумя очагами, людей в креслах у огня. А голос, юный, присвистывающий на букве «с», рассказывал ему историю, не похожую ни на что другое, потому что Генри не только слышал – он видел все глазами этой девушки, чувствовал все то же, что и она, пока она не перестала чувствовать, пока ее глаза не закрылись.

Чашка наконец ударилась об пол, разлетелась на куски, брызги чая

взвились в воздух, и в ту же секунду время начало идти так, как ему положено, а Генри так и стоял, тупо глядя на осколки.

– Ты в порядке? – встревоженно спросил Эдвард.

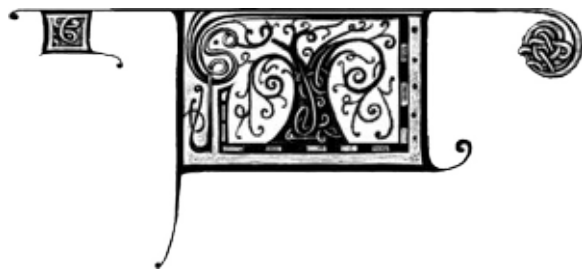
Генри хотел сказать «да», но не смог разлепить губы, у него в ушах все еще стояло плачущее бормотание Свана, слова Мойры и ужасная тишина, когда они затихли. И кое-что еще кололо его в сердце, как заноза: Странник был тем самым гостем, который жарил пастилу на огне. Перед смертью Мойра подумала, что в комнате кого-то не хватало, и теперь, вглядываясь в ее воспоминания, Генри видел: кресло рядом со Сваном было пустым. Мало того, окровавленный лоскут ткани, который Хью вырвал из пустоты, был того же темно-зеленого цвета, что и плащ Странника. Значит, именно он запустил луной Хью в затылок. Значит, он на их стороне, и он был прав, во всем прав, Генри должен был остановить Хью раньше, а теперь они все погибли из-за него, из-за его трусости, из-за того, что он не подумал ни о ком, кроме себя и своей семьи.

Все собрались вокруг него, заглядывали в лицо, кто-то заставил его опуститься в кресло, и Генри с трудом поднял голову, но сказать ничего так и не успел – комнату встряхнуло, и свет померк.

Эдвард оказался у окна первым. Он отдернул штору, и лицо у него окаменело.

– Что за... – выдохнул Эдвард, и Генри закрыл глаза.

«Зря меня не послушал, – насмешливо прошептал огонь. – Поздравляю, ты опоздал».

Глава 2

Рокировка

Генри всегда казалось, что науку впечатляюще появляться и исчезать волшебники осваивают годами, но у Хью, похоже, оказался прирожденный талант. Выглянув в окно, Генри почувствовал, что сердце стиснулось до размеров лесного ореха. На город с невероятной скоростью напозла гровая туча, и она не была бесформенной, как положено тучам. Два ярких сполуха молний постоянно вспыхивали в одних и тех же местах, словно глаза, а под ними была прореха, напоминающая рот, и только Генри успел об этом подумать, как рот начал двигаться – в такт словам.

– Она тебя даже не виела никогда, – внятно сказала туча, сверкая молниями, и Генри показалось, что он сходит с ума. Голос Хью он отлично помнил, но никак не ожидал услышать его вещающим с небес. – И все равно перед смертью обратилась к тебе. Думал, я не узнаю?

– Не буду тратить время на вопрос «Что происходит?», – выдохнул Джетт, вцепившись Генри в локоть. Туча открыла рот шире, и дворец мелко задрожал. – Бежим.

От ужаса у Генри рубашка к спине прилипла, но он кое-как заставил себя соображать. Туча выглядела так, словно собиралась проглотить дворец

целиком, и Генри решил не проверять, насколько у Хью плохо с головой и доведет ли он дело до конца.

– Возьмитесь за руки, – сипло проговорил Генри.

– Думаешь, поможет? – выдавил Джетт, но под взглядом Генри послушно схватил взмокшими пальцами руки Генри и Агаты.

Та вцепилась в Эдварда, а Эдвард – в Перси, который наконец-то проснулся. «Дом Тиса», – изо всех сил подумал Генри и представил его так ярко, как только мог. В комнате уже было совсем темно, туча раскрыла свой злой облачный рот прямо над крышей, Генри слышал в далеких коридорах топот и взволнованные голоса, но в следующее мгновение все эти звуки начали таять, а запах грозы сменился запахом пыли, вечно висящим в гостиной Облачного дома.

Джетт, кажется, неудачно приземлился на больную ногу и растянулся на ковре, утянув за собой остальных. Несколько секунд они впятером барахтались на полу – от пережитого ужаса не до всех дошло, что руки соседей можно уже отпустить. Генри отполз первым: он почувствовал, что от всего происходящего огонь взбодрился.

«Теперь ты в уголке не отсидишься, – напевал он. – Такого врага мечом не зарубишь, хорошо, что меч нам и не нужен».

– Заткнись, – устало сказал Генри.

Эдвард рядом с ним замолчал, и Генри сообразил, что тот рассказывал Перси, что произошло, пока он спал.

– Да уж, я недооценил Хьюго, – пробормотал Перси.

Он тяжело дышал, озадаченно щупая то место на шее, где бьется пульс. Лицо у Перси было удивленное, будто он и забыл, как проявляется волнение в человеческом теле.

– Я должен был еще ночью с ним разобраться, – выдавил Генри. – Тогда Мойра бы не погибла. И ее отец, и повар, и...

– Надо вернуться, там моя мать. Что, если эта рожка в небе всех убьет. Что, если... – дрожащим голосом перебил Джетт. – Когда я сказал «бежим», я имел в виду «из комнаты», а не «из города». Я возвращаюсь.

Он поднялся и захромал в прихожую, но Генри дернул его назад, каждую секунду ожидая, что потолок рухнет или стены сомнутся, как бумага. Хью может все, что помешает ему и сюда добраться? Идиот, кретин, ну почему он не послушал Странника?

– Стой, успокойся. Ему нужен я, остальных он не тронет, – сказал Генри с куда большей уверенностью, чем чувствовал.

Все смотрели на него так, будто он должен был немедленно сказать

им, что делать. Генри поймал себя на том, что вот так же смотрит на Перси, но тот молча вытянул из-под кресла одну из кошек Тиса, прижал ее к себе и свернулся клубком в углу дивана. Генри почувствовал укол раздражения, – как можно быть таким беспечным, когда такое творится! – но потом заметил испарину на лбу Перси, его плотно сжатые губы и зажмуренные глаза, и гнев разом исчез.

– Ты всегда был таким слабым? – спросил он, усаживаясь рядом. – До того, как... Ну... стал Барсом?

Бывали плохие и хорошие дни, – не открывая глаз, пробормотал Перси. – Простите, друзья, я и забыл, какая это слабая вещь – тело. Вы мне никак не поможете, обсудите-ка лучше, что делать с Хью. За меня не волнуйтесь, болезнь – это путь, по которому каждый идет в одиночку. – Он выпустил кошку и лег на бок, обхватив себя обеими руками. – Не помогает, их силы тоже не бесконечны. Тис берег своих котиков и не использовал слишком часто, а в последнее время у них было много работы.

Последние пару фраз Генри едва разобрал – голос Перси стал тихим и смазанным, будто язык больше ему не подчинялся. Эдвард вытянул из рук перепуганной Агаты таблички и уголь и протянул все это Генри.

– Я читал про интересное решение любой проблемы, – сказал Эдвард. – Записывать все идеи, какие приходят в голову, даже самые глупые, чтобы рано или поздно набрести на удачную. Озаглавь этот список: «Как победить мерзкого бессмертного козла» – даже странно, что в этот раз речь не про Освальда, – и приступай. А я кое-что попробую сделать, и для этого мне нужна тишина.

Генри отказываться не стал – он не прочь был чем-нибудь занять руки, чтобы не начать ломать мебель от отчаяния. Он так рассчитывал, что Барс просто скажет ему, что делать, поможет ему, но, кажется, помощь нужна была самому Перси.

– А нам что делать? Молчать, пока Хью крушит дворец? – раздраженно спросил Джетт, но под взглядом Эдварда тут же сник.

– Там остался и мой отец тоже, – отчеканил Эдвард, сел около Перси и взял обе его руки в свои. – А с тем, чтобы помолчать, тут нет проблем ни у кого, кроме тебя.

– Если у него смертельная болезнь, вы ноги протянете, забыли? – нервно поинтересовался Джетт. – Я не заплачу, но кое-кто явно заплачет.

– Стой, я помню, не тупой, – пробормотал Эдвард с закрытыми глазами, словно почувствовал, что Генри шагнул к нему, чтобы оттащить. – Но я тут подумал: что, если я могу не просто лечить, а управлять своим даром, видеть, что делаю, отдавать не все подряд, а сколько нужно.

Генри заставил себя сесть обратно и не мешать. Перси задышал ровнее, серый цвет понемногу начал сходиться с его лица.

– Как же люди сложно устроены, – завороченно пробормотал Эдвард. – Ты просто... Ты родился таким. Это что-то серьезное, большое, что-то с костями в спине.

– С позвоночником, – подсказал Генри, вглядываясь в его болезненно сосредоточенное лицо.

– Я ничего тут не понимаю. Но я... – Эдвард открыл глаза и встал. – Я научусь и вылечу тебя. Ты больше не один, ясно?

Перси с улыбкой прислушался, будто не мог поверить в биение собственного сердца. Выглядел он и правда лучше, а Эдвард даже не побледнел.

– Я бы так хотел вам помочь, но я понятия не имею, как уговорить Хью, – виновато сказал Перси, садясь ровнее. – Когда я был Барсом, никто не пытался от меня избавиться, так что опыта в таком деле у меня не больше, чем у вас.

В комнате повисло молчание, прерываемое только переступанием мягких лап – остальные кошки внезапно повылезали из своих укрытий и теперь бродили, ища уютные местечки на плечах или коленях присутствующих. Генри согнал Пастилку, поставившую лапы ему на грудь, – трудно сосредоточиться, когда перед глазами маячит пушистая белая морда, а у него как раз появилась отличная идея.

– Хью может найти нас здесь? – уточнил Генри.

– Вряд ли он пока владеет силой настолько, чтобы разглядеть в ткани мироздания тайные убежища волшебников, – покачал головой Перси.

– Как ты вообще видел мир, когда был Барсом? Мог разом смотреть во всех направлениях?

– Нет, только в одном. Сразу за всем не уследишь, вещи идут своим чередом, – объяснил Перси, усадив себе на колени сонную рыжую кошку. – Но если рядом с Хью окажется кто-то, кто хочет ему навредить, он наверняка почувствует угрозу и прикончит врага любым доступным способом.

– То есть Барс и правда знал все мои мысли, как мама мне в детстве говорила? – с ужасом переспросил Джетт. – Прости за все, что слышал в моей голове за эти годы.

– Нет, мысли читать я не мог, – фыркнул Перси, – но всегда улавливал общие намерения.

Все подавленно замолчали – озарений на тему того, как победить существо с бесконечной силой, ни у кого, кажется, не было. Тишину

нарушал только скрип угля, которым Генри царапал по картону. Записывать идеи оказалось неожиданно удобно, словно так они обретали больший вес.

Когда картонка закончилась, Генри выпрямился и бросил уголь на стол.

– Нужна будет помощь Алфорда или Джоанны, много волшебных предметов и согласие Свана. Помните, как Освальд переплавлял творения мастеров в напиток подчинения, а Тис точно так же создал меч, который может убить кого угодно?

И Генри прочел им список всего, что нужно будет сделать. Когда он закончил и поднял голову, сразу стало ясно, что аплодисментов он не дождется: все смотрели на него так, будто он сказал что-то ужасное.

– Как думаешь, Перси, сработает? – спросил Генри. Тот медленно кивнул.

– Не хотел бы я быть твоим врагом, – выдавил Джетт. – Слушай, Генри... Ты же всегда был добрым даже к тем, кто об тебя ноги вытирал. Никого не убивал, ни с кем не поступал вот так. Что изменилось?

– Хью это заслужил, – отрезал Генри. – Он убийца, я чуть не потерял свою семью из-за этого подлого крысеныша, и если других возражений нет, то вперед.

– Одолеть врага, потеряв при этом человеческое достоинство, – это не победа, – покачал головой Перси. – Нет, Генри. Это жестокий план, а ты никогда не был жестоким.

– Если бы Эдвард остался мертвым, я бы своими руками вырвал этому ублюдку сердце, – спокойно сказал Генри. – Так что оцените мою сдержанность и давайте начинать.

Эдвард поднялся и с непонятым выражением лица подошел к нему.

– Знаешь, что я заметил? – сухо спросил он. – Ты делаешь всех вокруг хорошими людьми, у тебя к этому прямо талант, и пришла пора нам вернуть должок. – Он наклонился к Генри и положил руку ему на плечо. – Не будем так поступать. Вот это я сожгу, и считай, что мы ничего не слышали, ладно? – Эдвард взял у него из рук картонку и убрал себе в карман. – А теперь пораскинь своими героическими мозгами и придумай что-нибудь не настолько мрачное.

– Веселое представление, в котором никто не пострадает? – огрызнулся Генри, а потом рот у него округлился, потому что внезапно собственные слова показались не такими уж глупыми. – Надо отвлечь его внимание. Он тупой и самоуверенный, на этом его и подловим. А я тем временем...

Генри посмотрел на свои руки. Он не смог снять заклятие с Агаты, но

ведь силу Хью получил без всяких условий, так что может сработать. Правда, огонь словно услышал его мысли и больно толкнул в грудь изнутри – он явно был не в восторге, что его опять собираются натравить, как пса, но его мнения Генри спрашивать не собирался.

– Джетт, помнишь, как я расколдовал Олдуса Прайда, когда Освальд дал ему напиток подчинения? – с усилием проговорил он, потирая грудь.

– Такое забудешь, – фыркнул Джетт, сжимая и разжимая кулаки: видимо, беспокоился о матери.

Впрочем, Генри оценил то, что панические крики Джетт теперь держал при себе.

– Я тогда понял, что, прикоснувшись, забираю сначала волшебство, а уже потом жизнь. То есть жизнь я ни у кого еще не забирал и не собираюсь, – спохватился он, заметив выражение лица Эдварда. – Перси, я помню, как ты сказал, что у Хью силу теперь не отобрать, но, думаю, мой дар это правило не учитывало. Короче, делаем так: я иду к Хью, прикасаюсь к нему, забираю силу, отдаю ее Перси, и он снова превращается в Барса.

– Простите, друзья, – покачал головой Перси. – Не хочу. Я даже забыл, какое это счастье – быть просто человеком. Даже нездоровым, – кивнул он в ответ на недоуменный взгляд Агаты. – Генри, хочешь оставить ее себе? Из тебя получится отличный волшебник.

– Нет, я тоже хочу быть просто человеком. Очень хочу.

– Может, мне отдадите эту силу? – с надеждой спросил Джетт. – Я бы нашел ей применение. Всем в королевстве пожелал бы денег и большие дома.

Агата закатила глаза, а Перси мягко сказал:

– Если Генри не хочет такого подарка, думаю, будет лучше, если мы перенесем силу за Предел, где она мирно лежала с начала времен, и там же она и останется. Я видел в паутине будущего, что однажды враги, которые уничтожили мою деревню, придут снова, и сила понадобится кому-то, чтобы их победить.

– Так и сделаем, – согласился Генри. – А Хью посадим в Цитадель, и пусть думает там о своем поведении до конца жизни. Вопросы?

– Один есть, – поднял руку Джетт. – Что, если ты не удержишься, прибьешь Хью волшебной силой своих рук и превратишься в Разрушителя с большой буквы «Р»?

– Не прибью, – отрезал Генри. – Я управляю своим даром лучше, чем любой разрушитель в истории, уж поверь.

– За что я люблю тебя, друг, так это за скромность, – пробормотал

Джетт, и лицо у него немного расслабилось.

– А вы поможете мне отвлечь внимание Хью, чтобы он не заметил, как я подкрадываюсь, – подытожил Генри. – Вот что надо сделать...

С каждым его словом лица у всех вытягивались сильнее, и под конец его речи изумленным выглядел даже Перси.

– Полнейшее безумие. Мне нравится, – подытожил Джетт, когда стало ясно, что остальные всерьез потеряли дар речи.

– А я что буду делать? – спросил Перси.

– Ничего. Ты не пойдешь.

Перси издал протестующий звук, и Генри подошел к нему.

– Можно мы посмотрим дом? Никогда не был в жилище волшебника, – громко сказал Эдвард.

Генри благодарно кивнул ему: Эдвард был мастером дипломатии и отлично чувствовал моменты, когда людей надо оставить наедине. Когда за ними закрылась дверь, Генри присел на край дивана и уложил обратно Перси, который пытался встать.

– Ты нам нужен живым и здоровым, – сказал Генри и, поймав на полу еще одну кошку, уложил ее рядом с Перси. – У тебя есть я, твой белый ферзь, и я все сделаю.

Перси рассеянно погладил кошку. Он выглядел совсем хилым, и от этого Генри охватило ужасное ощущение, которому он не сразу отыскал название: он чувствовал себя безнадежно взрослым, как будто его детство закончилось в этот самый момент. Добрый волшебник, который хранил его, пока он рос, исчез, и теперь, отныне и навсегда, придется самому разбираться со всеми своими неприятностями. Он обнял Перси, стараясь не касаться голой кожи, и тот сжал его обеими руками в ответ, а потом отстранился и важно сказал:

– Благословляю тебя на подвиги, герой новых времен. Иди и побеждай.

Барс всегда любил торжественные напутствия, и хотя бы это не изменилось.

– Поспи тут, а когда все закончится, я приду и разбужу тебя. Обещаю, – сказал Генри.

А потом встал, поклонился и вышел в прихожую не оглядываясь.

Джетт сидел в кресле около входной двери и разглядывал гладко причесанный затылок Агаты. Та не обращала на него внимания – трясла нижний ящик комода, пытаясь понять, как он закреплен в пазах. Эдвард занимался тем, что нарочно пытался встать так, чтобы загородить Джетту

вид.

«Вот ведь набрал ты себе помощников – сущие дети», – задумчиво сказал огонь, и Генри дернулся от неожиданности. Огонь редко делал замечания, не связанные с жаждой кого-нибудь прикончить.

– Через эту дверь можно выйти куда угодно, – сказал Генри, привычно пытаясь оттолкнуть чужие мысли. – И я готов поспорить, что знаю, где искать Хью.

Он сжал ручку входной двери. Недавно он был уверен, что никогда больше туда не вернется, но, кажется, жизнь про твои планы не спрашивает.

– А воодушевляющую речь? – сдавленно спросил Джетт у него за спиной.

– Давайте постараемся не умереть, – сказал Генри и потянул дверь на себя, но Джетт вцепился в его запястье.

– Стой, друг, можно тогда я скажу?

Генри нехотя выпустил ручку и обернулся. Кажется, не только Джетту было не по себе – Агата, выпустив ящик комода, наматывала кончик косы на палец, Эдвард тревожно поджимал губы.

– Валяй, – сказал Генри.

– В общем, слушайте: я помню, что вот на этом самом месте, в этой прихожей я поверил, что волшебство существует, – зачастил Джетт. – С тех пор я всякого волшебства навидался, и хорошего, и плохого, но до сих пор счастлив, что оно есть. И мне... Мне приятно тут быть, несмотря на грустный повод. И я рад, что у меня есть такой друг, как ты, Генри. – Он вдруг смутился, и шея у него покраснела. – Короче, давайте надерем зад Хью, он вообще не заслуживает того, что получил. Ура и вперед!

– Всегда мечтал услышать напутственную речь со словами «надрать зад», – задумчиво сказал Эдвард. – Доложу отцу, как его новый музыкант расширяет мой словарный запас.

Генри дернул на себя дверь, пока эти двое опять не начали, но краем глаза все равно успел заметить, что Джетт показал Эдварду в спину какой-то непонятный жест, который вряд ли выражал добрые пожелания.

– В Хейверхилл, – громко сказал Генри и шагнул за порог, в золотистое солнечное сияние.

Он уже приготовился вдохнуть ледяной воздух северного леса – там зима наверняка еще не кончилась, – но еще до того, как туман вокруг рассеялся, понял: что-то не так.

– Хм, что за запах? – пробормотал у него за спиной Джетт,

продвигаясь сквозь туман неуверенными шажками. – Жареные сосиски? Котлеты? Сырные шарики на огне?

Джетт шумно втянул слюну, и Генри хотел уже попросить его замолчать, но тут дымка вокруг растаяла, и от удивления он забыл, что хотел сказать.

– Что-то я помню ваш Хейверхилл другим, – пробормотал Джетт. – Может, вернемся и попробуем еще раз?

Генри покачал головой. Он по опыту знал, что домом волшебника как средством перемещения можно воспользоваться лишь единожды в сутки, во всяком случае, ему, человеку: до завтрашнего дня, как ни воображай себе Облачный дом, туда не попадешь. К тому же Дом еще ни разу не выводил в неверное место.

– Ты вот здесь жил десять лет? – растерянно спросил Эдвард, озираясь.

Самой деревни было не видно, – очевидно, они оказались в горном лесу неподалеку. Во всяком случае, крутой уклон земли был таким, как Генри помнил, но в остальном...

Вместо мощных, полных достоинства сосен вокруг росли какие-то пузатые, искривленные деревья-коротышки. Листья у них были осеннему разноцветные, среди них тут и там висели мясистые плоды. Неподалеку потрескивал искрами костер – очень аккуратный, разведенный по всем правилам, с жарким и ровным огнем. Над огнем на двух колышках лежал вертел с кусками мяса, и Генри уставился на него во все глаза. Никто не жарит мясо на таком сильном огне, надо, чтобы он догорел почти до углей, и по всем законам природы эти куски уже должны были превратиться в головешки, но они только слегка подрумянились, аппетитно шипя и роняя сок.

– Что-то мне все это не нравится, – подытожил Джетт, и с ним трудно было не согласиться.

– Действуем по плану, – твердо сказал Генри.

Он настороженно вглядывался в этот странный лес, но нигде не было ни движения, только осенние листья шелестели на ветру, и их печальный запах перебивал даже аромат костра. Что-то здесь было не так, какая-то мелкая, едва заметная деталь выглядела странно, но Генри никак не мог ухватиться за эту мысль как следует. Он велел себе успокоиться и скользнул за дерево, потом за другое, зигзагами удаляясь от остальных, так, чтобы даже они не знали, где он спрячется, и наконец выбрал удобную ямку в земле, откуда поляну с костром было хорошо видно. Он лег животом на шуршащие мертвые листья и приготовился ждать, стараясь ни о чем не думать, скрыть не только тело, но и разум. Дышать ровно. Прятаться так,

как прячутся звери, – полностью сливаясь с обстановкой. А Эдвард тем временем шумно вздохнул, пробормотал: «Не верю, что мы всерьез это делаем» – и сделал шаг вперед.

– Эй, Хьюго! – крикнул он и слегка поклонился, прижав руку к груди. – Слышишь меня? Я принц этой земли, а ты теперь ее всемогущий повелитель, так почему бы нам не побеседовать?

Тишина.

Эдвард подождал, затем громко крикнул:

– Ну давай, обрати ко мне свой взор! Покажись, ты же меня слышишь!

По листьям прошелестел ветер.

«Деревья, – подумал Генри. – Что-то не так с их количеством».

– Я могу убить тебя на месте, – сказала пустота, и Эдвард подскочил.

– Это было бы очень скучно, – дрогнувшим голосом ответил он. – Ты ведь тогда не узнаешь, зачем я пришел.

– Я и так знаю. Вы все желаете мне зла и смерти. Вы мне не нужны, где Генри?

– Его здесь нет, – тонким голосом сказал Джетт. – Только мы.

– Ну конечно. Вы прикрываете его, так? – процедил голос, и небо чуть потемнело.

– Я пришел сразиться с тобой! – выпалил Эдвард и повернулся вокруг своей оси, не зная, куда именно смотреть.

– И где же твое оружие? – фыркнул голос.

– У меня его нет. В силе мне с тобой не тягаться, но кое в чем интересно будет посоревноваться.

– В чем же? – заинтересовался голос.

– В красоте, – обреченно сказал Эдвард. – Наше королевство наполнено прекрасным, так что и правитель должен быть хорош собой, красиво одет, иметь прекрасные манеры и нравиться женщинам. – Эдвард непринужденно оперся о дерево, потихоньку начиная успокаиваться и входить в роль. – Титул лучшего во всем этом всегда был моим, и я хочу убедиться, что он все еще мне принадлежит. Мне невыносимо думать, что меня могут обойти. Я лучший. Во всем.

– А мы пришли его поддержать! Уж прости, Хью, помню тебя парнем не самой впечатляющей внешности. – Джетт втянул голову в плечи. – Только не роняй мне на голову ничего, ради наших бывших общих приключений.

«Деревья растут группами, побольше и поменьше, – мельком подумал Генри. – Так, надо сосчитать. В одних группах деревьев по десять штук, в других – по четырнадцать». Он привычно оценивал обстановку вокруг, но

чем могло помочь знание о том, что повсюду тут повторяются одни и те же цифры, так и не придумал. Генри успел заметить, что плодов на разных ветках тоже то десять, то четырнадцать, но уже в следующий момент все это вылетело у него из головы.

Ветки одного из деревьев зашевелились, и на поляну вышел Хью, хотя Генри был уверен: еще секунду назад там никого не было. Хью был в том же виде, в каком Генри видел его в воспоминаниях Мойры, – высоченный длинноволосый красавец, и хотя Генри успел предупредить остальных, что Хью изменил свой вид, они, видимо, не представляли, до какой степени. Агата вытаращила глаза, Джетт явно прилагал героические усилия, чтобы не засмеяться. Хью самодовольно усмехнулся.

– Ну как? Выкусил? – Он подошел к Эдварду, и тот как-то сразу поблек. – Убирайся, пока я не прикончил тебя снова, второй раз спасать будет некому.

– Не уйду. Да, ты впечатляешь, но столько лет тренировок не прошли для меня зря, – небрежно сказал Эдвард, вздернув подбородок.

Хью взбешенно уставился на него.

– Волосы у тебя длинные, вид лощеный, – продолжал Эдвард, – но наряд безвкусный, уж прости.

– У меня идея, – сказал Джетт. – Давайте вы посоревнуетесь, а мы оценим. Агата же девушка, она в этом понимает!

Генри оценил усилия, которые прикладывала Агата, чтобы сделать слабое и незащитное выражение лица. А Джетт тем временем бочком шагнул к Хью, держа обе руки на виду, и шепотом сказал:

– Агата, по-моему, болеет за этого хмыря, но я, друг, за тебя. Терпеть его не могу. Кстати, тебе не нужен помощник? Я готов. Всегда рад перейти к победителю, а ты победил.

Хью взгляделся в него подозрительно, но лицо у него расслабилось: Джетт умел врать с такой убежденностью, что ложь пропитывала его до кончиков пальцев. Читать мысли Хью не мог, но, как сказал Перси, чувствовал угрозу, а Джетт ничем ему не угрожал.

– Посмотрим, – внезапно смягчился Хью. – Что, разве есть сомнения, что я лучше?

Он посмотрел на Агату, и та потупила глаза, всем своим видом говоря, что не знает, кому отдать предпочтение.

– Начнем, – бодро проговорил Эдвард. – По росту ты выигрываешь. Волосы шикарные. Плечи шире, чем у меня: это, увы, приходится признать.

– Победа у тебя в кармане, – тихо сказал Джетт, подмигнув Хью.

– Но вот одежда... – начал Эдвард.

– Что? – огрызнулся Хью. – Она богатая!

– Чересчур. Чувство меры тебя подвело. Золото хорошо смотрится, когда его мало. Ты же всесильный, можешь сделать свой наряд, скажем, черным? Самый благородный цвет. А пуговицы можно оставить золотыми.

Хью закрыл глаза, и одежда изменилась. Агата одобрительно кивнула.

– Лучше, – одобрил Эдвард, – но все-таки скучновато. Я понял: тебе нужен свой цвет.

– Красный? – выдал Хью, придирчиво оглядывая себя.

– Вульгарно.

– Зеленый?

– Как мундиры посланников.

– Серый? – медленно свирепея, спросил Хью, но Эдвард покачал головой. Он, кажется, действительно вошел во вкус.

– Не впечатляет.

– Так, мне надоело, – разозлился Хью. – Все, последнее слово. Назначаю своим цветом... – Он завертел головой по сторонам и, щурясь, остановил взгляд на солнце. – Желтый! Желтый, как солнце!

В ту же секунду его наряд стал цвета яичного желтка.

– Ну как? – самодовольно спросил Хью.

– Предлагаю немного поиграть с оттенками, – с каменным лицом сказал Эдвард, и Генри восхитился его выдержкой: Хью был похож на птенчика-переростка. – Я читал большой трактат о сочетании цветов.

– Ты же не девчонка, чтобы этим интересоваться, – хмыкнул Хью, оглядывая себя в неизвестно откуда взявшееся большое зеркало, прислоненное к дереву.

– Нет. Я всесторонне образованный человек, – невозмутимо ответил Эдвард. – Интересных книг в библиотеке не так уж много, а мне было одиноко.

– Ага, конечно! Хлыщам вроде тебя одиноко не бывает, к вам все так и липнут.

– Узкие у тебя представления о мире, Хьюго, – с чувством сказал Эдвард. – Так, ладно. Давай-ка штаны сделай темнее, цвета охры, рубашку светло-желтой, почти белой, а оттенок куртки ближе к оранжевому. – Хью послушно изменил наряд, но Эдвард покачал головой. – Слишком ярко. Может, куртку все же сделать серой, но вложить в карман желтый платок?

– Мне и так нравится! – разозлился Хью.

– Я тебя поддерживаю. Отличный наряд, братец, – шепотом сказал Джетт и громко прибавил: – Агата, ты согласна присудить Хью победу за лучший наряд?

– Что там еще нужно знать главному красавцу? – спросил у Эдварда заметно повеселевший Хью.

– Комплименты и обходительность. Вот, смотри.

Он подошел к Агате и, взяв ее руку, прикоснулся к ней губами.

– Сегодня прекрасная погода, леди, вы не находите? – сдержанно спросил он. – Может быть, прогуляемся в саду?

– Тут нет сада, мы в лесу, – мстительно вставил Джетт, и Хью одобрительно хмыкнул.

– В лесу, – поправился Эдвард и уставился на Агату таким страстным взглядом, что та поежилась. – Будь я солнцем, красавица, я мечтал бы любоваться вашим лицом беспрестанно! Будь я травой, я бы...

– Мечтал, чтобы ты поставила на меня свой каблук, – вставил Джетт и, пихнув локтем Хью, захохотал так, словно очень смешно пошутил. – Ты понял, да? Я вроде как подкаблучником его обозвал. Эй, ваше высочество, хватит комплиментов, мы уже все поняли! Отойдите, уступите дорогу будущему новому любимцу королевства!

Он подтолкнул Хью в сторону Агаты, и Генри мысленно отметил, что Хью, к счастью, не придумал какого-нибудь правила, запрещающего другим людям к нему прикасаться. А Хью тем временем вразвалку подошел к Агате, взял ее под руку, как делал Эдвард, и проникновенно заглянул в глаза. Агата побледнела.

– Ты – что надо, – сказал он. – Волосы длинные, глаза большие. Ты, в общем, похожа на девчонку, и даже злющий характер тебя не портит.

Агата смиренно поклонилась, прижав к груди руки, и Джетт зааплодировал.

– Отлично! Уверен, победу можем засчитать великому Хьюго! Ура!

Эдвард и Агата присоединились к аплодисментам, Хью польщенно улыбнулся, и Генри сразу почувствовал: вот он, тот самый момент. Мгновение, в которое Хью настолько погружен, что не отвлечется, даже если опасность будет у него под носом.

Рывком вытащив руку из перчатки, Генри выскользнул из-за дерева и в десяток бесшумных, стремительных шагов подобрался к Хью со спины. Чтобы забрать волшебство, нужно прикоснуться и тут же убрать руку, главное – побороть соблазн продлить прикосновение, не дать огню то, что он хочет. Но сейчас Генри этого не боялся, он был совершенно спокоен.

Вот только головокружительного ощущения волшебства, перетекающего в его руку, он так и не почувствовал.

«Паника – худший враг охотника», – говорил ему Освальд, когда они

жили в лесу, и, как Генри ни старался, чтобы это ужасное чувство никогда его не настигало, он прекрасно знал, как протекает паника в человеческом теле.

Стадия первая: сердце на пару секунд перестает биться, мир вокруг замирает, тишина поет: «Ты крупно прокололся», и ты словно издалека наблюдаешь, как на тебя несется разъяренный зверь, или как ширится трещина на льду замерзшей реки, где ты стоишь, или как из раны, которая сначала показалась тебе царапиной, продолжает хлестать кровь.

Сейчас Генри почувствовал тот же удар оглушительной тишины: он прижимал пальцы все сильнее, но они безобидно касались прохладной кожи Хью, явно не причиняя никакого вреда. А потом до Генри дошли разом три вещи: Хью по-прежнему стоял к нему спиной, даже не вздрогнув, остальные тоже как-то подозрительно замерли, а вот огонь ревел внутри, шипел от страха и разочарования. Он почему-то не мог прорваться наружу, что-то теснило его обратно, и это была вовсе не сила воли хозяина.

– Знаешь, чего я пожелал себе, когда Сван променял наши священные братские узы на какую-то девчонку, а ты скрылся от меня во дворце? – поинтересовался Хью, будто и не замечал, как Генри сзади давит ему на шею.

Болван Хью наверняка даже не знал таких выражений, как «священные узы», и почему-то его внезапно расширившийся словарный запас напугал Генри больше, чем то, что собственная рука оставалась холодной.

– Я пожелал себе ума. Спасибо Страннику, подал мне отличную идею, – спокойно сказал Хью и постучал себя пальцем по виску. – Хотел понять, как мордастый мог так поступить со мной и куда ты спрятался.

Он развернулся, и Генри попятился. Еще пять минут назад на этом идеальном лице отражались знакомые раздражение и глупость, по которым легко было узнать прежнего Хью, но сейчас верзила выглядел невозмутимым и серьезным, и Генри с трудом сглотнул. Пора было уже что-то делать, но он застрял на первой стадии паники под названием «такого не могло со мной произойти».

– Мой новообретенный ум подсказал мне, что Сван без меня стал счастливее, и это было очень обидно, – сообщил Хью таким тоном, будто они мирно беседовали за завтраком. – Тебя я найти не смог, но решил, что это не беда, ты и сам ко мне придешь. Оказывается, думать так приятно! Начинаешь ясно видеть все вокруг, да и слов на свете куда больше, чем мне раньше казалось. Я изучил добрую половину всех, какие есть, – время для меня теперь идет как-то странно.

Генри заставил себя отвести от него взгляд и наконец понял, что тишина вокруг – не плод его отупевшего воображения. На поляне все замерло: и листья деревьев, и языки пламени в костре. Запахи жареного мяса и осени исчезли, словно были фальшивыми. Агата, Эдвард и Джетт стояли неподвижно, будто окаменели, – даже глаза не двигались.

– Кстати, умеешь ты играть в прятки: пока твои друзья ломали комедию, я даже твоего присутствия не чувствовал. – Хью снисходительно похлопал Генри по щеке, и тот не отстранился, так его поразило то, что Хью, кажется, вовсе не обжегся. – Знаешь, мне даже приятно было поверить, что они пришли со мной поиграть, вот я и решил вести себя, как раньше. Оказалось, я был таким жалким типом – понимаю, с чего ты меня всегда презирал.

Стадию паники номер два Генри называл «дикий ужас», но заставил себя, как учил Освальд, перейти сразу на этап «успокойся и думай». Генри медленно выдохнул, заставляя огонь утихомириться: тот бился ему в ребра, напуганный проигрышем, и Генри отчаянным усилием заставил его свернуться в клубок и не мешать. Не все потеряно: с новым Хью, поумневшим и рассудительным, договориться наверняка будет легче, чем с прежним, непредсказуемым и безмозглым.

– Я тебя не презирал, Хью, – сказал Генри, натягивая перчатку обратно, и мысленно похвалил себя за то, что голос не дрожит. – Ты теперь и сам понимаешь, что вел себя глупо. Тебе, наверное, есть за что на меня злиться, но всегда лучше договориться, чем воевать. Верни к жизни Мойру и остальных, оставь силу за Пределом, и я обещаю: никто тебя не накажет. Просто отпразднуем, что все закончилось.

– Снова стать уродливым идиотом, каким я был? – насмешливо спросил Хью. – Всерьез предлагаешь?

– Можешь оставить себе и ум, и красоту. – Генри улыбнулся, стараясь, чтобы улыбка была широкой и дружелюбной. – По рукам?

Он протянул Хью правую руку, и тот взглянул на нее, приподняв свои идеально ровные брови.

– Хорошая попытка, – задумчиво протянул он. – Вот только она не учитывает то, о чем я мечтаю больше всего на свете.

– Новый дом? Титул? Какой-нибудь волшебный предмет? – предположил Генри, лихорадочно думая, чего еще может хотеть Хью. – Получишь все, что захочешь.

– А ты стал дипломатом, – одобрительно хмыкнул Хью. – Еще одно словечко, которое я выучил. Мы оба изменились, а? Знаешь, когда я обрел эту силу, оказалось, что не так уж много вещей способны порадовать того,

кто в любой момент может получить, что захочет. Но кое-что совершенно не потеряло в цене.

Хью толкнул окаменевшего Джетта, и тот упал на спину, не меняя позы, как статуя. Генри вздрогнул от неожиданности, но дружелюбно улыбаться не перестал.

– Говори, устроим, – сказал он, и Хью шагнул ближе, так что его золотые локоны коснулись щеки Генри.

– Сначала я хотел тебя убить, но с этим повременю, к чему торопиться, – ласково сказал Хью. Его голос стал тише: мягкий шепот на ухо, от которого у Генри похолодела спина. – Для начала хочу сделать так, чтоб тебе вообще расхотелось жить.

Итак, стадия паники номер два, «дикий ужас»: пульс скачет, как бешеный, пот льется по спине, попытки здраво мыслить с грохотом проваливаются, в голове стучит только: «Беги, беги, беги». Хью ждал, жадно изучая лицо Генри, а тот мысленно умолял огонь вернуться, вспыхнуть сильнее и разобраться с этим сумасшедшим козлом. Огонь не вернулся – он был древним могучим существом, но прикосновение к Хью вызвало у него страх, которого Генри совершенно не ожидал.

«Он слишком силен, – прошептал огонь Генри на ухо изнутри, и никогда еще этот ненавистный голос не звучал так жалко. – Я пламя, но он – солнце, которое сжечь невозможно. Поздравляю, ты сдохнешь, а мне придется ждать следующего воплощения».

С этими словами огонь затаился, ушел в глубину, и Генри остался один. Все инстинкты кричали ему бежать, но он не мог оставить здесь тех, с кем пришел.

– Отомрите, – довольным голосом сказал Хью, словно по взгляду Генри понял, о чем тот думает.

Все трое вздрогнули и завертели головами. Джетт барахтался на земле, как опрокинутый жук, и Эдвард с неподвижным лицом поднял его, дернув за куртку.

– Не вышло? Почему не вышло? – жалобно спросил Джетт, глядя на Генри, и Хью ответил за него:

– Ваш драгоценный друг – слабак. Мои способности сильнее его дара, вот и все.

«Странник был прав», – подумал Генри, и эта мысль взбодрила его, он вцепился в нее изо всех сил.

Странник сказал, что его можно позвать, если понадобится, – и как бы ни было ужасно то, что он предлагал, любой вариант был лучше, чем наблюдать, как Хью жадным, неподвижным взглядом смотрит на Эдварда и

остальных.

Те не отводили глаз от Генри, будто ждали, когда он скажет им, что делать, и спасет их. Хью фыркнул.

– Я тут узнал, что слово «привязанность» появилось из-за золотых нитей, которые связывают людей с теми, кого они любят, – сказал он, откидывая назад прядь волос, и взгляд его слегка остекленел, будто он всматривался во что-то за пределами человеческого зрения. – Чем сильнее взаимная любовь, тем толще нити. А ты, Генри, оплетен ими со всех сторон, и, поверь, я поиграю на них, как на скрипочке.

Все вокруг снова пришло в движение: подул ветер, снес в сторону огонь костра, зашумел листьями.

– Тебе не надо какие-то... Не знаю, заклинания читать? – пролепетал Джетт, который не мог заткнуться даже перед угрозой смерти.

– Нет, – равнодушно пожал плечами Хью. – Мне достаточно просто пожелать – все в этом мире теперь мне подчиняется. Но если хочешь, хромоножка, я буду щелкать пальцами, чтоб ты знал, что я чего-то пожелал. Например, чтобы у тебя башка отлетела. Ну что, щелкаю?

– Стой, – выдавил Генри. Мысленно он звал Странника изо всех сил, но тот не приходил: наверное, испугался так же, как и огонь. Надеяться больше было не на кого. – Ты... ты ведь стал умнее. Значит, понимаешь, что тебе не за что мстить и не за что меня ненавидеть.

– О нет, наоборот, – терпеливо ответил Хью. – Глупец не может даже близко постичь глубины ненависти, на которую способен умный.

Небо потемнело, ветер начал срывать листья с деревьев, взметать над землей. Агата сжимала кулаки, буравя Хью злобным взглядом, Джетт жался к ней, Эдвард, судя по всему, думал, как найти выход из положения, и это его так занимало, что он даже бояться не успевал.

«Пожалуйста, приди, – сбивчиво думал Генри. – Спаси их, я сделаю все, что хочешь, все что угодно».

– Они будут знать, что их убила любовь к тебе. И знаешь, что веселее всего? – как ни в чем не бывало спросил Хью, и Генри с ужасной тоской подумал, что Хьюго, кажется, действительно рехнулся. – То, как легко будет найти их всех.

Хью стоял совсем рядом, но Генри плохо слышал его, и сначала ему казалось, что это из-за шума крови в ушах, но потом он понял, что ветер уносит все звуки в сторону, – вокруг была уже почти буря, мертвые листья кружило над землей, голые ветки полоскал ветер. Костер потух, упавший вертел катался по земле, куски мяса были густо облеплены землей, и у Генри мелькнула мысль схватить вертел и загнать его Хью в глаз, но он

помнил, что эту сволочь даже волшебный меч не взял, так что не стоило и пытаться.

– Я могу проследить каждую золотую нить, идущую от тебя к другим. – Хью схватил двумя пальцами что-то невидимое. – Найти каждого, кому ты дорог. Раз уж ты любезно привел ко мне этих троих, начну с них, потом перейду к остальным. Поверь, торопиться я не буду – у меня есть все время на свете.

Он сказал еще что-то, но Генри прослушал: он увидел такое, что паника наконец разжала свою мерзкую ледяную хватку. Около кучи золы, оставшейся от костра, там, где еще секунду назад никого не было, стоял человек в низко надвинутом зеленом капюшоне.

– Давай, сделай меня сильным, – еле слышно пробормотал Генри. Он дошел до той стадии ужаса, когда становится все равно, что будет дальше, главное – выкрутиться прямо сейчас. – Быстрее.

Я сказал, что это возможно, но я не говорил, что это просто, – невозмутимо проговорил Странник. – Положение твоих фигур на доске хуже некуда, Генри. Тебе шах и сейчас будет мат, из этого даже я не знаю, как выбраться: уж прости, раньше не бывал в такой ситуации. Но я тебя не брошу, как и обещал. Успокойся и скажи, что мне сделать. Перенести вас в дом волшебника – не вариант, такие перемещения оставляют след, и Хью пойдет за тобой. Придумаешь – помогу. Вслух не обязательно, просто подумай, я тебя слышу.

Генри ясно видел, как двигаются губы Странника, но, похоже, слышал его он один: Хью и остальные даже не обернулись, хотя стояли совсем рядом. От облегчения Генри чуть не разрыдался. Ему помогут, его не бросят, он не станет причиной смерти своих друзей, которых Хью разглядывает так, будто они – куски мяса, а ему надо решить, который проглотить первым. Генри зажмурился. Нужно что-то срочно придумать, но что? Хью со своей проклятушей силой отыщет сначала его, а потом – каждую нить, ведущую от него к другим. Разве что... Генри распахнул глаза. В голове у него мелькнуло нечто настолько безумное, что он попытался тут же затолкать мысль обратно, откуда пришла, но тут Хью подошел к перепуганному Джетту, и тот подался назад.

– Начну с тебя, колченогий, – весело сказал Хью, протягивая к Джетту руку. – Знал бы ты, как меня раздражаешь, не полез бы сюда.

Генри инстинктивно бросился к ним, но Хью сделал движение, будто отталкивал воздух, и Генри швырнуло назад. Падая лицом на мертвые листья, он успел подумать, что переходит на стадию паники номер три, худшую из всех: «Глупые решения». Провалился в ледяную реку?

Бессмысленно хватаясь за края полыньи. На тебя несется разъяренный лось? Ляг на землю. Тебе пришло в голову решение, которое отнимет у тебя самое дорогое? Действуй.

– Ну ты даешь, – вдруг сказал Странник с таким одобрением в голосе, что Генри даже смог оторвать взгляд от Хью и вскинуть глаза на него.

«Ты можешь это сделать?» – сбивчиво подумал Генри, вцепившись в землю так, что костяшки пальцев заломило. Хью неспешно ходил вокруг Джетта: положение спасало только стремление Хью выжать из пленников весь возможный страх, прежде чем хоть что-то сделать.

– Ох, Генри, видел бы ты свое лицо, – выдохнул Хью. – Как же тебе страшно. Вечно мог бы на это смотреть.

– В шахматах есть прием под названием «рокировка»: положение фигур на доске меняют, чтобы спасти короля, – пояснил Странник так спокойно, будто тоже, подобно Хью, имел все время на свете. – Ее, правда, нельзя проводить, чтобы вывести короля из-под шаха, а в этой партии король именно ты, но уж ладно, сегодня особенный день. Вот только в обмен на помощь мне придется взять с тебя обещание, что ты избавишь нас от Хью любым возможным способом – это королевство не заслужило такого волшебника, как он.

Остатками здравого смысла Генри понимал, что согласиться будет худшей идеей за всю его жизнь. Но тут Хью нагнулся над Эдвардом, продолжая жадно следить взглядом за Генри, и тот подумал: «Я все сделаю». Губы Странника тронула улыбка – не то довольная, не то печальная. А потом он внезапно оказался прямо рядом с Генри, протянул ему правую руку, и Генри сжал ее.

В ту же секунду мир изменился. Вместо людей Генри теперь видел сияющие силуэты, от которых во все стороны тянулись нити из того же самого света. На месте Странника не было ничего, абсолютная пустота, хотя Генри по-прежнему чувствовал его руку, на месте Хью – ослепительный сгусток света, и правда жгущего, как солнце.

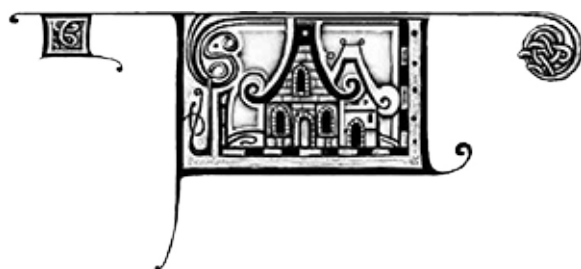
Три золотистые нити связывали Генри с Эдвардом, Джеттом и Агатой, остальные шли вдаль: наверное, к Освальду, королю, Розе, Уилфреду, Перси, Карлу, Олдусу и другим. Время словно остановилось, и Генри успел заметить, что самая мощная нить связывает его с Эдвардом, а вторая по толщине, должно быть, идет к Освальду. А затем Странник протянул вторую руку – на этой обратной стороне мира, сотканной из света, она была как пятно темноты, – одним движением собрал нити, берущие начало от Генри, и резко дернул их на себя.

– Рокировка, – торжественно объявил Странник.

Но Генри едва его расслышал: он почувствовал такую резкую, нечеловеческую боль, будто у него вырвали сердце, и закричал, даже не думая о том, что Хью может услышать.

Хью с перекошенным лицом развернулся к нему, но не успел даже рта раскрыть: клубок разорванных нитей, отброшенный Странником, вспыхнул, и во все стороны от него прокатилась золотая волна. Эта волна ударила с такой силой, что всех вокруг оторвало от земли и отшвырнуло назад – даже Хью не удержался на ногах.

Генри почувствовал, как его протащило по воздуху, но упал он уже не на влажную, пахнущую осенью землю, а на совершенно другую поверхность, – и ударился об нее с такой силой, что потерял сознание.

Глава 3

Тайное убежище

Открыв глаза, Генри увидел над собой потолок настолько роскошный, что сомневаться не приходилось: он дома, в королевском дворце. Генри с трудом сел, не зная, за что схватиться, – за спину или за голову. Спина болела, потому что пол, на котором он лежал, был очень твердым, а вот по какой причине раскалывается голова, Генри вспомнил не сразу, а вспомнив, поперхнулся. Неужели получилось? Серьезно, неужели получилось? Отвлек его звук шагов – к счастью, во дворце все, даже мужчины, носили обувь на каблуках, и цоканье было слышно издали, незаметно не подкрадешься. К тому моменту, как человек вырулил из-за угла, Генри уже отскреб самого себя от пола и встал, прислонившись к стене: ему не хотелось встречать результаты своего безумного поступка, лежа посреди коридора.

Карл тащил поднос, уставленный чайной посудой, с таким мрачным видом, что Генри широко улыбнулся. Плохое настроение Карла было незыблемым, как горы, а чай – самой мирной вещью на свете. Кажется, королевский дворец был в полном порядке.

– Привет, Карл, – сказал Генри и затаил дыхание. – Узнаешь меня?

Карл настороженно замер и мелкими шажками начал отступать туда, откуда пришел. Дробный звук его шагов становился все быстрее, раздался грохот – похоже, Карл так мчался, что с подноса упали ложки. Генри хмыкнул и пошел в другую сторону, мимоходом удивившись силе головной боли: у него даже зубы ныли, будто их корни ввинчивались в челюсти. Он с трудом сосредоточился на извилистых закоулках дворца, пытаясь заставить их вывести его, куда нужно. Времени было немного, Карл наверняка скоро доберется до места назначения, а до этого надо отыскать Эдварда.

Эдвард нашелся в Золотой гостиной – вот только выглядела она куда более обжитой, чем Генри помнил. На диванах валялись подушки, столики были уставлены пустыми кубками и тарелками. Эдвард сидел, расслабленно откинув голову на спинку дивана, и болтал с четверкой парней, сидевших вокруг, – Генри узнал в них придворных, которых пару раз встречал в дворцовой столовой.

– Ну и тут я ей говорю: «Милая красавица, это не вы веер потеряли?» – весело договорил Эдвард, и парни покатались со смеху.

Эдвард и сам засмеялся – громко, свободно, до морщинок вокруг глаз, – а потом увидел Генри в дверях и захлопнул рот. Придворные вскрикнули и попытались все вместе спрятаться за один диван, из чего Генри сделал вывод, что храбрости у них не прибавилось даже теперь, когда...

– Ты кто такой? – нахмурился Эдвард. Его рука дернулась к виску: значит, дара ощущать чужую боль он не лишился. – Я позову охрану, негодяй, и тебя выведут!

– Можешь не звать, они уже бегут сюда, – рассеянно ответил Генри, всматриваясь в его лицо.

Эдвард, хоть и морщился от головной боли, выглядел отлично – здоровым, отдохнувшим, беззаботным, и Генри затопило сумасшедшее, мучительное облегчение от того, что план удался и Эдварду ничего больше не грозит. По коридору застучали шаги – Карл, судя по всему, справился даже быстрее, чем Генри рассчитывал, – и, прежде чем дверь в гостиную распахнулась, Генри успел спросить:

– Отец здоров?

– И с чего же, интересно, королю быть больным? – холодно спросил Эдвард, поглядывая на дверь. – Спасибо, здоровье у него отменное.

Тут в зал вбежал Карл, за ним – пышно разодетые охранники. Генри окружили и схватили за плечи, и он подумал, что охрана во дворце такая же неумелая, как и раньше, – если бы захотел, раскидал бы всех парой

движений.

– Ох, да у вас прямо чутье на неприятности, – с облегчением сказал Эдвард и упал обратно на диван. – Не знаю, что это за тип, но выведите его, он своими сапожищами весь ковер затоптал.

Придворные начали вылезать из-за дивана, старательно делая вид, что не прятались, и Генри хмыкнул:

– Удачи, ваше высочество. Берегите себя.

На этих словах Генри вышвырнули из комнаты, но он успел заметить, каким растерянным взглядом посмотрел Эдвард ему вслед.

– Я и не знал, что грязнули за стеной так беспокоятся о монаршем благополучии, – услышал Генри, прежде чем дверь закрылась. – Это даже мило, господа. Ну ладно, так вот, насчет того бала...

– Безобразие! – ворчал Карл, пока охранники тащили Генри по коридору. – Как он сюда пролез? Велю господину Уилфреду всю смену охраны наказать!

Они вышли из дворца и спустились через сад по мраморной лестнице. Охрана у Восточного хода под ругань Карла отворила дверцу в крепостной стене, и Генри вытолкали на площадь. Когда дверь с грохотом захлопнулась за ним, Генри спокойно огляделся – горевать и прощаться с родным домом было некогда, да и во время встречи с Хью он так перетрусил, что теперь страх словно не мог больше до него дотянуться.

Последний раз, когда он видел эту площадь, торговых рядов тут не было – сам Генри их когда-то и сжег, – но теперь все прилавки снова были на месте, и в них бойко шла торговля. Краем уха Генри услышал, как продавец расхваливает «шикарные новенькие бочки от мастера-бочара, не подтекают, вон какие ладные!», а потом его внимание отвлек человек, громко вещавший на дальнем конце площади. Генри сразу узнал эту копну туго закрученных светлых кудрей и начал пробираться сквозь толпу – послушать, что происходит.

– Поверьте, так все и было, я точно знаю! – умолял Олдус Прайд.

Голос у него предательски подрагивал: он говорил как человек, который сотый раз повторяет одно и то же, а никто не слушает.

– Ему же запретили тут появляться, только смущает всех! – негодовал какой-то старик, пытаясь спихнуть Олдуса с пустого ящика, на который тот забрался. – Эй, господа посланники, сюда! Я его держу!

Через толпу начал пробираться широкоплечий посланник в зеленом мундире. При виде его Олдус упрямо выпятил челюсть, но, когда посланник со вздохом потащил его с ящика, слез.

– Слушай, ну мы же просили: хоть не в общественных местах, –

зашептал посланник, и Генри наконец заметил, что на Олдусе мундира больше нет, вместо него – старая куртка с протертыми локтями.

– Это хорошая история, – упрямо сказал Олдус, и посланник взглянул на него, как смотришь на дорогого тебе человека, когда подозреваешь, что у него не все в порядке с головой.

– Очень хорошая, – терпеливо ответил здоровяк, волоча Олдуса за собой в сторону корпуса посланников. – Только это неправда, ты все выдумал, понимаешь? Когда же ты успокоишься-то! Дженнифер! Эй, Джен! – рывкнул он, задрав голову к окну. – Забери его, он снова начал!

– А для тех, кто хочет еще разок услышать пусть и не столь увлекательную, но правдивую историю про обретение Сердца, в шесть часов состоится ежедневное представление! – звонко выкрикнул за спиной у Генри до боли знакомый голос. – Сегодня в программе сценка «Уничтожение Дома всех вещей»!

Генри обернулся. Джетт стоял в паре шагов от него и бойко зазывал публику, хлопал по плечам знакомых, подмигивал детям, и Генри подошел к нему.

– Расскажи мне про обретение Сердца прямо сейчас, – спокойно сказал он, хотя у него что-то дрогнуло внутри от равнодушного взгляда, которым Джетт скользнул по нему.

Восторг от удачного трюка с Хью потихоньку начал съеживаться и бледнеть, а мысль о том, что же он наделал, росла и росла.

– Ну ты и хитрец, приятель! – сощурился Джетт. – Я за это монету беру, а ты без всякой платы хочешь? Приходи вечером, все услышишь.

Он покопался в кармане, достал потрепанный бумажный квадрат и сунул Генри в руку. Тот рассеянно опустил взгляд на записку:

«Джетт, прямой участник событий: рассказ о походе за Сердцем, фокусы, комические номера, пародии. Вход со сниженной платой, всего один медяк, – только сегодня, только для вас!»

Судя по виду этой бумажки, она уже переходила из рук в руки добрую сотню раз, и Генри растроганно улыбнулся. Было что-то успокаивающее в том, что Джетт при любом раскладе пытался заработать.

– Что ты тут забыл? – спросил он, хотя мысленно уговаривал себя держать язык за зубами. – У тебя ведь уже есть десять золотых, чтобы забрать мать из деревни.

Джетт побледнел.

– Откуда ты знаешь про мою мать? – медленно спросил он, оттаскивая Генри в сторону от толпы. – Я никому не говорил. Ты... – Он завертел головой, проверяя, не подслушивает ли кто, и зашептал: – Ты из дома за

мною явился, да? Большой Джон прислал? Эй, передай ему, что я накоплю, честное слово!

До Генри внезапно дошло: ну конечно, у Джетта нет десяти золотых. В этом варианте событий ему не за что было получить их от Освальда, потому что некого было предавать.

– Расскажи мне, как нашли Сердце, – приказал он. – Коротко и ясно, без фокусов и пародий.

Джетт быстро закивал – видимо, поверил, что Генри прислали его всесильные преступные односельчане.

– Жили-были Хью и Сван Кэмпбеллы, два туповатых братца, – затараторил Джетт. – Месяц назад Барс выбрал их искать Сердце волшебства, а меня как раз угораздило оказаться в их деревеньке, я там фокусы на ярмарке показывал. Они решили, что лишние мозги не помешают, и взяли меня с собой в поход, – и я помогал им, чем мог, клянусь! А это, приятель, непросто было: Хью злющий, Сван болван, а еще нас по пятам Освальд преследовал. В общем, мы кое-как нашли Сердце, но тут у Хью от важности прямо башку снесло: решил, что он теперь вообще все может, и возмечтал получить силу, как у Барса. Мы со Сваном под шумок дотащили Сердце во дворец, и, заметь, денег, ради которых я во все это ввязался, нам так и не дали. Забрали Сердце и выставили! – Джетт пару секунд молча погрузился, а потом зачастил дальше: – Хью подружился с Освальдом, они нашли какие-то записки о том, где искать Предел, – а ты, друг, не хуже меня знаешь, где он. – Джетт поиграл бровями и тут же снова посерьезнел. – А дальше – только слухи. Я не знаю, как вы, ребята, ухитрились впустить этих двух бандитов к нам в деревню, и я тут ни при чем. Короче, они добрались до Предела, Хью обрел силу Барса, Освальд сбежал, а Барса они, кажется, прикончили.

Генри еле слышно застонал. Он надеялся, что из-за рокировки история с Хью вообще не произойдет и Перси не лишится силы, но, конечно, это было бы слишком просто.

– С тех пор живем, дрожа, как кролики, – закончил Джетт. – Хью уже с небом какие-то странные штуки проделывал, а скоро наверняка возьмет и прибьет всех. Чутье говорит мне, что нужно быстрее зарабатывать и валить отсюда. Я бы начал со зрителей по два медяка брать, но народ со страху еще прижимистее стал, и я...

– А корону нашли?

– Корону из легенды про то, что правители людям – как отцы родные? Это все выдумка, приятель. Каждый сам за себя – уж они там, за стеной, это лучше всех знают: даже не вышли узнать, как у нас, простых ребят,

дела.

Джетт невесело рассмеялся, и Генри в который раз подумал: сколько бы Джетт ни изображал бодрого неунывающего мошенника, внутри он, кажется, такой же грустный парень, как и Эдвард. Может, эти двое подружатся, если им всем удастся дожить до счастливого финала?

– А лютую тварь победили? – уточнил Генри.

– Если ты не про Хьюго, то даже не знаю, о чем речь. – Джетт вдруг подмигнул, хитро глядя на его руки. – Так и знал, что тебе все это известно, ты просто прикидываешься. Перчатки в такой теплый денек, а? Да ты, я смотрю, из поклонников моего конкурента господина Прайда! – Генри недоуменно нахмурился, и Джетт пояснил: – Он написал историю о том, что избранным был не Хью, а парень с даром огня, такой добрый, храбрый и славный, какие только в сказках бывают. И этот чокнутый посланник, вместо того чтобы зарабатывать на своей шикарной выдумке, с пеной у рта доказывает, что все так и было на самом деле. При этом даже вспомнить не может, как вообще эту историю написал! С головой у него не в порядке, вот и все. Тем более что он всем желающим эту прелесть рассказывает бесплатно, – вот уж настоящее безумие. Его даже из посланников выгнали, чтоб не позорил их доброе имя. Но по всему городу народ теперь даже днем перчатки носит, как тот храбрец из истории. Тебя тоже мода, я смотрю, не обошла.

Генри со вздохом спрятал руки в карманы. Пора было идти, но он не мог не задать самый последний и самый важный вопрос:

– Ты в порядке?

Джетт растерянно заморгал, словно не привык, чтобы его спрашивали о таком.

– Ну да, – пробормотал он, подозрительно глядя на Генри. – Нашел комнату, коплю деньги: историю все уже знают, но на фокусы и пародии раскошеляются. Красотки в столице – просто нечто, а если нас всех не грохнут, десять золотых я уже через пару лет заработаю, так Большому Джону и передай. – Джетт вдруг расплылся в сладкой, широкой улыбке и замахал кому-то рукой. – Приветик, жду вас сегодня на представлении! Как ваши дела?

Джетт больше не обращал на Генри внимания, и тот зашагал прочь, растирая пальцами виски, чтобы отвлечься от навязчивой, одуряющей боли. Первый шаг сделан: все в безопасности, и чем быстрее он разберется с Хью, тем быстрее можно будет вернуться к ним и сделать так, чтобы они вспомнили о нем снова. В голове у него мелькнула приятная картинка: Хью побежден, он сам спокойно и героически улыбается, изображая, что не

сделал ничего особенного, Агата и Роза обнимают его и говорят, что он герой, Эдвард ворчит, что ему не дали шанса проявить себя, король ласково улыбается, скриплеры приносят всем чай. Дальше все терялось в приятном мареве, и Генри стоило невероятных усилий выбросить из головы эти прекрасные мечты. Для начала надо сделать свою работу.

Честно говоря, он понятия не имел, как именно ее сделает, но Странник оказался не таким уж злобным, помог ему, а значит, наверняка в курсе, как теперь быть. И Генри быстрее зашагал вдоль озера, оставляя площадь позади. Эдвард говорил, что Странника люди встречают в дороге, а значит, для начала надо выйти на какую-нибудь подходящую пустынную тропу.

Когда площадь скрылась из виду окончательно, Генри остановился. Вокруг было очень тихо – только деревья, обугленная стена дворца да Мертвое озеро – снова совершенно черное. Ну конечно: раз корону не нашли, значит, и чудовище из озера обратно в Алфорда не расколдовали. Генри начал звать Странника – сначала мысленно, потом вслух, но тот не появлялся, и Генри забеспокоился. Он вспомнил, как перекопился Перси от вопроса, можно ли просить Странника о помощи. Что, если волшебник номер четыре сыграл с ним злую шутку и больше не явится?

– Ну, это было бы слишком жестоко, – весело сказал Странник откуда-то сзади.

Генри покорно обернулся. Страннику ничего не стоило появиться перед ним, но волшебники, кажется, считали за особый шик подкрадываться из-за спины.

– А ты молодчина, – одобрительно кивнул Странник. Настроение у него, похоже, было прекрасное. – И прости за головную боль, твой мозг в ужасе от того, что его узы с миром оборваны. Отличный был ход – уничтожить золотые нити, которые связывают тебя со всеми. Хью планировал сначала убить всех, кого ты любишь, а затем пойти по всем, кто тобой восхищается, от Петера-скрипача и сына Олдуса Прайда до последнего лавочника, который видел, как ты нашел корону. Хью нравилось, что они будут знать: их убивает любовь к тебе, к его врагу. А теперь представь: Хью похищает, например, Эдварда, а тот ему говорит: «Какой Генри? Я единственный ребенок в семье!» Им ничего больше не грозит – никто на свете тебя не помнит и не любит, а значит, и наказывать их уже не интересно.

«Только Олдус не забыл», – подумал Генри и едва не подскочил, когда Странник в ответ рассмеялся:

– Он просто обнаружил свои записи и не поверил, что смог бы такое

выдумать. Я устранил тебя из реальности и наскоро слепил правдоподобную версию событий, но истории – живучая штука. То, что написано, не изменишь. Но ты не волнуйся, ему даже собственная жена не верит. Помнит тебя только Хью – его разум для меня недоступен, и, предупреждая твой вопрос, оттого я и не могу победить его. Но видел бы ты, как он вопил от злости, пытаясь отменить рокировку! Не вышло: он силен, но силой управлять пока не умеет, а у меня, – Странник ухмыльнулся во весь рот, – золотые руки.

Генри поежился: его начинало слегка беспокоить воодушевление, которое у Странника вызывало все происходящее.

– Ты сильнее всех волшебников, слышишь чужие мысли, а этого даже Барс не мог, – осторожно начал Генри, стараясь не думать о том, что этот вопрос надо было задавать раньше. – Ты можешь менять реальность, а еще ты очень похож на Перси. Так почему никто никогда не прибегал к твоей помощи? Что с ней не так?

– Все так, поверь. – Странник с чувством прижал руку к груди. – Я не виноват, что не особо популярен.

Генри медленно кивнул. Все равно теперь на его стороне либо Странник, либо никого, тут особо придирчивым быть не приходится.

– Ладно, давай к делу. Ты поможешь мне стать сильнее, я заберу у Хью то, что он прибрал к рукам, а потом ты вернешь все, как было, – твердо сказал Генри, стараясь держаться как хозяин положения, а не как утопающий, который полностью зависит от того, протянут ли ему руку с берега. – Сделаешь так, чтобы все меня вспомнили.

– Цыплят по осени считают, – махнул рукой Странник.

Генри решил принять этот пустой и расплывчатый ответ за «да»: волшебники любят напустить туману, будто заранее стараются выглядеть загадочно для какой-нибудь будущей сказки. Раз Странник смог разорвать нити, сможет и вернуть обратно.

Странник дружелюбно протянул в его сторону руку, и, несмотря на все неприятности, Генри почувствовал укол предвкушения, детскую радость от того, что возьмет волшебника за руку, не зная, куда тот его перенесет.

– Подожди секунду. Раз уж я здесь, можно мне... – Генри кивнул на неподвижную черную воду.

– А, ну конечно, герой и трех шагов не может пройти без подвигов, – фыркнул Странник. – Давай, не стесняйся.

И Генри громко позвал:

– Эй, чудовище Мертвого озера, покажись!

Вода пошла рябью, и чудовище мгновенно подняло над ней свою

уродливую голову – так человек, ждущий важного гостя, распахивает дверь при первом же стуке. Впрочем, в голубых глазках чудовища было скорее недоумение, чем радость: оно не могло поверить, что кто-то позвал его сам и не убегает с криком, увидев его уродство, облепившие склизкую кожу водоросли и извивающиеся под водой щупальца. Генри жестом подозвал чудовище ближе, оно с опаской подплыло к берегу и уже почти вылезло на сушу, когда Генри снял перчатку и коснулся холодной кожи между изумленно вытаращенных глаз. Вот теперь он почувствовал то, чего так и не дождался с Хью: руку приятно закололо, и Генри тут же отдернул ее, стараясь не думать о том, как было бы здорово подержать чуть дольше, забрать все, вытянуть жизнь так же, как забрал волшебство. Это были не его мысли, и он давно научился их не слушать.

Секунду спустя вместо чудовища на мелководе сидел встрепанный Алфорд и растерянно моргал – кажется, сам не ожидал, что его заточение так буднично и внезапно закончится.

– Что... Кто ты такой? – пролепетал Алфорд, глядя, как Генри натягивает перчатку.

Придумать достойный ответ Генри не успел, потому что Алфорд заметил Странника – тот расслабленно стоял, прислонившись к дереву.

– Давненько не виделись, – беззаботным тоном сказал Странник и лениво вскинул руку. – Последние лет двести дела шли так себе, и было бы утешительно поболтать со старым другом, но ты, прости за каламбур, залег на дно.

Странник затрясся от смеха, прижимая ко рту кулак, будто не хотел обижать Алфорда, но и сдержать веселье не мог. Алфорд перевел взгляд на Генри и обратно, словно не мог поверить, что видит Странника в компании человека. Судя по потрясенному лицу лучшего друга мастеров, ждать от него ответа можно было еще долго, и Генри протянул Страннику руку.

– Вперед, – сказал он, и вот теперь это прозвучало как надо: твердо и уверенно, никаких сомнений, ни шагу назад.

У перемещений с волшебником есть всего один недостаток: первые несколько секунд на новом месте чувствуешь себя так, будто тебя треснули по голове. В этот раз было даже хуже, чем обычно, потому что Генри так себя чувствовал еще до встречи со Странником, и теперь от скачка в пространстве голова взорвалась такой болью, что он чуть язык не прикусил. Пытаясь унять тошноту и звон в ушах, он зажмурился и не сразу смог оценить обстановку, зато услышал многоголосый крик, исходивший, казалось, отовсюду. Кричали странно: человеческие голоса сплетались с

тревожными звериными и птичьими воплями, деревянным скрипом и звуками падения разнообразных предметов. Затем наступила тишина.

Генри открыл глаза и удивленно огляделся. Во-первых, он никогда еще не видел такого странного жилища, во-вторых, рядом не было никого, кроме Странника, который с видом радушного хозяина обвел комнату широким жестом и торжественно произнес:

– Добро пожаловать в мой скромный дом.

В списке подходящих описаний для этого места слово «скромный» было на последнем месте. Помещение выглядело так, будто его создавали для размещения пары десятков старичков, которые без ума от богатства и мягких поверхностей. Роскошь была не такая, как в королевском дворце, никакого золота, но вся мебель была старинной и вычурной, с деревянными завитушками, резьбой, иногда целыми деревянными картинами на спинках, дверцах и подлокотниках. Повсюду стояли диваны с толстой мягкой обивкой, глубокие кресла, бесформенные мягкие лежанки, а среди всего этого на столиках теснились чашки, блюдца и корзины с чем-то похожим на печенье. Кресло-качалка у окна медленно раскачивалось, из нескольких чашек шел пар, спелая желтая груша на блюде была надкушена всего один раз. Генри осторожно взял эту грушу и ближе рассмотрел следы зубов. Маленьких, острых, как иглы, и явно не человеческих.

– Думал, только у Тиса есть волшебный дом? – фыркнул Странник, с размаху падая на диван. Его карие глаза, живые и внимательные, как у птицы, неотрывно следили за Генри. – Перси подарил каждому волшебнику свои хоромы. У Джоанны и Алфорда вечное запустение, они терпеть не могут засиживаться дома, а мы с Тисом всегда любили стариковский уют. Я, конечно, часто бываю в делах и в дороге, но тут всегда приятно отдохнуть. Да и гостей люблю, а они все не молоденькие, надо размещать их с удобством. Чаю хочешь?

Генри открыл рот, чтобы сказать, как глупо вести такие разговоры, когда Хью в любую секунду может разнести королевство, но закрыл его обратно. На самом деле он был рад передышке: головная боль как раз достигла той ступени, когда хочется потерять сознание, только бы это прекратилось. Странник сочувственно кивнул, явно услышав его мысли, и вдруг рывкнул так, словно решил силой звука разнести его голову на куски:

– Ребята, выходите! Он не кусается!

В следующее мгновение Генри понял, что охотник из него так себе: оказалось, все, кого он слышал в самом начале, спрятались прямо в комнате, а он их даже не заметил. Скриплеры маскировались под мебельные ножки, кошки слились с пледами, валявшимися на диванах,

Худое Пальтишко ухитрился втиснуться в ящик комода, а то, что Генри принял за черные кожаные коврики, оказалось Ночными стражами, которые сейчас как по команде сложили распластанные крылья и сердито подобрались, царапая когтями пол. Отовсюду вылезали и другие существа – маленькие человечки, птица с большими глазами, незнакомые мохнатые создания, для животных слишком смысленные на вид. Все они смотрели на Генри одинаково: разом враждебно и испуганно.

– Ты же говорил, что великие должны быть одни, – растерянно пробормотал Генри. – Я думал, ты...

Всю жизнь мотаюсь один по дорогам? Такая у меня работа, Генри, а в свободное время кто ж не любит хорошую компанию! А они все знают: нет на свете убежища более надежного, чем дом Странника. Сейчас времена трудные, вот они сюда и набились. Это вы тревогу подняли? – спросил Странник у нескольких грибней, которые до этого успешно изображали части диванной обивки, и те вразнобой кивнули.

– Привет, Соломка, – сказал Генри самому мелкому из них, но тот только надвинул шляпу глубже и нырнул за диван.

– Грибни чувствуют волшебство, – мирно объяснил Странник, поднимая по очереди крышки всех фарфоровых чайников, которые стояли на ближайшем столе: искал, где осталась заварка. – Сразу поняли, кто пожаловал в наше тайное неприступное убежище, и всех на уши поставили.

– У него дар огня. Зачем ты притащил его сюда? – злобно спросил Худое Пальтишко, но во взгляде, обращенном к Генри, не было раздражения: только страх, такой чистый и яркий, словно Генри держал у его горла нож.

– Пальтишко был покровителем одного парня с даром огня, Сиварда. Помогал ему в пути, – сообщил Странник, хотя Генри и так отлично это знал. – Но тот окончил свои дни так же, как все разрушители: безумный, побежденный и уничтоженный. Не думаю, что встретить еще одного мальчика, изуродованного даром приносить смерть, было главной мечтой моего большеногого друга.

Странник сочувственно хлопнул Пальтишко по плечу, но тот сердито вывернулся и залез под шкаф. Как ни странно, из-под шкафа раздался звук маленькой захлопнутой двери, хотя как она могла там поместиться, Генри не представлял.

– Ближе к делу, – монотонно проговорил он, заставляя себя не думать о дверях под шкафами, о головной боли, о мертвом Сиварде, о печали Худого Пальтишки, о вкусной еде в корзинах и о чае в чайниках. – Ты сказал, что

поможешь; приступай.

– Вот наглец, – с одобрением проговорил знакомый женский голос, и Генри обернулся.

В дверях стояла Секретница. Выглядела она не так цветуще, как при их первой встрече, но и оживший труп больше не напоминала: бледная, изможденная красавица с туго обтянутыми кожей скулами.

– Ты ведь не дашь ему убить нас в твоём доме, правда? Тогда можно мне его немного... – Она пошевелила пальцами, жадно глядя на Странника. – Чего только не скрывают разрушители! Уничтоженные дома, убитых родичей. Мне будет чем подкормиться.

– Угощайся. – Странник посторонился, глядя на устало застывшего Генри так, будто все это очень забавно. – Ты, наверное, помнишь эту леди из сказок: она питается тайнами.

Ледяная ладонь, которой она коснулась щеки Генри, мгновенно раскалилась, и Секретница отдернулась всем телом, с недоверием глядя на свою руку.

– Ничего не скрывает, – потрясенно пробормотала она. – Ни одного секрета. Он прозрачный, как вода.

– Где ты взял такого разрушителя? Он не похож на остальных. Такой... спокойный, – промолвил какой-то скриплер, не спускаясь, впрочем, со шкафа.

Улыбка Странника стала шире.

– Чего только не найдешь, если поискать, вам ли не знать, ребята. – Странник развернулся к Генри и заговорщицки шепнул ему на ухо: – Я не мог слишком сильно менять всеобщие воспоминания, так что в этой версии событий скриплерам тоже спалили Дом всех вещей. Правда, без участия огненных тварей, просто Освальд постарался. Они притащили остатки своего барахла ко мне и по-прежнему не доверяют людям, как и все остальные существа. Я слышал, в истории Олдуса Прайда был парень, который мог заставить любого верить в хорошее, но это ж выдумка.

Странник подмигнул Генри и заговорил громче, обращаясь ко всем сразу:

– И все равно разрушители всегда одинаковые: короткий запал, быстрый гнев. Чуть ткнешь, тут же показывают зубы. – Договорив, Странник внезапно сделал молниеносный выпад и ткнул Генри чайной ложкой в живот.

Тот вздрогнул от боли, но не двинулся. Он умел отличать угрозу жизни от дружеского тычка, и огонь даже не шевельнулся: знал, что ему ничего не достанется. Но существа вокруг вытаращили глаза, словно им показали

невероятный трюк, и слегка расслабились – во всяком случае, Ночные стражи прекратили скрести когтями пол, а кошки – прижимать к голове уши.

– Да, пожалуй, все-таки нужен стимул чуть посильнее, – задумчиво пробормотал Странник, бросив ложку на стол, и как ни в чем не бывало налил себе чаю. – Разозлить тебя непросто, ты у нас приучен держать себя в узде, но я ускорю события. Итак, сказка номер один: о женщине, которая шла по дороге.

– Хью в любой момент может снова кого-то убить, – звенящим голосом проговорил Генри. Весь этот балаган начал ему надоедать. – Лучше расскажи мне, что надо сделать, чтобы его победить.

Скажите-ка свою коронную фразу, ребята. – Странник обернулся к скриплерам, но те сидели неподвижно. – Нет? Ладно, сам скажу: всякому знанию свое время, Генри, и сейчас время для сказки о женщине, которая не любила своего слабого, беспечного мужа. Когда-то долг повелел ей выйти за него, и они были более-менее счастливы вместе – тем хилым счастьем, какое бывает у людей, объединенных не близостью сердец, а общими обязанностями и детьми. – Он чинно отпил чаю и взял из корзины печенье. – А детей у них было двое – хорошие, славные мальчики. Но один из них умер, и женщина сбежала из дома, так невыносимо стало там находиться. Ей было двадцать шесть – юное жизнерадостное создание, не созданное для трудностей.

Генри похолодел. Он понял, про кого эта история.

– Была ночь, охрана спала, и наша героиня легко выбралась из своего большого красивого дома, – продолжил Странник, жадно заглядывая Генри в лицо. – Но посреди дороги, освещенной луной, она вдруг поняла, что поступает очень плохо: у нее ведь есть и второй сын, которому она нужна как никогда. И она решила вернуться. Но тут ей встретился человек в плаще с низко надвинутым капюшоном. – Странник набросил на голову капюшон. – И он сказал ей: не возвращайся. Найди себе в жизни новое место, где будешь нужна.

– Ты издеваешься? – выдавил Генри. Ему стало трудно дышать. – Она была нужна дома.

– Этот одинокий путник много чего знал, даже то, что ее младший сын жив и здоров, его просто похитили. Но сказал ли он об этом скорбящей матери? Конечно нет, – добродушно проговорил Странник, и Генри так захотелось ударить его, что кулаки зачесались. – Люди такие забавные, приятно иногда над ними подшутить. Путник сказал: «Возьми меня за руку, красавица, и я перенесу тебя далеко-далеко, туда, где ты сможешь начать

все заново. А твоим домашним без тебя будет лучше».

– Я тебя сейчас... – Генри сжал кулаки, и Странник с одобрением посмотрел на них.

Генри ненавидел это чувство: огню передалась его злость, в груди стало тесно, собственная кровь казалась теперь обжигающе горячей, – и он усилием воли заставил себя выровнять дыхание. Нельзя терять над собой контроль. Если Странник хотел проверить, насколько хорошо Генри держит себя в руках, то пусть подавится: держит. Чтобы забрать силу Хью, самому не став чудовищем, надо быть спокойным, не давать огню то, что он хочет. Генри вытер лоб и огляделся. В комнате стояла полная тишина – все смотрели на него, выпучив глаза. Странник задумчиво барабанил пальцами по щеке.

– Ишь ты, какой крепкий. Ну ладно, сказка номер два, – объявил он. – О юноше, который тоже шел по дороге, – никого особенного он, правда, не встретил. Он был утомлен путешествием и зашел в деревню под названием Приречье, указатели при входе в которую обещали гостеприимство и ночлег.

Скриплер, в котором Генри по обернутому вокруг головы выюнку узнал Пала, прижал обе руки-ветки к лицу. Незнакомое мохнатое существо рядом с ним тихо зарычало.

– Приречье издавна было деревней искусных стеклодувов, но вот беда: незадолго до того злой король Освальд стал бессмертным, Сердце волшебства почти погасло, дары ослабли, и это плоховато отразилось на настроении и характере всех и каждого. – Голос Странника становился все громче, звенел, будто он едва сдерживал какое-то сильное чувство. – Юноша попросился на ночлег, но хозяин постоянного двора, человек, имевший дар находить общий язык с любым существом на земле, в последнее время стал раздражительным и злым, ведь его способности ослабели, а что такое мастер без дара? Он грубо потребовал с юноши сумму, которой тот не располагал. Молодой человек хотел уйти, потому что знал свой взрывной характер и никогда ни с кем не ссорился, опасаясь потерять самообладание. – Генри обреченно закрыл глаза. Он понял, о ком эта сказка. – Но хозяин гостиницы, который всю жизнь обаятельно и с удовольствием обхаживал гостей, без своего дара оказался не таким уж хорошим человеком. Он попытался отнять у юноши сумку, с которой тот пришел. Она выглядела тяжелой: вдруг внутри оказались бы какие-нибудь ценности? И юноша разозлился. Угадаешь с трех раз, что было в сумке, Генри?

– Сердце волшебства, – выдавил Генри. – Юноша вез его, чтобы

спрятать от Освальда.

– Именно так. – Губы Странника тронула короткая, невеселая улыбка. – Но когда видишь перед собой то, что может исполнять желания, трудно думать о счастье других. Хозяин гостиницы попытался отнять шкатулку с Сердцем. Он и сам не знал, чего хочет пожелать, но как можно выпустить из рук такое сокровище?

Странник поднялся и шагнул Генри навстречу.

– Барс был мудр: он выбрал для путешествия того, кому не нужно оружие, чтобы защитить самый ценный предмет в королевстве. Но у этого достоинства была и обратная сторона. – Голос его стал ниже, в нем появились холодные, угрожающие нотки. – Стоит хоть немного вывести разрушителя из себя, пригрозить ему или ударить, и он бросится. А хозяин гостиницы ударил юношу, когда тот пытался забрать у него свою ношу. Расскажи мне, что было дальше, Генри. Ты знаешь.

– Юноша убил хозяина гостиницы, – через силу проговорил Генри. – Забрал его силу и не смог остановиться.

Именно так, – спокойно кивнул Странник. – Юноша был в ужасе от того, что убил человека, но голос у него в голове сказал: «Не останавливайся. Убей остальных». Этому голосу невозможно было сопротивляться, и юноша бросил перчатки на землю. Он начал уничтожать все дома по очереди и убивать всех, кого встретит. Разрушитель хотел идти дальше, забирать жизни в следующей деревне, но ему помешала река – он был так взбудоражен и счастлив, так могуч и полон сил, что оступился и упал в воду. – Голос Странника скатился почти до шепота. Он стоял так близко, что Генри чувствовал у себя на лице тепло его дыхания. – В таком состоянии вода причиняет разрушителю ужасную боль, и Сивард пришел в себя. Он вылез на берег и заплакал, а потом взял сумку с Сердцем и, больше не слушая голос огня, довел свой поход до конца. Он спрятал Сердце и умер от руки своего отца, и смерть была облегчением, потому что огонь никогда уже не позволил бы ему стать таким, как раньше. Бывают в жизни вехи, после которых обратно уже не свернешь. – Странник шагнул назад, и голос его снова стал бодрым и деловитым. – Как думаешь, Генри, чему нас учит эта история?

– Тому, что нужна зверская сила воли, чтобы подняться и идти дальше, когда ты уже проиграл, – пробормотал Генри.

– А еще тут есть и более простой урок: никогда не бей разрушителя, даже если он кажется безобидным. Последствия не понравятся никому, – невозмутимо сказал Странник и вдруг с размаху отвесил Генри пощечину.

Мускулы у Странника были что надо: Генри едва устоял на ногах, но,

несмотря на то, как переполошились и завопили все существа вокруг, удивился он куда сильнее, чем испугался. Видимо, Странник тоже это понял, потому что следующий удар нанес уже кулаком. Генри от неожиданности даже не перехватил его руку, только схватился за щеку, стараясь не упасть.

– Что ты творишь? Угробить нас решил? – пронзительно крикнул голос, в котором Генри узнал дрозда-разбудильника: и где он только прятался до этого?

– Посмотрим, как пойдет, – бодро сказал Странник и, пока Генри трогал языком зуб, пытаясь определить, шатается он или нет, врезал ему коленом под дых.

Как ни удивительно, беспокойство за Странника не заставило никого броситься ему на помощь: все жались к стенам, и даже разозленные ночные стражи шипели на Генри с безопасного расстояния.

Огонь затрепыхался, но Генри сдерживал его в обстоятельствах во много раз хуже, и теперь одним усилием заставил умолкнуть. Но когда Странник снова занес кулак, целясь в нос, Генри решил, что с него хватит. При замахе у любого смещается центр тяжести, волшебник он или нет, – и Генри этим воспользовался: он уклонился от удара, схватил Странника за выброшенную вперед руку и уронил, перекинув через себя.

– Хватит, – сипло выдохнул Генри, прижимая его к полу. – Чего ты добиваешься? Я думал, у тебя есть волшебный предмет, или напиток, или еще какая-то штуковина, которая поможет мне стать сильнее. Будить огонь – не выход. Либо говори, как мне победить Хью, либо я уйду сам искать способ. Это ясно?

– Он тебя не убил, – пролепетал Пал, когда Генри рывком поднял Странника с пола. – Лопни мои корни, он не убил.

– Строго говоря, я не знаю, можно ли меня убить. Это была так, проверка боевой готовности, – светским тоном проговорил Странник, морщась и растирая плечо, которое Генри ему, кажется, выбил. – Потерпи, мой юный друг, мы уже почти дошли до волшебного средства, которое поможет тебе стать сильнее. Итак, сказка номер три: о покровителе Приречья, милейшем существе по имени Коготок.

Странник удобно устроился на диване, закинув ноги на подлокотник, и глотнул чаю прямо из чайника. Генри тяжело опустился на ближайший стул: еще недавно ему казалось, что нет на свете никого болтливее Джетта. Он потянулся к одной из кошек Тиса – хотел положить себе на голову, чтобы боль наконец прошла, – но кошка зашипела и сбежала, а Странник продолжил:

– Трагическая потеря родной деревни обычно сводит покровителя с ума, и он превращается в злобного духа – помнишь Привратника? – но Коготок потерял свой дом всего за пару дней до исчезновения Сердца волшебства и не успел никому навредить: заснул в дупле старого дерева, да там и пролежал триста лет. Месяц назад проснулся, и мне пришлось забрать беднягу к себе – он носился над лесом, который вырос на месте родной деревни, и норовил клонуть всех, кто проходил мимо: у него не осталось в жизни никакого смысла, кроме мести за свое драгоценное Приречье. Я дал ему сонной пыльцы, и вот уже месяц он спит, как младенец. Ребята, позовите-ка его сюда. – Странник вручил одному из скриплеров глиняный кувшин. – Просто вылейте воду ему на голову, он и очнется.

Скриплер потащил кувшин в другую комнату, громко шлепая корнями по полу. На лице у него было написано неодобрение, которое его сородич Пал печально высказал вслух:

– Если ты вот так пытаешься спасти королевство от нового волшебника, то, по-моему, ты сошел с ума.

– Ой, ну спасибо за поддержку, – огрызнулся Странник. Конец его фразы потонул в жутком птичьем вопле, который раздался из соседней комнаты. – Занимай место в первом ряду, Пал. Будет весело.

Глава 4

По ту сторону беды

За дверью прошлепали тяжелые шаги, и Генри подобрался. Шаги были странные – как будто у идущего пальцы хлопают по полу как корни скриплеров, но каждый при этом оканчивается здоровенным когтем. А потом в комнату зашло такое несуразное существо, что Генри едва не фыркнул от облегчения: здоровенный орел с мощными ногами, но удивительно растерянный с виду.

– Мастера-стеклодувы из Приречья торговали со всем королевством, а как безопаснее всего доставить посылку с хрупкими вещами? Конечно, по воздуху, – пояснил Странник. – Коготок был всеобщим любимцем – самый аккуратный носильщик в королевстве, ничегошеньки не разбил.

Коготок раскрыл клюв и издал горестный вопль. На глазах у него были какие-то деревянные рамки со стеклами – эта конструкция застегивалась на затылке, и Генри даже представить не мог, для чего издеваться над птицей и надевать ей на голову такую штуку.

– Ну что ты, он обожает эту вещичку. Называется очки, – сказал Странник. – Коготок любил подражать людям и особенно пристрастился к чтению, но у хищных птиц глаза могут смотреть только вдаль, и бедняге

тяжело давалось его увлечение. А незадолго до потери Сердца мастера Приречья открыли свойство стекла увеличивать и уменьшать предметы и сделали своему любимцу вот такие стекляшки для чтения. Он в память о потерянных друзьях их теперь вообще не снимает.

У Генри сжалось сердце: глаза волшебного орла за увеличительными стеклами казались большими и беззащитными, и он медленно поворачивал голову туда и сюда, чтобы гость оценил его очки, – как ребенок показывает всем любимую игрушку.

– Бедный Коготок. Ты хотел их спасти, но разрушитель, который напал на деревню, ужасно тебя напугал, да? – Странник погладил птицу по голове. – Ты трусил, и тебе так стыдно!

Орел распушил перья на затылке, а потом печально сложил их снова. Странник обнял его и миролюбиво сказал:

– Вот твой враг, Коготок. Следующий парень с даром огня после того, который уничтожил твой дом. Разрушители всегда одинаковые, огонь в них тот же самый. На этот раз ты ведь не трусишь? Я привел его для тебя, чтобы ты мог отомстить.

Глаза Коготка сузились, и Генри сделал шаг назад.

– Что ты делаешь? – пролепетал он, но Странник уже исчез, а секунду спустя появился на шкафу рядом со скриплерами.

Генри отступил в угол. Коготок смотрел на него так, что теперь Генри оценил не только милые очки и большие глаза, но и когти, размах крыльев и здоровый острый клюв.

– Убей его, Коготок, пока он не причинил боль кому-то еще. И не бойся разнести дом, тут давно пора сменить мебель, – добродушно сказал Странник, и Генри понял, что зря согласился на его помощь.

– Я ни при чем, Коготок, – выдавил Генри, шаря взглядом по комнате в поисках хоть какого-нибудь оружия. – Я никого не убивал.

Оглушительный крик, который издал Коготок, пронзил голову Генри такой болью, что он проворонил момент и не успел даже уклониться, когда Коготок раскинул крылья, хлопнул ими по воздуху и со скоростью, невероятной даже для орла, ринулся на него через всю комнату. У Генри перед глазами мелькнули растопыренные лапы и напряженные когти, а потом один из этих когтей, острый как нож, распорол ему плечо. Генри вскрикнул, наконец-то отмер и скользнул за кресло, которое Коготок тут же снес с дороги метким ударом лап.

Все надежды Генри на то, что птице с таким размахом крыльев трудно будет сражаться в закрытом помещении, не оправдались. Похоже, аккуратность Коготка выражалась не только в том, чтобы не выпускать из

лап веревочный узел на коробке с вазами и стаканами. Он делал крыльями скупые, плавные движения, отлично управлял положением своего тела в пространстве и больше не тратил время на клетот, крики и суету. Он метко делал выпады клювом и лапами, цель которых была в одном: попасть по шейным артериям врага. Генри нырнул под стол, надеясь получить хоть секунду передышки на размышления. Но Коготок сложил крылья и влетел туда вслед за ним, ровно и быстро, как стрела, а когда Генри вылез с другой стороны и попытался укрыться за шкафом, ловко перевернулся и цапнул воздух в сантиметре от шеи Генри.

«Он тебя сейчас прикончит, – меланхолично сообщил огонь, пока Генри перебежками продвигался к дивану. – Я знаю, что ты меня не выпустишь, но, может, врежешь ему, пока наше общее тело не сдохло?»

– Пытаюсь, – пропыхтел Генри и швырнул в Коготка одну из многочисленных диванных подушек.

Он очень надеялся, что орел начнет драть ее, в лапах застрянет ткань, и это собьет его с курса, но не тут-то было. Коготок, очевидно, не зря читал книги и вовсе не был тупым – подушку он за своего врага не принял и даже когти на ней не сжал. Еще несколько подушек треснули его по башке – у Генри с меткостью удара тоже все было в порядке, – но, конечно, набитая перьями ткань никакого ущерба не причинила. Генри сменил подушки на чайные чашки и блюдца, но Коготок в полете сбивал их клювом, упорно пытаясь добраться до Генри.

Скоро подходящей для укрытия мебели не осталось – все, что можно было отодвинуть от стены, Коготок уже уронил, а гигантский шкаф, на котором расположились Странник и скриплеры, было не сдвинуть. Остальные существа уже давно сбежали в коридор и, как выяснилось, заперли за собой дверь, чтобы участники поединка не рванули за ними. От отчаяния Генри бросился к шкафу, решив залезть внутрь и подпереть дверь, но шкаф тоже оказался заперт. Ключа не было.

– Прекрати, это глупо! – взмолился он, задрав голову к Страннику, и в ту же секунду был наказан за то, что тратит время на слова: Коготок ударил его в спину, вбивая лицом в шкаф.

Генри успел только рывком вытащить руки из рукавов, оставив куртку в его лапах, и спрятался за опрокинутый стол. Он не хотел злиться, не собирался убивать ни в чем не повинного Коготка, но постепенно ярость противника распаляла и его. «Что ты за волшебник такой? Успокой его!» – подумал он, швыряя в Коготка чайник. Чай брызнул во все стороны, но орел ловко уклонился, и чайник грохнулся на пол, разлетевшись на куски.

– И не подумаю, – невозмутимо ответил Странник. – Куда тебе

тягаться с Хью, если не можешь победить безобидную птичку!

Генри едва не зашипел: с чего он должен тратить время на эту бессмысленную драку, когда Хью еще на свободе? Прятаться становилось все тяжелее – пол был теперь густо покрыт обломками и осколками, и Коготку в воздухе это совершенно не мешало, а Генри приходилось все время думать, куда ставить ногу. От темпа драки он уже выбился из сил, голова по-прежнему гудела, рассеченная правая рука еле двигалась, а Коготок словно и вовсе не устал, – и Генри вдруг с ужасом понял, что его самообладание начинает таять, как снег на солнце. Огонь тоже это почувствовал, взбодрился, и в безнадежной попытке не дать ему захватить контроль Генри вложил все свои силы в последний выпад.

Подобравшись ближе к стене, он поднялся во весь рост, а когда птица бросилась на него, увернулся, и Коготок с глухим стуком влетел головой в стену. Генри воспользовался его секундным замешательством и треснул ребром ладони по затылку, а потом дернул за крыло, одновременно выкручивая его, чтобы выбить плечевой сустав. Коготок заметался от боли и ударил его когтями по груди. Чувствовать, как кожа разрывается сразу в десяти местах, было ужасающе, и на секунду Генри захотелось схватить эту проклятую птицу голыми руками, так, чтоб и горсти пепла не осталось. Эта мысль вызывала болезненное, яркое наслаждение, но, вместо того чтобы ей последовать, он всем телом толкнул Коготка назад и уронил на пол, прижимая бешено молотящие лапы коленями, а здоровое крыло – рукой. Второй ладонью он надавил Коготку на горло, чтобы тот не выклевал ему глаза.

– Успокойся, – выдохнул, держа лицо подальше от щелкающего клюва. В голове все постепенно затягивало красным, и он барахтался в этом горячем, липком тумане, пытаясь вытолкнуть из собственных мыслей желание стереть врага в порошок. – Они умерли триста лет назад. Ты их потерял, этого не исправить.

Соппротивление Коготка начало слабеть – то ли он понял, что ему говорят, то ли крыло слишком болело, но он как-то обмяк, и Генри убрал руку с его шеи.

– Есть две новости: плохая и хорошая, – сказал Странник, внезапно нависнув у Генри над плечом. Тот не мог обернуться, но слышал: Странник больше не улыбается, его голос был тихим и холодным как лед. – Хорошая состоит в том, что такой зверской силы воли, как у тебя, я в жизни не видел, а я много чего видел. Поразительно, на что способны воспитание Освальда, доброе сердце и дар огня, если их смешать.

– Спасибо, – прохрипел Генри.

Слова прокатывались по его сознанию, почти не оставляя следов: он был весь сосредоточен на том, чтобы не снять перчатки.

– Плохая новость состоит в том, что вот оно, волшебное средство, которого ты хотел. – Странник положил руку поверх его ладони и крепче прижал ее к перьям Коготка. – Дитя мое, ты правда думал, что я вручу тебе пилюлю, медальончик или склянку чудесного напитка? Нет другого способа сделать разрушителя сильнее – только дать ему забрать чью-то жизнь.

До этого Генри даже не знал, что можно похолодеть от страха, когда ты весь, как раскаленный котел. Странник поддел край его перчатки и начал ее стягивать, но Генри дернулся, отталкивая его руку. Коготок затих, моргая своими безумными желтыми глазами, и Генри внезапно заметил, что очков на нем больше нет: потерял в драке.

– Теперь единственный смысл его жизни – горевать о потерях. – Странник снова ухватился за край перчатки. – Для него честью будет погибнуть в попытке отомстить за родной дом. Мастерство управления твоим даром не только в том, чтобы не использовать его. Оно еще и в том, чтобы использовать, когда нужно.

Генри замотал головой так, что почувствовал, как пот стекает по шее за воротник.

– Я могу забрать волшебство из предметов, – хрипло сказал он.

– Этого будет недостаточно, даже если ты уничтожишь все старинные вещи в королевстве. Ты должен кого-то убить, Генри. И чем лучше убитый, чем чище его сила, тем легче тебе будет присвоить ее и не сойти с ума. Потому огонь и подбивал тебя убить Эдварда, когда вы ездили с ним в поход: вот для него был бы пир. Но я не настолько жесток, потому и нашел тебе идеальную жертву.

Странник хотел сказать что-то еще, но закашлялся, и до Генри внезапно кое-что дошло. Голос у Странника был усталый, мышцы руки, упирающейся в Коготка рядом с его собственной рукой, подрагивали. Да и вообще: с тех пор как они встретились у озера, Странник выглядел все хуже, просто он так паясничал и так много говорил, что Генри до этого момента даже внимания на это не обращал.

– Что с тобой? – выдавил он. – Ты мне что-то не говоришь, да?

Странник еле слышно рассмеялся – взвинченный, короткий звук.

– А ты внимательный. Боюсь, наша передышка заканчивается: я не знаю, чем занят Хью, но воздух как будто холоднее стал, дышать тяжело. Я чувствую все, что происходит в королевстве, и что-то надвигается, что-то плохое. Давай, Генри. Жизнь Коготка – или жизни всех, вот такой выбор.

Поверь, мне так же страшно, как тебе.

Генри поднялся на ноги и опустил взгляд на Коготка. Тот понимал, что ему говорят, понимал каждое слово и больше не сопротивлялся – лежал, раскинув крылья. Он знал, что он жертва, которую Странник решил принести во имя победы, и ему тоже было очень страшно – Генри видел, как трясется под перьями его птичье тело. Коготок не был обычным животным, он любил читать книги и любил свою деревню, и при мысли о том, чтобы убить его, у Генри скручивало все внутренности.

– Перси сказал, что победа ценой человечности – это не победа, – выдавил он.

– Как жаль, что дела у нас слишком плохи для таких прекрасных, благородных мыслей, – покачал головой Странник, вытирая лоб, и Генри снова подумал, как же он похож на Перси. – Выбери, что будешь делать, Генри. С этим никто тебе не поможет.

Генри показалось, что все вокруг замерло: дыхание Коготка, существа, столпившиеся вокруг, огонь, изнутри ласкающий грудную клетку. Он медленно стянул перчатку и бросил на пол, думая о том, что до этого момента даже не знал, что такое настоящее одиночество. Мысли мелькали, как рябь на воде. Вот на полу валяются очки Коготка, и стекла не разбились, даже не треснули, мастера свое дело знали. «Чтобы совершить невозможное, приходится отдавать все без остатка», – сказал Странник. Коготок не имеет значения, он не важен, без него королевство легко обойдется. «Ты делал всех хорошими людьми», – сказал Эдвард, и, вспомнив о нем, Генри поежился от тоски. «Говорят, в историях важны только главные герои, всякие рыцари и принцы, короли и королевы, а остальные – просто пешки, которых сметают с доски по пути. Но чтоб они провалились, эти правила», – сказала Мойра, и ее голос был самым громким из всех. Голос, с которого началась вся эта история и от которого в голове у Генри внезапно прояснилось.

– Чтоб они провалились, – еле слышно повторил он.

А потом сжал голую руку в кулак и, размахнувшись, треснул по ближайшему перевернутому столу. Стол рассыпался хлопьями золы, и Генри ударил кресло, опрокинутую тумбочку, бил все подряд, сосредоточенно и упрямо, чтобы хоть немного унять ноющую жажду внутри. Когда мебели поблизости не осталось, он отдышался, надел перчатку и подобрал очки Коготка. Тот испуганно дернулся, когда Генри надел их ему на клюв.

– Я не такой, – отрывисто сказал Генри. – Что это за сказка, где приносят в жертву тех, кто ни в чем не виноват? Вот такое у нас волшебное

королевство? – Он обвел взглядом перепуганно замерших существ. – Я знаю, что делать. Мне нужно что-то злое, совсем злое, вроде лютой твари. Найдите мне такую, и я убью ее. В ней наверняка полно сил.

– Это очень плохая идея, – мягко сказал Странник. – Сила такова, каков ее хозяин. У злого существа она злая, и, взяв ее, ты...

– Стану ее новым хозяином. – Генри наклонился к нему, чувствуя на лице широкую, кривую усмешку. – Мой брат сказал, что у меня талант превращать плохое в хорошее, и он умный парень, поверю ему. Да, будет тяжело, но я справлюсь, не сомневайтесь. Вы даже представить себе не можете, как я хочу выиграть и жить дальше. А теперь ты, вот ты, вылечи его плечо.

Рыжая кошка, на которую он указывал, растерянно подошла и улеглась на вывернутое крыло Коготка.

– И ты живи дальше. Найдешь себе в жизни новое место, где будешь нужен, – сказал Генри, глядя на Коготка. – Лети, ты свободен. Я освобождаю тебя от служения Приречью.

Генри даже не сомневался, что способен на это: он чувствовал себя всемогущим, и огонь был ни при чем. Ему было одиноко, как никогда, но зато самого себя он понимал лучше, чем когда-либо раньше. Он держал в своих руках и собственную жизнь, и жизни всех, кто ему дорог, держал так крепко, как Коготок когда-то держал свои драгоценные стеклянные посылки.

– Блестяще, – выдохнул Пал.

Кошка слезла с Коготка и запрыгнула Генри на руки, прижимаясь к располосованной груди. Коготок осмотрел всех своими полубессмысленными глазами сквозь стекла очков. Хлопнул крыльями на пробу, а потом расправил их и полетел в сторону окна – до этого Генри даже не замечал, что оно тут есть. Генри хотел было сказать, что оно слишком маленькое для такой здоровой птицы, но Коготок набрал скорость, а прямо перед окном сложил крылья, пролетел пару метров и врезался головой в стекло. Оно разбилось легко, как бьется ледяная корочка на луже поздней осенью, и Коготок вылетел в окно, расправил крылья и с клекотом понесся прочь.

В комнату ворвался запах дождя, влажной земли и мха, и Генри подошел к окну. Почему-то он был уверен, что жилище Странника тоже находится среди облаков, но нет: за небольшим оконным проемом, обрамленным остатками стекла, был склон холма, поросшего тоненькими деревьями в пышной зелени. Вокруг не было ни домов, ни животных, даже Коготок уже скрылся из виду. Сияло солнце, по небу плыли мягкие

расплывчатые облака – прекрасный весенний день. Вот только... Когда растешь в лесу, привыкаешь различать мельчайшие оттенки цвета, и сейчас Генри показалось, что сочная зелень и яркое небо были чуть бледнее, чем нужно, словно выцвели. Генри хотел отмахнуться и забыть, но тут Странник рядом с ним медленно выдохнул сквозь сжатые зубы.

– Началось. – Он повернулся к Генри, глядя на него, как на друга, с которым вместе попал в ужасный переплет. – Так вот почему я так плохо себя чувствую. Хью делает с королевством то же самое, что ты – с предметами, когда к ним прикасаешься. Они бледнеют, теряют цвет, потом осыпаются золой. Только ему, в отличие от тебя, даже не надо ничего трогать, – пробормотал Странник, неверяще глядя в окно. – Он тянет жизнь из всего вокруг, как губка – воду. Не так быстро, как прикосновение разрушителя, но...

– И что будет дальше? – тонким голосом спросил Пал.

– Уходит волшебство, потом уходит жизнь. Существа и волшебники начнут слабеть и умирать. Потом омертвеет земля, деревья, животные, реки. А последними умрут люди, потому что люди – самое сильное, что есть на свете.

– Какой смысл быть властелином пустоты? Зачем Хью это делает? – пролепетал Генри.

Странник невесело рассмеялся:

– О, ты еще не понял? Это не он. Сила, которую он схватил, победила его куда быстрее, чем я надеялся. Он слишком слаб, чтобы ее удерживать. У нее своя воля, прямо как у твоей. И жаждет она того же, что и твоя, того же, чего всегда хочет любая сила. Становиться больше, расти и забирать все вокруг.

– Но когда она была у Перси, он...

Странник поморщился, как от головной боли:

– Не сравнивай. Сила всегда никакая, это обладатель делает ее плохой или хорошей. У Перси прекрасное храброе сердце, он желал другим только добра, и сила в нем стала такой же, как он сам.

Генри повернулся к нему. Один вопрос не давал ему покоя так давно, что теперь сам сорвался с языка.

– Кто ты такой? Я имею в виду... Что ты такое? Откуда тебе все известно?

– Много будешь знать, скоро состаришься, – ответил Странник.

– Мы не успеем состариться, – дрожащим голосом перебил Пал. – Я верно понял, что никто не скроется, нигде, все выцветет и рассыплется, королевства не будет и останется только Хью?

– Не сам Хью, его личность умрет задолго до того, – без выражения ответил Странник. – Просто сгусток силы, которая будет высасывать жизнь из всего, что есть на свете. – Он прислонился головой к стене у окна. – А вокруг будет смерть и пустота.

Существа сгрудились у них за спиной, как испуганные дети, и Генри прокашлялся.

– Этого не случится, обещаю. Мы всех спасем. Я спасу. Говорите, где мне взять злое существо. Давай же, сосредоточься. – Он сжал плечо Странника и оттянул его от окна. – Не вешай нос.

Странник поднял брови, и угол его рта тронула улыбка:

– Мне такого никто еще не говорил.

Он так выделил это «мне», словно ничего не могло быть смешнее, чем утешать его, хотя Генри понятия не имел почему.

– Так. – Странник сжал переносицу и повернулся к скриплерам. – Займите ветки чем-нибудь: найдите, что тут не пострадало, и сделайте ему чаю и перекусить, он на ногах еле стоит.

Скриплеры бросились исполнять, наталкиваясь друг на друга.

– Нет таких проблем, от которых не поможет чашка чаю, – пробормотал Генри. – Спасибо.

Странник рассмеялся, легко и печально, и Генри внезапно подумал: как и Джетт с Эдвардом, он не такой уж веселый парень.

– А остальные – помогите мне. – Странник решительно пошел к одной из стен, туда, где висела огромная карта королевства. – Нам нужно очень злое и очень сильное существо. Идеи, друзья мои?

Существа уставились на карту, Генри – тоже. На других картах, которые он видел, были просто написаны слова, но здесь были еще и картинки. Он узнал Фарфоровую беседку, Башню загадок и засмотрелся на сад с золотыми деревьями под названием «Край изобилия». Интересно, листья у них правда из золота?

Скриплеры примчались откуда-то с дымящимся ведром воды, долго гроыхали заварочным чайником, а потом торжественно принесли Генри чашку и уцелевшие куски печенья, которые собрали с пола. Генри отхлебнул и подумал, что это лучший чай в его жизни. Чай – самое мирное, что есть на свете, а немного мира ему сейчас было нужно как никогда.

Тут Пал издал невнятный возглас, и его длинный палец уперся в одно из мест на карте. Генри присмотрелся, но ничего особенного там не увидел – лес и лес, зато лицо Странника просветлело.

– Ого, неплохо, деревяшечка. – Странник прищурился, будто всматривался во что-то на карте, и вдруг рассмеялся. – У, и кто тут у нас!

Поразительно, как тесен мир. Ну хорошо, Генри. Как насчет еще разок почувствовать себя белым рыцарем?

– Почему еще разок? – нахмурился Пал, но Странник только отмахнулся.

Тут Генри понял, что от его куртки, той самой, которую сшил ему Уилфред, остались одни лохмотья. Он стянул их и бережно сложил на стул.

– Можешь дать мне что-нибудь? – спросил он у Странника. – У тебя тут полно всякого барахла.

Скриплеры мгновенно зарылись в какие-то корзины. Один выудил яркую тряпку и помчался к Генри, смешно переваливаясь на корнях. Генри узнал его: тот самый маленький скриплер, который пришел за ним в дом над облаками, когда он оплакивал там гибель Тиса в день обретения Сердца.

– Спасибо, Элвин, – сказал Генри, забрал у него темно-красную куртку и натянул.

Пусть она и была ужасного для охоты цвета, зато теплая и уютная, и в этом было что-то утешительное.

– Откуда ты знаешь, как меня зовут? Никто из людей не знает наших имен, – спросил скриплер, тревожно шевеля ветками на голове.

Неважно, дружище, – мягко сказал Странник и обвел их всех взглядом. – Вы не созданы для трудных времен, а во сне хотя бы медленнее будете терять силы. Встретимся по ту сторону беды, друзья мои. И на всякий случай прощайте.

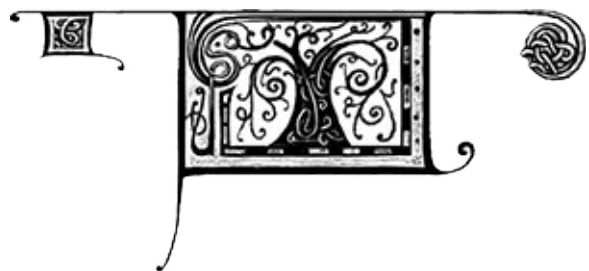
Он запустил руку в карман и вскинул ее вверх. В воздухе закружилась серебристая пыльца, и все существа, не успев даже ртов раскрыть, упали как подкошенные. Генри поставил пустую чашку на стол, и чуть слышное звяканье в тишине показалось ему оглушительным. Кошки, стражи, грибни и другие незнакомые существа – все лежали навзничь, похожие на разбросанные ребенком игрушки.

– Удачи, Генри. – Странник переступил через Элвина, который заснул, обнимая фарфоровый чайник с заваркой. – Если заберешь силу короля-зверобоя и не превратишься в безумную тварь, у нас появится надежда.

– Король-зверобой? Что за имя такое?

– Им он не родственник, – уточнил Странник, кивая на лежащих повсюду скриплеров.

И, прежде чем Генри успел спросить, что он имеет в виду, Странник схватил его за руку, и они исчезли.

Глава 5

Королевский зверобой

Генри надеялся получить разъяснения и напутствия по прибытии, но, когда в голове улегся звон от перемещения, он обнаружил, что стоит на коленях неизвестно где и совершенно один.

– Ну спасибо за поддержку, – пробормотал он и встал, стараясь не шататься.

Вокруг тянулся какой-то незнакомый лес – стволы поскрипывали, и звук был такой мощный и низкий, будто эти исполинские деревья стоят тут от начала времен и скрипят уже просто от старости, а не от ветра. Ничего опасного вокруг не было видно, и сначала Генри решил, что Странник ошибся с приземлением, но потом до него дошло: есть в этом месте что-то странное, неподходящее для леса.

Запах, вот что. Генри не сразу узнал его: смутно знакомый, успокаивающий и нежный, – а когда узнал, по спине поползли мурашки. Это был запах книг – старой бумаги, пыли, библиотечных шкафов. Предположить, что здесь, посреди ничего, так много книг, что он учуял их издалека, было просто безумием, и Генри растерянно пошел на запах. Отправляясь сюда, он собирался немедленно вступить в битву с каким-

нибудь чудовищем, а теперь не знал, что делать.

Чем дальше он шел, тем сильнее становился запах. Потом он начал меняться – теперь к нему примешивалось что-то сладкое, полузабытое. Генри стал мучительно рыться в памяти, и в конце концов до него дошло: так пахла одежда его матери, когда он был ребенком. Запах дома и безопасности. Генри вдруг почувствовал себя спокойным и счастливым, как будто в легкие ему вместе с воздухом вливалась сама жизнь.

Ноги вели его туда, где запах усиливался. Где-то на краю сознания трепыхалась мысль, что он пришел сюда кого-то побеждать, но это больше не казалось таким уж важным. Скоро запах стал холодным и свежим – как снег в горах Хейверхилла, – и Генри улыбнулся. Его поле зрения сузилось до гигантского дерева впереди. Оно единственное в этом голом лесу было усыпано пышными желтыми цветами. Генри пошел ближе, но тут прямо перед ним выросла морда какого-то животного, и от неожиданности Генри дернулся назад, оступился и упал.

От удара в голове слегка прояснилось, и Генри понял сразу две вещи: во-первых, воздух теперь пах еще и отцовской меховой курткой, а ничто на свете не может пахнуть столькими вещами одновременно. Во-вторых, прямо над его лицом нависла опасная на вид зубастая морда. Прежде чем Генри успел что-нибудь в связи с этим предпринять, чудовище щекотно ткнуло его носом в лицо и отпрянуло – обожглось. В голову Генри медленно, как сонная муха, всплыла мысль о том, что это не чудовище, а лошадь.

– Снежок, – заплетающимся голосом пробормотал он. Лошадь точно не была Снежком, но ему было все равно, слова посыпались из него сами собой. – Мы забыли Снежка. Фальшивый я и Эд приехали на них с Болдером в деревню Джетта. Мы ушли искать Предел, а лошади остались там. Их ведь не обидают? Я про них забыл. Эдвард расстроится, он любит Болдера, Болдер – друг.

Лошадь слушала его излияния с некоторой тревогой в глазах, а потом нерешительно поднесла морду к нему и с силой боднула. Мозг медленно и неохотно выдал Генри сведения о том, что Снежок был белый, Болдер – черный, а эта лошадь – рыжая, и где-то он ее уже видел. Лошадь всхрапнула, приподняв верхнюю губу, и он увидел ее верхнюю челюсть: желтоватые зубищи, кривые и слегка наползающие друг на друга.

«Кривозубая кобыла» – вот что говорила Мойра про лошадь, с которой разговаривал Йенс Кэмпбелл. Воспоминание о Мойре резануло, как ножом, и Генри вздрогнул и пришел в себя. Запах был просто одуряюще прекрасный, и Генри кое-как встал, стараясь дышать через рот. Смирная

лошадка, за которую он держался, была привязана к дереву, а неподалеку стояла старая телега, тоже смутно знакомая. Генри сонно предположил, что лошадь и телега попали сюда вместе. И еще одно воспоминание пришло к нему, похороненное под сотнями других событий, но все еще яркое: эта лошадь была запряжена в повозку Джетта, на которой тот приехал в Хейверхилл месяц назад. Телегу пришлось бросить на постоялом дворе, так что ж она тут теперь... Думай, думай. Лошади с телегами просто так не разгуливают, где-то рядом должны быть люди.

Воздух теперь пах печеньем, которым любил угощать Тис, и этот запах отвлекал от размышлений, сужал поле зрения. Генри выковырял немного пакли из щелей в телеге и засунул себе в ноздри, все так же дыша ртом. Запах все равно пробивался, но хотя бы не так оглушительно. Генри повел головой, и взгляд его снова уперся в цветущее дерево: раскидистое, похожее на дуб, только с острыми тонкими листочками. Он наконец заметил, что его ветки шевелятся, хотя никакого ветра нет. Потом он перевел взгляд ниже и пришел в себя окончательно.

Нижние ветки дерева неспешно подпихивали под корни что-то, что Генри принял за лохмотья ткани, а затем увидел среди них бледную руку. Человек. Нет, два человека: дерево было такое здоровенное, что их головы казались крохотными. «Почему они не сопротивляются?» – подумал Генри, а потом увидел, что цветущие ветки прижимаются прямо к лицам бедолаг. Очевидно, запах этих цветов вблизи вводил в полное оцепенение.

Наконец-то происходящее начало складываться хоть в какую-то картину. У дерева явно имелся разум: одни ветки тянули и подталкивали жертв к корням, другие подносили к их лицам свои ядовитые цветы, третьи тянулись к Генри, чтобы он тоже наглотался запаха. Так вот почему Странник сказал, что скриплерам оно не родственник: это дерево и есть чудовище. К счастью, в отличие от лютых тварей, оно хотя бы с места не может сдвинуться. Оно приманивает людей и животных запахом, а потом сжирает – наверное, потому его и называли зверобоем. Углубление среди корней напоминало раззявленный рот, и туда в данный момент направлялись два бесчувственных тела. Лошадь тоже жадно тянула нос в ту сторону – хорошо хоть, привязь ее останавливала.

Генри медленно выдохнул через нос, все еще держась за седло. Цель ясна, уже хорошо: убить дерево. Оно огромное и древнее, ствол и впятером не обхватить, и силы в нем наверняка полно, раз уж оно сотни лет поедало бедолаг, имевших неосторожность оказаться в этом лесу. Генри уперся ладонями в колени, пытаясь отвлечься от запаха, от желания дать дереву себя убаюкать. Нужно прикоснуться к коре – и дело с концом.

Луч солнца вырвался из-за облаков, просвечивая лес насквозь, и Генри прищурился, сосредотачиваясь. Яростный поединок он представлял себе как-то более героически, а не вот так: держаться за хилую кобылку, заткнув нос паклей и пытаясь не идти на запах печенья. Генри выдавил смешок и выпрямился. Нужно позвать огонь, сделать так, чтобы он наполнил его, как во время поединка с Коготком, – вот только в этот раз придется довести дело до конца.

«Нет, – сказал огонь. – На мою помощь не рассчитывай».

Генри растерянно моргнул. Если он с чем и не ждал трудностей, так это с готовностью огня кого-нибудь прикончить.

– Ты не хочешь забрать кучу сил у древнего существа? – пробормотал он. – Ты рехнулся?

Он зажмурился, изо всех сил стараясь разозлиться, но ничего не почувствовал. Ни крупницы гнева, ни искры огня.

– Эй, – пробормотал Генри, стараясь дышать пореже. Его покачивало от недостатка воздуха, а усыпанные цветами ветки тянулись все ближе. – Эй, ты тут?

«Нет, чаю отошел выпить, идиот. Конечно тут! Я всегда тут. И я тебе не охотничья шавка, чтобы бросаться по твоему приказу! Без меня ты никто, разве не ясно? Я твоя злость, твой гнев, я твое чутье, твоя скорость. Без меня ты вырос бы увальнем, сладеньким добрячком, неспособным зубы показать. Это мое тело, оно мое не меньше, чем твое, и я не буду унижаться, слушаясь твоих приказов. Ты силен, но не сильнее меня».

Генри закрыл глаза и прижался щекой к седлу. Говорить вслух сил уже не было, да это было и не обязательно.

«Может, потом обсудим? Эта дрянь сейчас меня убьет. Я тебе приказываю немедленно...»

«Пусть лучше убьет, – злорадно прошипел огонь. – Мужик в плаще прав: скоро всему и так конец, воздух аж потряхивает от холода и опасности, я в жизни такого не чувствовал. Пусть я не наемся перед смертью, но ты ничего от меня не получишь. Ничего. Твои приказы унижительны, а заставить меня ты все равно не сможешь».

Генри скрипнул зубами. Проклятущая тварь была права: заставить не получалось. Его даже лошадь не боялась и не отшатывалась. К счастью, его брат был самым дипломатичным, а лучший друг – самым болтливым человеком на свете, и Генри кое-чему у них научился: с кем угодно можно договориться.

«Я от тебя не избавился, когда был шанс. Барс предлагал, но я сказал, что ты – часть меня. И где благодарность?» – подумал Генри.

Никакого результата. Он попробовал еще:

«Ты ведь каждый раз побеждал хозяина тела, так? Все разрушители срывались, поддавались тебе и начинали убивать, и тогда убивали их самих: водой, волшебным мечом или еще как-нибудь. Ты тоже подышал и ждал, когда родится следующий. Напомни мне, в какой именно момент ты был счастлив?»

Прозвучало довольно глупо, но Генри внезапно подумал о том, что еще ни разу не приходило ему в голову: чего, собственно, огонь хочет? Убивать – да, но для чего?

«Понятия не имею, – прошипел огонь. – Ты серьезно думаешь, что заговоришь мне зубы, я размякну и прикончу ради тебя деревце? Мне не нужны твои подачки. Мне нужно все. Абсолютно все. Стать бесконечной силой. Непобедимой. Быть... – Огонь заколебался. Кажется, его о таком раньше не спрашивали. – Не знаю, отстань от меня! Я все равно ни разу не получил ничего похожего».

Руки Генри выпустили седло, и он упал. Из-под дерева доносились какие-то жуткие утробные звуки, но он вслушивался только в себя самого. Не сдавайся, вот чему учил его отец. Никогда, никогда не сдавайся.

«Это, наверное, было большое разочарование, – сонно подумал он. – Ты набирал силу, а потом умирал, так и не поняв, зачем это нужно. Что, если ты можешь что-то большее, чем жечь без всякого смысла? Я предлагаю сделку. Давай посмотрим, ну хоть один раз. Неужели тебе не любопытно? Что будет, если ты наберешься сил, но не захватишь контроль и не превратишь хозяина тела в бешеную тварь?»

Огонь молчал: рассматривал предложение. Ноги Генри коснулись ветка, а он даже не мог отбиться, тело было тяжелое, как мешок мокрого песка, глаза закрывались.

«Я не смогу удержаться, даже если захочу, – наконец ответил огонь. – Думаешь, просто убьешь тварь такого размера и пойдешь дальше? Убийство изменит нашу природу – и твою, и мою. Я стану гораздо больше тебя, заберу и тех, кто под деревом, и эту клячу, каждого зверя в этом лесу, а потом пойду в ближайшую деревню. Я весь – одно желание забирать. Такова моя природа».

«Мы сможем, мы вместе сможем, – упрямо подумал Генри. Над ним медленно проплывало блекло-синее небо и цветущие желтые ветки. – Хочешь, поспорим?»

Огонь вздохнул.

«Ты не боишься, – пробормотал он. – Все всегда так боятся меня, их аж корежит, когда я с ними заговариваю, но не ты. Ты в курсе, что ты

ненормальный? Видели бы тебя сейчас твои дружки».

Генри изо всех сил упирался пятками в землю, но его движения слабели, чудесные запахи сплетались в голове, и он не мог больше сопротивляться.

«Ты и я, – подумал он, закрывая глаза. – Пожалуйста».

Генри окатило восхитительным ощущением тепла и безопасности, а потом лошадь вдалеке всхрапнула и начала с бешеным ржанием рваться с привязи. Ветка, обвившая ногу, разжалась и уползла – кажется, почувствовала, что сейчас ей придет конец. Генри поднялся, вытащил паклю из носа и вдохнул полной грудью. Воздух пах сразу всем, но его это больше не отвлекало, – то, чего боится человек, огню не страшно. Дерево испуганно подалось назад всеми ветками, когда Генри бросил перчатки на землю и пошел к нему.

До дерева оставался всего десяток шагов, и тут оно, увы, сообразило, что сейчас будет. Любое существо хочет жить, а когда жизнь пытаются отнять, начинает бороться. Зверобой выпустил жертв и всеми ветками потянулся к Генри, оглушая запахом, который внезапно изменился, стал отвратительным, гниющим и мертвым. Генри этим было не остановить – он спокойным, быстрым движением перехватил ближайшую ветку, и та рассыпалась пеплом. Он надеялся, что огонь прокатится по всему дереву, как произошло когда-то с прилавками, но зверобой предметом не был, и на месте сгоревшей ветки тут же выросла новая. Значит, требовалось добраться до ствола и прикоснуться к нему.

К сожалению, тварь оказалась неглупой: она поняла, что опасность – в руках Генри, а по остальным частям тела можно бить, и в следующую секунду одна ветка отвлекла его ложным выпадом, а вторая с силой треснула по голове – он успел уклониться, и удар получился скользящим, смазанным. Другая ветка уже со свистом летела сверху, и Генри едва-едва отшатнулся. Ветки были огромные, и он не сомневался: меткий удар проломит ему череп, как орех, и никакая выносливость тут не поможет.

«Я не такой быстрый, как ты, – мельком подумал он, ускользая от очередного удара. Тот пришелся на землю, и она фонтаном взметнулась во все стороны. – Управляй. Тело – как повозка, поддержи пока вожжи, а я решу, как нам лучше к нему подобраться».

Генри и без этого обошелся бы, но ему хотелось показать доверие, отблагодарить огонь за то, что поверил в него, и тот, почувствовав это, разгорелся ярче.

«Если у тебя хватает времени на сравнения, дела не так плохи», – невозмутимо заметил огонь, и Генри почувствовал, как его сознание мягко

толкают в сторону.

Никогда в жизни он еще не двигался с такой скоростью, а может, и никто другой не двигался: быстро, точно, хватая ветки еще до того, как они успевали его коснуться, и подныривая под те, до которых не мог дотронуться. Ствол дерева вздувался и опадал – оно дышало, – и, как бы ветки ни защищали его, Генри продвигался ближе.

Огонь никогда не признался бы в этом, но работать вместе оказалось неожиданно приятно: он дрался и решал, как уклониться от сиюминутной опасности, а хозяин был сосредоточен только на цели. Огонь всегда дурел от прикосновения к чему-то живому, терял способность соображать, и пока он брал то, что ему нужно, пока он кормился, личность хозяина всегда барахталась где-то в глубине, заходясь истерическими криками. Как же хорошо не заталкивать ее глубже, а держаться за нее, держаться за того, чье спокойствие – как скала, того, кто пытается тебе помочь. Чувство было новым и таким восхитительным, что огонь завыл от острого, свирепого триумфа.

Дерево молотило по его телу всеми ветками, но время не имело значения, он мог растягивать время, как смолу, и движения этих желтеньких веток казались замедленными и безобидными: он прикасался к ним – и шел вперед. Запахи исчезли, дерево сообразило, что огню наплевать на них, и теперь не пахло вообще ничем. А вот ветки, к сожалению, отрастали снова и снова и били – не страшные, но раздражающие, как комары. До ствола по-прежнему оставалось несколько шагов, и тут хозяин подсказал хороший маневр. Огонь довольно зашипел. Он бы не додумался до такого, трудно о чем-то думать, когда загибаешься от голода, но мысль ему понравилась.

Он резко сменил направление и пошел не к дереву, нет, он помчался от него прочь. Все ветки потянулись вслед за ним, вытянулись в одну сторону, едва не перегибая дерево пополам, – и тогда огонь развернулся и бросился обратно к стволу. Путь был свободен – всего на секунду, пока дерево не сообразило, что происходит, но секунды более чем достаточно для того, кто очень зол и очень голоден.

«Ух ты», – мелькнуло в голове хозяина. А потом огонь прижал обе ладони к стволу – и почувствовал удар прямо в сердце, удар такой силы, что едва не закричал от счастья. Раньше он вытягивал силы из животных, из вещей, даже людей пару раз тронул, только не до смерти, но сейчас он забирал жизнь полностью, до последней искры, жизнь того, кто сотни лет забирал другие жизни и накопил так много сил. Король-зверобой выглядел как дерево, но огонь смотрел вовсе не глазами, он видел его настоящего –

скрюченного старика, нависшего над ним, могучего и черного. Старик сопротивлялся, он хотел жить, он просил и что-то обещал. И тогда огонь засмеялся. Он хохотал в голос, потому что ничто ему больше было не нужно, он уже все получил. Жизнь старика перетекала в его руки, перетекала в его сердце, он выжал ее до капли. Ветки еще несколько раз стукнули его по спине и повисли.

Огонь упал на землю, раскинув руки и продолжая смеяться, а потом заметил двух человек, лежащих рядом. Те, кого чуть не сожрало дерево, приходили в себя, жизнь возвращалась к ним, они кашляли и ругались, и огонь протянул к ним руку: сгустки света, золотые силуэты, неважно было, кто это, важно, сколько он сможет забрать у них. Один из людей поднял голову и закричал, увидев его глаза, и огонь подумал: «Вот ради таких моментов и стоит жить». Хозяин, запертый где-то в глубине их общего тела, протестующе забился, но огонь ведь его предупреждал. Как вообще можно удержаться, когда ты так силен? Огонь уже почти сжал руку на шее того, который сидел ближе, тот был парализован ужасом и даже не бежал – и тут откуда-то сверху на него камнем бросилось какое-то существо. Огонь растерялся, он не привык, что кто-то может быть быстрее его, но эта дрянь с небес успела распороть ему кожу на шее прежде, чем он сообразил, что происходит. Удар был точный и стремительный, великолепный удар. Огонь зарычал, собираясь броситься на врага, и вдруг с удивлением понял, что с телом что-то не так. Оно теряло кровь из пореза на шее, та липко текла под одежду, и тело перестало слушаться. Огонь попытался поймать врага – светлое пятно, плясавшее в воздухе, – но тот уклонился от руки, схватил за шкурки двух людей и потащил их прочь. Те мерзко, испуганно голосили, и огонь бросился следом, но упал. Тело не могло больше бежать, оно хрипело и умирало, глупое, слабое тело, подверженное смерти. Огонь свирепо заметался по земле, пытаясь сообразить, что делают люди, когда с их телами что-то не в порядке, но голову наполнял только голод и разочарование.

«Наша повозка, – прошептал изнутри еле слышный голос, голос хозяина, – разобьется».

И тогда огонь позвал хозяина, чтобы тот спас тело.

Генри почувствовал сразу кучу всего – ужасную боль, панику, жар, громкие голоса вокруг. Грудную клетку распирало, будто что-то хотело проломить ее изнутри, и он забился, пытаясь движением унять весь этот кошмар, напряг свой воспаленный, охваченный огнем мозг и попытался восстановить события, но любые мысли вытесняла чудовищная боль и

ощущение собственной крови, насквозь пропитавшей одежду. По венам катился огонь, руки чесались, и он всерьез удивился, как мог быть таким идиотом, что считал, будто сможет это вытерпеть. Вот теперь Генри ясно понял, что чувствовал Сивард, когда убил хозяина гостиницы. Весь мир сузился до размеров жажды кого-нибудь тронуть, он будто оглох и ослеп, чужие слова с трудом пробивались к нему.

– Пап, может, рану ему зажать? – робко спросил знакомый голос.

Генри замычал, вцепившись в землю и лихорадочно думая, что, если хоть кто-то двинется, он не удержится. Как ни странно, на руках уже были перчатки, хотя он не мог вспомнить, когда их надел.

– Да он нас чуть не прикончил! Что это за тварь? – завопил другой знакомый голос с такой силой, что Генри захотелось зажмуриться, но он даже не понимал, открыты его глаза или закрыты.

– Но до этого-то он нас спас.

– А потом что? Ты глаза его видел, балда? И дерево он прикончил, как разрушитель из сказок, – вон, одни головешки остались!

– Ох, Генри, похоже, они так и будут над тобой стоять, пока ты не помрешь, – невозмутимо сказал знакомый голос номер три. – Я тоже не знаю, что делать: разрушителей такой силы еще никто не спасал, эта стадия обычно последняя. Кошки спят, лечить некому. Ладно, сейчас, дай-ка я сгоняю кое за кем. Никуда не уходи.

Последнее замечание показалось Генри остроумным даже в таком состоянии, и желание рассмеяться слегка привело его в чувство. А потом он узнал голоса двоих, стоящих над ним, и желание смеяться стало сильнее. Странная штука жизнь – думаешь, что с кем-то уже и не увидишься, а вот, поглядите-ка.

Тут рядом появился кто-то новый, прохладные руки ощупали его разодранную шею и отдернулись.

– Почему он так горит? – растерянно спросил женский голос. – Ладно, неважно, для начала нужно зашить.

Послышалось шуршание и звон. Мокрая тряпка смочила его рану, вытерла кровь, и Генри только успел подумать, как это приятно, когда ему в шею воткнулась игла. Он подавил желание отшвырнуть того, кто рискнул его ткнуть, и заставил себя расслабиться. Отец всегда зашивал ему раны, если он их получал на охоте, надо стерпеть, потом станет лучше.

– Чудом артерию не задела, – зло сказала женщина, деловито втыкая в него иглу снова и снова. – Еще сантиметр, он бы на месте помер.

– Ну, Коготок у нас аккуратный парень, всю жизнь со стеклянными предметами работал, – вставил еще один голос, и до Генри медленно

дошло: Странник. – Острый глаз, ювелирная точность. Генри, кстати, открой-ка глаза, погляди, кто тут. Это доктор из одной дальней деревеньки: я ее перенес сюда, оторвав от дел, она вообще не знает, где и как оказалась, а спокойствия не теряет – не человек, а кремень. Посмотри.

Генри тяжело открыл глаза. Рука, которая держала его шею, прижимая края раны, и вторая, с иглой, были теперь в белых тканевых перчатках, измазанных его кровью, – так вот почему женщина больше не обжигается. Он поднял глаза выше, увидел ее лицо и медленно моргнул.

– Мама, – сонно замычал он.

– Бредит, – процедила женщина, с усилием продевая иглу сквозь кожу. – Тихо, мальчик, скоро закончу.

– Мама, – пробормотал Генри. – Куда ты пропала?

Женщина даже ухом не повела. Она закончила шить и протерла его шею чем-то влажным, остро пахнущим травой, потом туго приложила ткань и перевязала. Генри с трудом оторвал от нее взгляд и посмотрел на двоих, сидевших рядом: Йенс и Сван Кэмпбеллы, с головы до ног перемазанные золой. Странник маячил у них за спинами, задумчиво глядя Генри в лицо. Рядом с тем же выражением стояла рыжая кобыла, а на ветке над ней сидел Коготок.

– Очки потерял, – еле ворочая языком, пробормотал Генри, стараясь держать глаза открытыми.

– Они у него для близких расстояний, – утешил Странник. – А так он их на шею вешает, вон, на ремешке.

Генри сделал попытку кивнуть, но женщина надавила ему на лоб.

– С такой раной надо хотя бы пару дней лежать неподвижно. Надеюсь, за тобой присмотрят, – осуждающе сказала она и повернулась к Йенсу. – Вы его отец?

– Странник упаси, – замотал головой тот.

Странник фыркнул:

– При чем тут я? У него и без вас отцов хватает, господин пекарь.

Йенс как будто и не услышал, а женщина порылась в корзинке, стоящей рядом, и протянула Генри склянку с какой-то светло-зеленой жидкостью:

– Вот, выпей. Настой трав по рецепту предков, он взбодрит.

Генри послушно выпил, не отводя взгляда от ее бледного серьезного лица.

Серые глаза, серое платье, светлые волосы туго закручены в узел. Они не виделись десять лет, но он узнал бы ее где угодно.

Настойка была поразительно горькая, но и правда бодрила: на

мгновение свело судорогой все тело, а потом боль притупилась, да и конечности перестали дергаться и начали слушаться указаний головы. Генри кое-как сел. Женщина издала протестующий звук и попыталась уложить его обратно, но у нее не вышло: несмотря на слабость от раны, Генри каким-то удивительным образом продолжал чувствовать себя всемогущим. В его теле огонь теперь занял полноценное место, горел в каждой клетке, но Генри запретил себе об этом думать. Не сейчас. Сейчас был вопрос куда важнее.

– Как ты могла так поступить? Почему ты сбежала? Мам, я...

– Послушай, мальчик, я не твоя мать, – мягко сказала она, но Генри видел, видел, как дрогнули ее губы при слове «сбежала». – Ты ранен, ты бредишь, у тебя горячка.

Не так Генри представлял себе их встречу, но жизнь, как обычно, про его планы не спрашивала. Он наконец сообразил: Странник вышвырнул его из этой реальности, никто про него больше не помнит, а значит, и она тоже.

– Угу, вот такая грустная история, – кивнул Странник, и Генри злобно глянул на него, но от боли даже злость получилась какая-то слабая.

– У тебя есть дети? – спросил он, и ее губы сжались – сердитая, высокомерная гримаса, которую Генри отлично знал, потому что видел на лице Эдварда по пять раз в день.

– У меня больше нет семьи. Я вдова, – отрезала она, и Генри даже нашел в себе силы оттянуть в сторону угол губ в слабом подобии улыбки.

– Так ты вот это всем врала десять лет? – уточнил он.

Щеки у нее пошли красными пятнами, и это тоже было очень знакомо.

– Подожди-ка, – нахмурился Генри. Ему пришла в голову новая мысль. – В этой реальности у тебя не было потерянного ребенка, так с чего ты сбежала?

– Я никому не говорила, что сбежала. Никогда, – пробормотала она, глядя на него как на опасного, дикого и сумасшедшего типа. – Кто ты такой?

– Просто отвечай на вопрос, – вырвалось у него, пока он думал, что сказать, и Генри передернуло, когда он понял, что это были не его слова.

Огонь говорил его губами так легко, будто теперь имел на это полное право, и от злого, жестокого голоса женщина отшатнулась.

– Я хотела побыть одна, – выдавила она, и Генри увидел: она просто боится его, боится ему не ответить. – Меня выдали замуж, даже не спрашивая, а я всегда... Всегда хотела быть кем-то, доказать, что могу быть полезной, делать что-то важное. – Она осеклась. – Я не смогла забрать сына, потому что он...

«Наследник престола», – мысленно закончил Генри, но вслух ничего не сказал: если хочет, пусть хранит свои тайны.

– Муж всегда был занят только собой, – гневно выпалила она. – Ему плевать было, что мне нужно, он хотел, чтобы я просто стояла рядом, молчала и была красивой, хотел, чтобы все было просто, как в сказке: прелестный сынок, послушная жена и добрый коро... Добрый муж. Но я не такая. Я хотела понять, кто я. – Она упрямо выдвинула подбородок, и какой-то отголосок чувства пробился в ее холодные, злые слова. – Я была там ужасно несчастной и бесполезной. Мне надо было выбраться, иначе я бы... Мой сын растет в холе и тепле, а я все равно была так себе матерью, ему лучше без меня.

– Откуда тебе знать? – прошипел Генри. – Я думал, была какая-то волшебная причина. Особая причина. А ты просто сбежала, потому что хотела побыть одна? Быть свободной и счастливой? И тебе было наплевать, что ты всем нужна дома, и...

«Надеюсь, ты теперь навсегда останешься одна, вот будет счастье», – злобно высказался огонь, и Генри чуть язык себе не прикусил, чтобы эти слова не вырвались наружу: мама выглядела растерянной и перепуганной, и он замолчал.

Йенс и Сван молча слушали, приоткрыв рты. Королева натолкнулась взглядом на их недоуменные лица, сердито вытерла глаза и суетливо поднялась.

– Рану завтра надо будет промыть, сами справитесь. Рада была помочь, но мне пора возвращаться. Как я сюда попала? – пробормотала она, озираясь.

Взгляд ее вдруг упал на что-то, лежащее среди золы, и она, приоткрыв рот и словно забыв про Генри, подняла облепленный золой кусок ветки с желтыми цветами – ошметки уничтоженного дерева тут и там валялись среди пепла. Генри и остальных при виде этой ветки передернуло, а она посмотрела на нее как на сокровище.

– Это же... Это королевский зверобой! – восхищенно пробормотала она. – Можно взять?

– Зачем? – хрипло спросил Генри.

Его обидело, что ветка злобного растения вызвала у нее больше воодушевления, чем встреча с ним.

– Это легендарное целебное растение, я о нем только байки от стариков слышала. – Она принялась, и ее бледные губы тронула улыбка. – Для каждого пахнет по-своему, лечит людей от душевных болезней, улучшает настроение. Хочу вырастить свой.

– Женщина, ты всерьез хочешь разводить этих чудовищ? – прогремел Йенс. – Оно нас чуть не прикончило, и тебя тоже сожрет!

Королева обвела взглядом пепелище, и, кажется, до нее впервые дошло, что перед ее появлением тут произошло что-то с участием огня, пепла и ее драгоценного дерева.

– То, что он такой вымахал, необычно, – пробормотала она, разглядывая черную воронку, оставшуюся на месте корней. – Судя по книгам, обычно это небольшой кустарник. Посажу его в горшок.

– Только не поливай слишком сильно, – огрызнулся Генри и запоздало понял, что не знает, его это слова или огня.

– Я не знаю, что меня сюда перенесло, – твердо сказала королева, не глядя на Генри, – но пора бы тому же волшебству перенести меня обратно, у меня много дел.

– А раньше была такая слабенькая. Но смотри-ка, и правда нашла себя, – сказал Странник, подходя к ней. – Для справки, Генри: обычно бывает наоборот, но в вашей семье нежные сердца – наследство от папы, а стальной характер, упрямство и лихо сдвинутые набекрень мозги – все мамино.

– Пожелай мне удачи, – выпалил Генри, когда Страннику оставалась до нее пара шагов.

Королева, разглядывавшая желтые цветы на ветке, подняла голову, и лицо у нее немного смягчилось, будто она сказала себе, что с больными надо быть ласковой.

– Удачи, молодой человек, – медленно проговорила она. – Меняй повязку, много отдыхай и никаких резких движений.

– Обязательно, – пробормотал Генри.

А потом Странник взял ее за руку, и они исчезли.

– Ну и нам пора, – засуетился Йенс и начал впрягать лошадь в телегу. – Сван, залезай быстрее.

Сван побрел к нему, продолжая тревожно оглядываться. Последние минут пять он вертел головой, вглядываясь в солнце, небо и лес вокруг, а тут ему на пути попала еще одна ветка зверобоя, и он поднял ее.

– Все краски поблекли, – пробормотал он. – Когда мы только подъезжали к дереву, я хотел написать о нем стихи: «Цветы его желты, как яркий желток». А теперь они какие-то бледные. И небо не такое синее, как было.

– Идиот, – прошипел Йенс и влез на повозку. – Что ж за каша у тебя в голове! Просто сумерки сегодня какие-то ранние.

– Где ты нашел отца? – спросил Генри у Свана. – Он же пропал с

постоялого двора, так? Я думал, Хью его похитил и держит где-то.

Йенс побледнел.

– Мы не имеем отношения к этому злодею и его злодействам, – промямлил он. – Сван, быстро в телегу, нам пора.

Но Сван не послушался. Он стоял, сжимая и разжимая кулаки, и губы у него подрагивали.

– Я на постоялом дворе встретил девушку, такую... такую чудесную, – забормотал он, глядя на Генри, и тот понимал, что Сван не узнает его, конечно, нет, просто ему очень нужно поделиться с кем-то своей бедой. – Я даже не думал, что могу кому-то понравиться, а она... А потом Хью появился и убил ее, он всех там убил и пропал, оставил меня с ними, ненавижу его! Я всех похоронил, я не знал, что еще делать, и я просто нашел лопату и выкопал для всех могилы и зарыл их туда. – Сван разревелся. Йенс, пытаясь, тянул его в телегу, но Сван не двигался с места. – И пошел, куда глаза глядят, стихи из меня прямо сами лились, очень печальные, и тут я услышал из леса крики: «Помогите, помогите!»

– Ну и страху я натерпелся, – мрачно сообщил Йенс, смирившись с тем, что его сын слишком велик, чтобы насильно сдвинуть его с места. – Мой непутевый сынок – не этот, второй, – перенес меня прямо по воздуху и бросил в непроходимой чаще!

Генри сдержался, не стал говорить, что это не чаща, если твои крики могут услышать с дороги.

– Ты нашел и спас отца, так? – мягко спросил он Свана, чтобы побыстрее восстановить события. – Вы вернулись на постоялый двор, взяли телегу и поехали дальше, но как вы тут оказались?

– Да мы от Хейверхилла всего в дне пути к югу, – прогудел Сван и высморкался в скомканный, уже явно не раз использованный платок. – А лошадка так бежала, что мы еще быстрее доехали, папу теперь кони слушаются, дар у него такой.

– Остановились отдохнуть в одной деревне, а у них там паника: когда Сердце вернулось, люди в лесу начали пропадать, – вставил Йенс, решив взять рассказ в свои руки. Впрочем, к Генри он близко не подходил, старался встать так, чтобы между ними была телега. – Там, наверное, какая-то злая тварь ожила после трехсотлетнего сна, а у нас как раз денег не было. Когда мы с постоялого двора сбегали, я ни одной монетки не тронул, хотя прямо сердце кровью обливалось их там оставлять! Но раз там всех убили, деньги их теперь прокляты, такое мое мнение. Короче, в той деревне нас просили с чудовищем разделаться – из местных никто не решался, – и я смекнул, что сынок мой в подвигах поднаторел, раз из

похода за Сердцем целый вернулся, а значит, мы так заработать можем. Нам половину денег вперед выдали, а про вторую сказали: дадим, если победите существо. В общем, нам пора.

– Лучше ты к ним иди, деревня вон там, – простодушно сказал Сван, глядя на Генри. – Обещали двадцать серебряных монет и мешок картошки.

– Зачем ты ему рассказал, идиот? – простонал Йенс.

Ну, это же он победил, – ответил Сван и потер кулаками глаза. – Мы другое существо найдем, с этим как-то неудачно вышло. А потом я натренируюсь и одолею Хью. Никогда ему не прощу, что он убил ту девушку.

– Да ты и знал-то ее от силы час! – насупился Йенс. – Но ты прав: если победишь Хью, нас наверняка хорошенько наградят. Скажи спасибо, что я за тобой присматриваю да направляю, а то пропал бы уже.

– Хью ведь тоже ваш сын, – растерялся Генри, ощупывая неприятно нагревшуюся повязку на шее.

– Неудачный вышел, – махнул рукой Йенс. – И второй-то неизвестно что, но от Хью я уж точно никогда ничего хорошего не ждал. Теперь каждый за себя, времена такие.

– Мы искупим вину, и нам разрешат вернуться домой. Нас за что-то выгнали из Хейверхилла, вот только никак не могу вспомнить за что. – Сван прищурился на солнце. – А тебе не кажется, что оно какое-то бледное?

Генри молча глядел на Свана, и сердце у него противно сжималось. Эд был прав: жестоко было даже подумать, чтобы использовать его для победы над Хью. Только теперь, глядя на смешного, вострапанного и грустного Свана, он понимал, каким ужасным был его изначальный план.

– Сван, слушай, – сказал он наконец. – Тебе не нужно побеждать Хью. Он твой брат, уж какой есть. Ты не должен. Я все сделаю, обещаю. А тебе надо укрыться где-нибудь в безопасном месте.

На полудетском лице Свана внезапно проступило острое, внимательное выражение.

– Я тебя знаю? – протянул он. – Мы ведь встречались раньше, да?

Генри покачал головой. Самое безопасное место сейчас там, где больше никто не помнит о нем, там, где Джетт зарабатывает историями, а Эдвард обсуждает балы с друзьями. Генри побрел к воронке, оставшейся от дерева, и подобрал несколько уцелевших веток с желтыми цветами. С каждой минутой отрезвляющее действие боли таяло. Огонь возвращался. Нужно было успеть.

– Возьмите это и езжайте в столицу. Прикажи лошади гнать со всей

силы. Это ясно? – Генри в упор посмотрел на Йенса, и тот с опаской кивнул.

– Только я не знаю, где столица, – сказал он, пока Сван, жмурясь от удовольствия, нюхал цветы, которые вручил ему Генри.

Генри закрыл глаза и вспомнил точку на карте, которую показывал Пал. Где север, легко определить по деревьям и положению солнца, значит, Хейверхилл вон там, а столица...

– Вон там. – Генри ткнул на юго-восток. – Это недалеко, за полдня доберетесь, если будете гнать. Сван, найди Джетта и отдай ему эти цветы. Скажи, что можно хорошо заработать, если их продать, а в обмен попроси за тобой присмотреть. Если что-то произойдет, вы там хотя бы будете вместе. А, да! Йенс, отдайте Джетту телегу. Он переживал за свою лошадь.

– Она по нему тоже скучает, хотя было бы по кому, – проворчал Йенс.

Он пошептал лошади, та кивнула – хотя, может, просто дернула головой в подходящий момент, – и Сван, постоянно оглядываясь на Генри, сел в повозку. Тот согнулся и уперся ладонями в колени. Огонь был недоволен, что их покидают такие вкусные кусочки, и Генри изо всех сил пытался не дать тому, что скреблось внутри, вырваться наружу.

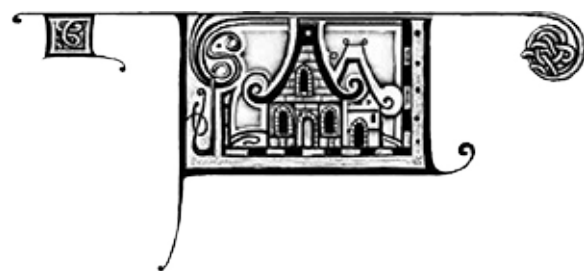
– Я написал песню о походе за Сердцем. Можно, я хоть тебе спою? – застенчиво спросил Сван.

Йенс недовольно застонал, но Генри кивнул, и Сван запел. Лошадь уже тянула телегу прочь, но Генри стоял и слушал, пока телега не скрылась за деревьями, все быстрее катясь по пригорку.

*– Пускай сквозь тьму твой путь лежит,
Ты шагу не сбавляй,
Иначе ужас победит,
И дом родной – прощай.
Но все пройдет, отступит враг
И нас любовь спасет,
Бесследно растворится мрак,
А солнце вновь взойдет!*

Последние слова Генри едва расслышал, но все равно улыбнулся.

– В точку, Сван, – негромко сказал он. – Ты молодец.

Глава 6

Озеро бурь

Генри измученно прислонился к дереву, глядя, как налетевший откуда-то ветерок гоняет по земле пепел и желтые цветы зверобоя. От любого движения по телу прокатывались волны жара, мышцы сводило. Генри чувствовал каждого зверя в лесу, каждую птицу в небе, каждую искру жизни на километры вокруг.

– Мы идем за Хью, – процедил он сквозь зубы. – Сдержись, иначе оба ничего не получим. Ты создан не для того, чтоб носиться по лесу за кроликами. Ты заберешь силу величайшего существа на земле. Но для этого тебе нужна моя трезвая голова.

Огонь разочарованно заворчал, но послушно притих. Генри чувствовал, какое усилие делает над собой огонь, чтобы уступить ему больше места, но дышать и правда стало чуть легче.

– Спасибо, – выдохнул он. – И спасибо, что прикончил зверобоя.

– Какая трогательная сцена, – произнес Странник. Генри наклонился вперед и увидел, что он прислонился к тому же дереву с другой стороны. Даже сейчас, со своим обострившимся чутьем на все живое, Странника Генри не чувствовал – вместо него была абсолютная пустота.

– Хочешь водички? – участливо спросил Странник.

Генри замотал головой. При слове «вода» у него чуть судорога не началась. Нет уж, никакой воды, он близко к ней не подойдет, никогда, ни за что, он не будет мыться, пусть грязь сама отпадает, он...

– А вот зря отказываешься, – насмешливо сказал Странник, протягивая к нему руку. – Очень освежает.

В следующую секунду Генри показалось, что его убивают, потому что вода обрушилась на него со всех сторон.

– Чем сильнее огонь внутри разрушителя, тем сильнее боль, которую ему причиняет вода, – жизнерадостно сообщил Странник, перекрикивая шум волн и рев ветра. – Да уж, вижу. Ну прости, я не говорил, что будет легко.

Огонь внутри орал так, будто его убивают. До Генри сквозь ошеломительную боль дошло, что они стоят – точнее, Странник стоит, а он сам уже вроде бы лежит – на крохотном каменном островке, который со всех сторон захлестывает вода. Она была со всех сторон, и по ней медленно ползли огромные складки, подгоняемые ветром. Когда вот такой водный горб наталкивался на островок, глыба воды ломалась и падала, осыпаясь на камни миллионами тяжелых брызг. «Волны», – слабо подумал Генри, вспомнив картинку из какой-то детской книжки. Это ничем не помогло: от самоуверенности огня ни следа не осталось, он вопил внутри, как животное, которому отгрызают лапу.

– Это Озеро бурь, местечко далеко на востоке королевства, – сообщил Странник откуда-то сверху. – История его такова...

Дальше Генри прослушал какую-то часть, потому что вода захлестнула его снова, обжигая так, будто кожа сейчас сползет вслед за ней. Когда он в следующий раз смог сосредоточиться, Странник вещал:

– И вот перед смертью мастер воды решил спрятать все, что накопил за жизнь. Не хотел, чтобы сокровища достались родственникам, хотя не знаю, зачем волноваться о таких мелочах, отправляясь на ту сторону. В общем, повторяю: в мире мастеров не все были чудесными людьми, жадных, самоуверенных гениев тоже хватало.

Генри захотелось пожелать Страннику подавиться своей историей, но он не мог даже звука из себя выдавить. Очередная волна перехлестнула через камни, Генри услышал шорох, с которым она взметнулась в воздух, а потом вода обрушилась ему на спину, и он закричал. Все неприятные ощущения, которые вызывал у него дождь, когда огонь был силен, казались просто щекоткой по сравнению с тем, что он чувствовал сейчас. У Генри

мелькнула мысль, что тут-то он и помрет, но, конечно, это было бы слишком милосердно, чтобы в такое поверить. Кажется, надо было встать. Надо было еще раз встать и справиться со всем этим.

– Он к старости стал настоящим мастером своего дела – мог приказывать воде что угодно, – продолжал Странник как ни в чем не бывало, отплевываясь от воды в перерывах между фразами. – Обычно во время такой бури над водой висят тучи, но, как видишь, не здесь. Заметил, какое странное тут освещение?

– Мне как раз нечем больше было заняться, – сказал Генри.

Точнее, он хотел сказать, но на деле получился бессвязный хрип, который потонул в грохоте очередной волны, обрушившейся на него.

– Думал он, думал, куда денежки припрятать, и придумал собственными руками создать волшебное место. Выбрал низину около своего города, сложил все сокровища на дно и заставил воду подняться из-под земли – так велика была его сила. Получилось огромное озеро, но слишком уж мирное. Тогда в своем желании спасти добро от наследников он закрутил водовороты на дне и велел им крутиться вечно, так что над озером теперь всегда ветер и буря. Его так и называют: Озеро бурь. Шторм тут никогда не стихает, местные жители сюда не ходят.

В голосе Странника звучал энтузиазм человека, переживающего безопасное и приятное приключение, о котором он расскажет домашним за вечерним чаем. Генри так отвлекся на этот тон, что вскоре с удивлением понял: в жизни ко всему можно привыкнуть. Первый удар боли ужасен, но скоро новизна приедается, даже если это новизна ужаса, и вскоре можно как-то терпеть.

– Хочешь, чтобы я тебя отсюда забрал? – спросил Странник.

Генри кивнул, и Странник сел на камень, устроился удобнее и прикрыл глаза. Он был мокрый насквозь, темные волосы налипли на лоб.

– Нет, прости. Будем сидеть, пока ты не найдешь способ нас отсюда вытащить.

Пару секунд Генри еще надеялся, что это шутка. Кажется, взгляд, который он бросил на Странника, был достаточно красноречивым: тот кивнул и пояснил уже без дурацкой веселенькой интонации:

– Думаю, новообретенных мозгов Хью вполне хватило, чтобы выяснить, как тебя можно угробить: просто запереть где-нибудь и поливать, как рассаду. Мы же не хотим, чтобы твоя миссия накрылась медным тазом из-за того, что ты боишься воды?

Звук, который Генри издал в ответ, уже вполне можно было опознать как смешок. Это был большой шаг вперед. Генри кое-как оторвал голову от

земли и сел, обхватив колени.

Небо над головой и правда оказалось голубое, ни облачка, хотя ветер был такой силы, что подбрасывал пласты воды легко, как осенние листья. Кто-то, менее озабоченный тем, чтобы не сдохнуть от очередной порции воды, наверняка сказал бы, что тут очень красиво: камни, на которых они со Странником сидели, блестели на солнце, как драгоценности, а во все стороны до горизонта тянулась синяя, изломанная ветром вода с белыми шапками пены. Генри переждал очередной удар волны и спросил:

– Почему мастер оставил остров посреди воды?

Точнее, так выглядела бы его фраза, если бы кому-то вздумалось ее записать; в реальности он пересыпал ее грубыми словечками, которые почерпнул во время похода с Эдвардом в Разноцветные скалы. Как ни странно, полегчало. Генри выругался еще разок и, воодушевленный, даже смог подняться на ноги и не упасть, когда волна окатила его с головой. Странник вдруг мягко, приязненно рассмеялся.

– Старшие братья всегда учат младших плохому, – доверительно сообщил он. – И хорошему тоже. Кстати, способностью ругаться как сапожник, избивая при этом неодушевленные предметы, принц в нынешней реальности не обладает, и даже не знаю, к лучшему ли это. А насчет того, зачем тут остров... Этот утес и раньше здесь был, мастер воды стоял на нем, когда создавал свое волшебное озеро. Но самолюбие вечно затмевает людям рассудок, и он не продумал, как сам будет выбираться. И вот, стоит он тут, вокруг вода и буря, и первая же волна сносит старичка в озеро, где он тонет. Мораль? Нечего быть таким жадным.

Генри хмыкнул и, кряхтя от боли, переждал пару следующих волн: островок был такой маленький, что вода каждый раз накрывала его едва ли не полностью. Теперь Генри хоть немного различал у себя в голове какие-то мысли посреди алого цвета и однообразного вопля боли и внезапно кое-что понял. Ему всегда казалось, что боль от воды – это какая-то изощренная месть огня хозяину за непослушание, но огонь, кажется, сам страдал не меньше его. Генри обхватил голову обеими руками.

– Ты так орешь, я сосредоточиться не могу. Можешь это прекратить? Заснуть как-нибудь? – пробормотал он.

Странник, к счастью, отвечать не стал: понял, что вопрос обращен не к нему.

«Ну конечно, могу, умник, потому и погибаюсь тут! Думаешь, ты у нас такой мученик? Думаешь, ты знаешь, что такое боль, от которой не скрыться, идиот? Я глаза бы тебе вырвал, если б мог», – прошипел огонь, но Генри счел то, что они хоть как-то общаются, добрым признаком. Он

пошатнулся и схватился за камни, когда волна чуть не сбила его с ног, но разговор не прервал.

«Я даже не знал, что тебе тоже может быть плохо, не только мне, – подумал он, сообразив, что не обязательно открывать рот, чтобы пообщаться с голосом в своей голове. – Ты там, ну, дыши глубже, если в принципе дышишь – не знаю, как ты устроен».

«Такого крестина мне еще ни разу не доставалось», – прошипел огонь, но как-то вполсилы – так, бледное подобие его обычной ярости. Как ни странно, на следующем вдохе боль чуть разжала хватку, и Генри внезапно подумал: кажется, не только людей нужно успокаивать, когда им страшно.

«Все, тихо, тихо, – мысленно повторял он, и повторял, и повторял, пока слова не обрели вес, пока они действительно не начали звучать успокаивающе. – Потерпи, ладно? Сейчас пораскину мозгами и найду способ нас с тобой отсюда вытащить».

«Стыдоба, – резко и зло произнес огонь, и Генри нахмурился, пытаясь понять, о чем он, но тот продолжил сам: – Ты же не притворяешься, ты и правда готов изливать свою бесконечную любовь даже на меня. В школе для хороших мальчиков тебя бы определенно погладили по головке, но со мной эти штучки не пройдут».

Генри задышал спокойнее, осторожно потирая рукой грудь. Невыносимое жжение начало отступать, и голос огня уже не был похож на дикий вой животного, которое заживо дерут когтями.

«Хотя нет, если честно, пройдут, – задумчиво пробормотал огонь. – Надо же, ты и правда ухитрился меня растрогать, сопляк. Вот так и подкрадывается старость».

Генри хмыкнул и медленно открыл глаза. Ему казалось, что с тех пор, как он их закрыл, прошла целая вечность, что он уже давно в каком-то другом месте, где не происходит ничего, кроме молчаливых бесед в его голове. Но, как ни странно, он по-прежнему стоял посреди каменного островка, согнувшись и прижав руку к груди. Каждая новая волна окатывала его с головой, но кожа от прикосновения воды больше не горела. Не такой уж и ужасный день, с внезапной ясностью понял Генри. Да, он на каком-то затерянном острове, вокруг – сплошная вода до горизонта, но ничего непоправимого не происходит, сейчас он со всем разберется. Он выпрямился и обнаружил, что мокрый до нитки Странник по-прежнему сидит на камне, но теперь в руке у него размокший от воды предмет, в котором еще можно опознать откусанный бутерброд с сыром и ветками зелени.

– Сгонял за бутербродом, пока ты искал сердце бури. – Странник

закинул в себя последний кусок и с набитым ртом продолжил: – Вода его чуть подпортила, но что может быть лучше, чем есть и одновременно любоваться отличным видом?

Генри не ответил. Он подставил сложенные ладони под крупные брызги разбившейся о камни воды и теперь смотрел, как она утекает между пальцев.

– Страх всегда живет внутри, а не снаружи, – пожал плечами Странник. – Ну что, мне сбегать за чаем или ты уже готов нас отсюда доставать?

Генри почувствовал, как улыбка проступает у него на лице, будто свет сквозь дымку в туманный день.

– О да, – пробормотал он, озираясь. То, что он собирался сделать, казалось настолько невозможным, что кончики пальцев покалывало от предвкушения. – Я готов. А ты?

Странник усмехнулся и не ответил – понял, что вопрос предназначался не ему.

«Мне нравится ход твоих мыслей, – сказал огонь. – Половину моих разрушителей прикончили водой. Могу я ей хоть разок отомстить?»

Генри снял перчатки и опустил на колени у края камней. Соловатая волна рассыпалась, окатив его брызгами, и Генри, воспользовавшись секундой затишья после ее ухода, положил обе ладони на поверхность озера. Он зашипел, когда руки обожгло, как раскаленным железом, и усилием заставил себя не отдернуться назад. В теории план казался простым, но вода была могучей силой, такой же древней, как огонь, и не собиралась уступать. В голове стало жарко и пусто, и, чтобы заставить себя не думать о боли, Генри кое-как нащупал мысли о семье. Впрочем, от них стало только хуже: что, если он вообще не сможет больше вернуться домой?

И тогда Генри подумал не об Эдварде, не о своих отцах и матери. Он подумал о других: об убитой Мойре и ее неуклюжем рыцаре Сване, о грубом Йенсе и печальном Коготке, о хозяине гостиницы из Приречья, которого угораздило встать в плохом настроении в неподходящий день.

«За всех проглоченных и неважных, – медленно, заторможенно подумал Генри, погружая руки глубже. – За всех второстепенных и посчитанных сотнями».

Он сжал кулаки, и в следующее мгновение по озеру от его рук раскатилось алое сияние – как кромка сгорающей бумаги, которая тут же превращается в пепел. Огонь пробежал до самых берегов, превращая воду в клубы пара, так что минуту спустя Генри перестал видеть в густом тумане

хоть что-либо дальше собственного носа. Он поднялся и натянул перчатки. Сердце у него оглушительно колотилось. Никакого озера больше не было.

Туман, подсвеченный солнцем, казался золотисто-розовым. И Генри вдруг понял, что золотые искры, сияющие сквозь дымку, – это не солнечные блики. На бывшем дне озера тут и там поблескивали металлические предметы. Генри соскочил с камней и пошел вперед. Земля, столько лет находившаяся под водой, должна была оказаться скользкой и тинистой, но огонь, кажется, вытянул влагу даже из земли – та была совершенно сухой.

Генри подобрал со дна золотую чашу, украшенную крупными прозрачными кристаллами, и бросил ее обратно.

– Прекрасные старинные вещи, – сказал Странник, придирчиво оглядывая землю, и начал складывать какие-то блестящие штуки в карманы, но даже они сегодня сияли как-то тускло. – Посмотрим, что за барахло тут валяется. Мне плевать на все это, но будет подарок скриплерам, если все хорошо закончится. В чайных домах их часто благодарили красивыми предметами, а они потом передавали их кому-нибудь. Но после потери Сердца у скриплеров тоже с головой стало так себе, начали копить. Видел бы ты, как они радуются, когда им достается хорошая вещь! Сначала неделю устраивают собрания, решая, кому из нуждающихся ее подкинуть, а потом еще неделю обсуждают, как все прошло. Забавные создания. – Карманы плаща заполнились доверху, и он начал складывать сокровища в карманы штанов. – Не скажу им, где это взял, а то явятся и все подчистят. Пора их отучать от привычки тащить все, что плохо лежит.

Он выпрямился, и Генри подошел ближе. Странник, как обычно, много болтал, но Генри видел и напряженные складки у него на лбу, и побледневшие губы. Волшебники состоят из чистого волшебства, а значит, если не остановить Хью, они...

– Если у меня ничего не получится, это все умрет, верно? – спросил Генри. – И ты тоже.

– Вот уж не думал, что до этого дойдет, – усмехнулся Странник.

Но Генри смотрел ему в глаза, а не на улыбку, и видел там ответ. Генри глубоко вдохнул. Он чувствовал себя отлично – собранным и безмятежным. И пока не растерял это чувство, пока не передумал и не испугался, сказал:

– Перенеси меня к Хейверхиллу. Я уверен, Хью где-то там.

– С чего ты взял?

– Дома всегда чувствуешь себя в безопасности, – пожал плечами Генри, стараясь не думать о том, что просто знает ответ, хоть и не может

объяснить откуда. – Мне кажется, Хью сейчас это нужно. Только не перебрасывай меня слишком близко. На месте Хью я бы придумал какую-нибудь ловушку для волшебников, чтобы они не могли приблизиться и треснуть меня по башке из пустоты.

Странник кивнул, положил ладонь ему на плечо, и в следующую секунду воздух стал холоднее, туман исчез, и они оказались на каменистом обрыве, с которого открывался вид на далекое озеро. Вокруг тянулся лес, и Генри сразу узнал это место: здесь он когда-то нашел склянку вызова Тиса, которую подбросил ему Барс, – целую вечность назад. Весна только добралась сюда, деревья были словно в редкой дымке, еще даже не зеленой, – желтовато-бурой, полупрозрачной, обещающей новую жизнь.

– Вроде все тихо, – пробормотал Странник, вглядываясь в пустоту. – Ну, вперед. Я не любитель пеших походов, но...

– Отсюда я пойду один, – сказал Генри, и Странник удивленно приподнял брови. – Ты был прав: то, что я собираюсь сделать, надо делать самому. А еще я думаю, что, чем ближе ты будешь подходить к Хью, тем быстрее будешь терять силы. Я справлюсь, не волнуйся. У меня есть я сам. И он. – Генри приложил руку к груди.

Странник потрепал его по плечу.

– В сказках наставники обычно умирают, когда больше всего нужны, – негромко сказал он. – А в жизни мальчики вырастают, и наставник-волшебник просто становится ненужным. Дальше они идут сами. Но знай: если понадобится, я всегда с тобой, стоит только позвать.

Он вдруг запустил руку в карман, вытащил оттуда цепочку, на которой висело что-то плоское, круглое и золотое. Странник надел цепочку Генри на шею:

– Старинный медальон – нашел среди подводных сокровищ.

– И что он делает?

– Красиво блестит. И нет, прости, он никак не поможет одолеть Хью. Просто должен же волшебник хоть что-нибудь подарить герою на прощание.

Генри повертел в руках резной медальон. Тот не открывался – от воды его наверняка заело еще лет пятьсот назад. Генри спрятал его под одежду и вдруг кое-что вспомнил.

– Что такое сердце бури? – спросил он. – Ты сказал, что я его искал. Там, на острове.

– О, это старинная поговорка: «Покой лежит в сердце бури», – охотно пояснил Странник. – Ты знал, что, когда начинается ураган, самая спокойная точка – в его середине? Ваши предки говорили так, когда хотели

показать, что в самом ужасном, самом невыносимом положении можно найти такое спокойствие, которого ты никогда бы не узнал без неприятностей. Абсолютная тишина, когда тебе нечего больше терять, ты не обладаешь ничем, кроме самого себя, той искры, которая делает тебя тобой, и ты находишь ее и держишь. – Странник сжал пальцы в горсть, внезапно посерьезнев. – Держишь очень крепко. И становишься свободным от страха. Ты ведь это почувствовал там, на острове? Вот это и есть сердце бури. Нет такого положения, в котором его нельзя найти. Нет такого человека, который не мог бы его найти. Запомнишь?

– Спасибо, – от всей души сказал Генри. – Ты отличный наставник.

Странник кивнул так, будто это само собой разумеется.

– Удачи. Хью даже не представляет, кто за ним идет. И я мечтал, как однажды скажу это, а то хорошая шутка пропадает: задай ему жару.

Его смех звенел в воздухе еще несколько секунд после того, как он исчез.

Месяц назад, когда Генри пробирался через этот лес впервые, путь казался ему бесконечно долгим, но теперь и двух часов не прошло, а он уже добрался до границы их с отцом владений. Все это время он боролся с желанием догнать какую-нибудь лесную живность и поджарить на углях мясо, раз уж ему сегодня не досталось никакой еды, кроме печенья скриплеров. Зверей даже искать не пришлось бы, Генри мог указать, где находится каждый из них на километры вокруг, но, во-первых, разводить костер под носом у врага – так себе идея, а во-вторых, на это уже не было времени. Небо, первая трава, синий, зеленый – все оттенки казались слишком приглушенными для погожего весеннего дня. Нужно торопиться, пока Хью не угробил королевство.

Генри остановился. Вот и граница: темная быстрая речка, за которую отец в детстве запрещал ему заходить. На другой стороне начинался знакомый наизусть участок леса – Генри не понимал, как сильно скучал по нему, пока не увидел снова. Снег вокруг вечнозеленых сосен уже стоял, а если запрокинуть голову, на концах веток можно было разглядеть бледные новенькие иголки. Как же хорошо вернуться домой, даже если дом – это лес. Генри перешел реку босиком, закатав штаны и держа сапоги в руке. До Хейверхилла отсюда всего полчаса, Хью наверняка в своем доме, а может, возвел себе огромный дворец, чтобы позлить односельчан. Генри выбрался из воды, радуясь, что промок только по колено, – и тут произошло что-то непонятное.

От того места, где его босая нога коснулась берега, по земле начал

расползаться лед. Генри так испугался, что дернулся назад и едва не упал в реку, но было уже поздно: ледяная корка ползла во все стороны, повсюду вырастали сугробы, ветки сосен покрылись снегом, температура обрушилась сразу градусов на тридцать. Несколько секунд спустя все успокоилось, и Генри растерянно обернулся: на том берегу реки по-прежнему была весна, а здесь все стало ровно как в тот день, когда он впервые перешел через эту реку, отправляясь на поиски Сердца. Генри стянул перчатку и настороженно пригнулся. Вряд ли мороз наст у пил сам по себе, а значит...

– Что, вот прямо так и явился? – спросил знакомый голос откуда-то сверху, хотя еще три секунды назад Генри был уверен, что поблизости никого нет. – Думал, я не замечу, ты тихо подкрадешься и прибьешь меня?

Генри сглотнул и запоздало пожалел, что не стал придумывать план – ни основной, ни запасной, вообще никакой. Он собирался действовать по обстоятельствам, но конкретно эти обстоятельства ему не нравились. Хью сидел на сосновой ветке в добрых четырех метрах над землей – не достанешь, а вот он наверняка мог и оттуда прикончить Генри любым способом. Мало того, Генри ощущал перемещения каждого зверька в лесу, но огромную силищу в виде Хью его чутье не видело в упор – видимо, Хью принял меры, чтобы его не так просто было найти.

Хью, все еще в обличье невероятного красавца, был в знакомой желтой куртке, но в остальном вид у него был так себе – Генри не представлял, что всемогущее существо может выглядеть настолько измученным. Хуже всего были глаза – ввалившиеся, странно блестящие и абсолютно безумные. Наверное, нечто подобное видели люди, когда смотрели на него самого в те моменты, когда огонь был силен. Взгляд, лишенный всего человеческого, – этими глазами смотрело что-то большее, что-то свирепое.

– А ты стал сильнее. – Фальшивый низкий голос Хью наполнился одобрением. – Как же ты ярко горишь. Наверное, у тебя и правда получится забрать мою силу, если коснешься. Утешительная мысль, правда?

Если он переживет этот день и о его приключениях однажды сложат легенду, встреча врагов будет описана куда более торжественно и впечатляюще, нехоти подумал Генри. На деле у него уже начали замерзать босые ноги, и он пытался понять, как бы незаметно надеть сапоги, не подставив спину. А Хью раскачивался из стороны в сторону, будто не мог ни секунды сидеть неподвижно, и лицо у него неприятно подергивалось – то ли от злости, то ли от боли.

– Я-то думал, ты собираешь армию, или друзей, или что ты там обычно делаешь, – продолжил Хью, морщась, словно ему тяжело управлять

собственным языком. – Даже любопытно было, что ты придумаешь. Никого не тронул, ждал, пока вы сюда явитесь, хоть развлекли бы меня. И вот он, посмотрите: ни соратников, ни армии, ни оружия. Даже обидно.

– Я и есть армия, – сказал Генри, стараясь не приплясывать от холода. – Я и есть оружие.

Губы Хью растянулись в улыбке.

– Твое самомнение однажды тебя прикончит, – сказал он. – И вполне возможно, прямо сегодня.

Генри поджал пальцы на ногах, стараясь глядеть на Хью дружелюбно и мирно. Он был совершенно не готов к тому, какую мучительную злость вызывает у него это самодовольное, гладкое лицо. Ненависть отвлекала от цели, будила огонь, но Генри задвинул его глубже и сказал: «Жди».

– Не так уж весело быть всемогущим, а? – спросил он, изо всех сил стараясь оставаться спокойным. – Думаю, тебе уже надоело. Отдай мне эту силу по-хорошему, и я верну ее за Предел. Обещаю, тебя не накажут, пойдешь, куда захочешь.

– Избавь меня от душеспасительной беседы, Генри, – перебил Хью, раскачиваясь вперед-назад. – Я в курсе, какой ты благородный парень, милуешь всех направо и налево, но мне-то не заливай. Пришел драться, так дерись.

– Слезешь с дерева – начну, – выпалил Генри, прежде чем успел себя остановить, и Хью сипло, истерически рассмеялся.

– Вот так, Генри. Спасибо. Не прикидывайся добреньким, тебе не идет.

– Ты в курсе, что убиваешь королевство, скотина? – отрывисто спросил Генри, и Хью равнодушно пожал плечами. – Ты больной на всю голову.

– От больного слышу, – хмыкнул Хью. – Заставить всех себя забыть – до такого я бы не додумался. Но тебя ж не остановить, ты как булыжник, летящий в окно, – не стоит надеяться, что свернет в последний момент. – Хью встал на ветке во весь рост и вдруг спрыгнул вниз. – Ладно, времени мало, так что давай-ка закончим с любезностями и перейдем к делу.

Хью приземлился в десятке шагов от Генри. Тот хотел попросить огонь совершить мощный рывок, схватить гада и вытрясти из него силу, но Хью исчез и оказался в доброй полусотне метров от него. Наряд на нем теперь был совершенно другой: белоснежная куртка и такие же штаны.

– Ты все равно не сможешь бежать так быстро, как я перемещаюсь, – издевательски крикнул Хью, приложив руки ко рту, чтобы Генри расслышал каждое слово. – Заметь, я давно уже мог бы уронить на тебя дерево или хоть самую твердь небесную, только это скучно, поэтому ты еще жив. Так что будь хорошей собачкой, прекрати скалить зубы и послушай,

какую веселую игру я для нас придумал.

Хью исчез и появился на соседнем дереве – теперь он висел на ветке вниз головой, зацепившись за нее коленями. Его длинные волосы свисали вниз, и Генри внезапно заметил, что они больше не кажутся ярко-золотыми. Мир терял цвет. Генри думал, что, по логике вещей, сам Хью от этого должен становиться ярче, но он бледнел так же, как все остальное. Это почти навело Генри на какую-то важную мысль, но тут Хью заговорил, и от злости Генри мигом потерял способность здраво мыслить.

– Сначала я хотел посадить тебя на цепь и поливать водой, – добродушно сообщил Хью, раскачиваясь туда-сюда. – Но я понаблюдал, как ты переходил речку, и вынужден признать, что воды ты больше не боишься. Ладно, есть идея получше. – Он ловко подтянулся, во весь рост разлегся на ветке и продолжил, глядя на блеклое небо за верхушками сосен: – Мы сейчас там, где все началось, разве не чудесно? И погода та же самая, смотри, как я ради тебя постарался. Предлагаю и кое-что другое повторить: устроим охоту, как в старые добрые времена.

– И на кого будем охотиться? – медленно спросил Генри, хотя уже отлично знал ответ.

Хью лег на бок и взглянул на Генри, подпирая голову кулаком. Рот у него по-прежнему кривился и подрагивал на каждом слове, да и вообще – Хью делал слишком много лишних движений, словно мышцы его тела не могли оставаться неподвижными.

– Сколько ни изображай спасителя королевства, я-то вижу тебя, как есть: диким зверем из леса. Я мечтал прикончить тебя на охоте, но был трусом и неумехой, так что не вышло, зато теперь все изменилось: я пожелал себе способность бегать, стрелять и прятаться не хуже тебя. Хочу поглядеть, смогу ли победить, когда наши силы сравнялись.

– Твое самомнение однажды тебя прикончит, – негромко сказал Генри. Он не хотел нарываться, но сдержаться было выше его сил. – И вполне возможно, прямо сегодня.

Хью свесил ноги с ветки и прищурился, изучая его лицо.

– Пока идет охота, обещаю не использовать свои необыкновенные способности – только то, что позаимствовал у тебя. Кто первым догонит противника, тот и победит. Такие вот милые салочки, только в живых в конце останется один.

– Я не собираюсь тебя убивать, – спокойно сказал Генри. – Мне нужна только твоя сила.

Хью фыркнул, будто услышал полную глупость.

– Ну-ну, продолжай в это верить. Ты серьезно думаешь, что сможешь

приказать этой твари внутри себя остановиться в нужный момент? И кстати, я-то тебя убить не постесняюсь, но обещаю использовать только старые добрые человеческие способы, никакого волшебства. Приступим, Генри. Да, и надень уже сапоги, в конце концов. Не от простуды же тебе помереть.

Генри наклонился и начал обуваться, ни на секунду не сводя взгляда с Хью. Тот никаких попыток напасть не делал: видимо, и правда решил придерживаться своего дикого плана.

– Начну на восточном конце вашего с отцом участка, – буднично сообщил Хью, почесывая шею. – И возьму-ка я вот это.

Он вытащил прямо из воздуха лук и колчан со стрелами и повесил все это себе на плечо. Генри он ничего подобного не предложил, из чего тот сделал вывод, что Хью опасается его куда сильнее, чем хочет показать. Генри это внезапно развеселило – подумать только, Хью даже теперь боится играть с ним на равных. Освальд определенно гордился бы сыном.

– И что мне надо делать? – спросил Генри.

– То, чему тебя десять лет учили, чудище. – Улыбка тронула губы Хью, и от этой улыбки желудок у Генри сжался в мерзкий холодный ком. – Беги.

И с этими словами он растворился в воздухе.

Глава 7

Быстро, как ветер

Первые несколько секунд Генри просто стоял и дышал, пытаясь привести мысли в порядок. Солнце слабо и бледно пробивалось сквозь сосны, клонясь к закату.

«Пять часов вечера», – отстраненно подумал он, потому что знал угол падения света в этом лесу лучше всего на свете.

Генри натянул перчатку и посмотрел на себя. Красная куртка, выданная ему скриплерами, была худшей одеждой для охоты, какую только можно выдумать, но снять ее он не решился – другую взять негде, а без верхней одежды в такой мороз быстро потеряешь силы. К счастью, подкладка у куртки оказалась черная – он предпочел бы белую, но это было лучше, чем алеть среди снегов, как рябина. Генри вывернул куртку наизнанку, кое-как застегнул и пошел на восток. Лучше всего было бы оставить Хью там, где он засел, и тихо скрыться, но Генри не для того сюда пришел. Похоже, Хью был из тех зверей, которые любят поиграть с добычей, – вот только он еще не понял, что добычей сегодня будет вовсе не Генри.

До того как Хью исчез, Генри насчитал в его колчане семь стрел, значит, придется уклониться от выстрелов всего лишь семь раз. Потом у Хью кончатся стрелы, а в ближнем бою Генри легко с ним разберется, – если, конечно, Хью не будет жульничать и использовать приемы вроде «урони врагу на голову дерево». Бесшумно шагая по глубокому снегу, Генри начал расчеты: их с отцом участок сильно вытянут с севера на юг, но в ширину довольно узкий. Хью стартовал с восточной границы минуты три назад. Если учесть скорость полета стрелы и примерную скорость бега, первого выстрела можно ждать через семнадцать минут. Целых семнадцать минут Генри шел спокойно, дышал глубоко и набирался сил, а потом начал двигаться перебежками от дерева к дереву, готовый в любую секунду сделать рывок в сторону.

Скоро Хью оправдал его ожидания – стрела просвистела в воздухе, и Генри упал на снег. Тот щекотно набился за воротник, но Генри не двинулся, пережидая приступ удивления от того, что Хью, увы, действительно хорошо обращался с луком: стрела воткнулась в дерево ровно в том месте, где Генри только что стоял. Генри приподнялся, быстро выдернул стрелу из ствола и лег обратно, разглядывая ее: незнакомая, старинная. От времени дерево немного рассохлось, перья облезли, но наконечник по-прежнему был острым. Генри мрачно улыбнулся, отломил древко и убрал железную часть в карман. Ножа нет, лука нет, но, если придется драться, острый наконечник вполне может выручить.

Он прополз несколько шагов и поднялся. Полет еще одной стрелы он засек издали и снова упал, но в этот раз даже зашипел от досады: стрела чуть не порвала ему куртку, а Хью все еще был в пяти сотнях метров, не меньше. Генри начал подозревать, что пожелание Хью звучало как «хочу целиться лучше всех в королевстве». Одно хорошо: стрел оставалось всего пять.

Дальше Генри продвигался куда осторожнее – до него начало доходить, что победить будет не так просто, как он рассчитывал.

«Дай порулить повозкой, – азартно шепнул огонь. – Поверь, мне стрела не помеха. Я спасал тебя, делал тебя быстрым, даже когда был совсем слабый, а теперь и подавно справлюсь».

Генри покачал головой. Он никогда не сказал бы причину отказа, если бы говорить надо было вслух, но он забыл: огню не нужны слова, чтобы прочесть все, что он чувствует.

«Ах ты... – зашипел огонь. От его дружелюбного тона и следа не осталось. – Я думал, мы с этим разобрались. Думал, ты мне доверяешь».

«Слушай, потерпи, мне сейчас не до разговоров», – взмолился Генри,

перебегая к следующему дереву. За те несколько шагов, что он проделывал, пригнувшись, от одной сосны к другой, сердце каждый раз екало чуть ли не до боли. Хью затаился и не стрелял, но это было нехорошее затишье: он наверняка тратил это время, чтобы подобраться ближе, хотя Генри не видел его, сколько ни всматривался в неподвижную белизну. Скорость, которую давал огонь, сейчас очень бы пригодилась, вот только Хейверхилл был совсем близко, и Генри чувствовал, как много там жизни, это сияние тянуло его к себе, а он не хотел очнуться на пепелище, как Сивард.

Он отвлекся на эти размышления совсем ненадолго, но тут же поплатился. Стрела летела с такой сокрушительной скоростью, что пары секунд его рассеянности ей хватило с лихвой: она ударила в плечо, и Генри рванул за ближайшее дерево, а Хью уже выстрелил снова: промахнулся, но и одного попадания было достаточно.

Лук у Хью наверняка был старинный, а предки свое дело знали: мощь полета была что надо, и плечо пробило насквозь, будто Хью стрелял с двадцати шагов. Генри зашипел и обломал древко – доставать нельзя, чтобы кровь не начала капать на снег, выдавая его передвижения. Генри зачерпнул снега и прижал к ране. В голове мелькнула дурацкая мысль, что за сегодняшний бесконечный день он получил столько травм, сколько на охоте и за полгода не всегда получал. Как же он отдохнет, когда все закончится. Как же он отоспится, неделю из кровати не вылезет. Генри дернул головой, отгоняя лишние мысли, и помчался к следующему дереву. Главное, что ноги целы, а левое плечо в данный момент не так уж важно.

«Тебе жить надоело, дубина? Дай мне помочь! – прошипел огонь. – Ты со мной борешься или с ним?»

В ствол над его головой воткнулась стрела номер пять, и Генри широко усмехнулся. Осталось всего две, а когда они закончатся, уж он устроит Хью веселую игру. Около дерева валялась сухая ветка, и Генри стащил с себя куртку, повесил ее на палку и медленно выставил это сооружение из-за дерева. Есть! Хью повелся, и стрела номер шесть пробила пустой рукав. Генри натянул порванную куртку обратно. Настроение у него исправилось, даже боль в плече казалась теперь приглушенной и далекой. Пора было идти за Хью, а то вдруг он запаникует, когда стрелы кончатся, и решит нарушить свои же собственные правила игры?

Генри щурился в однообразную белизну, продвигаясь аккуратно и тихо, и наконец-то уловил впереди движение.

– Эй, Хьюго! – крикнул Генри, чтобы вывести его из равновесия. Все равно Хью не слепой и уже засек его, вот только почему не стреляет? – Ты как там, не замерз? Хотя, погоди-ка, я и забыл, что ты у нас теперь не

человек! Ни поест, ни поспать, ни замерзнуть!

Генри пробежал еще несколько метров и понял, что расчет оказался верным: Хью разозлили его слова, а он всегда плохо умел держать себя в руках и потому выстрелил. Генри был готов, он поднырнул под стрелу и упал плашмя. Снег взметнулся, обсыпал его с головой, ствол над головой завибрировал – хорошее попадание, почти задел. Генри достал из кармана обломанный наконечник стрелы, спрятал его в ладони и поднялся во весь рост.

Хью прятался за сосной выше по склону, Генри видел край его воротника и пошел к нему, мягко приминая ногами глубокий снег и стараясь по-прежнему держаться за деревьями: стрелы кончились, но вдруг у Хью еще и нож есть? Когда Хью вышел из-за дерева, продолжая сжимать в руке бесполезный теперь лук, Генри мельком глянул на его пояс – нет, другого оружия незаметно. Он крепче сжал наконечник стрелы, стараясь дышать глубоко и ровно. Надо прыжком уронить Хью на землю, приставить к горлу острие, чтобы не дергался, снять перчатку и забрать силу. Все хорошо, он все держит под контролем. Вот тут, на этом склоне, эта история и закончится.

Так Генри думал до того момента, когда Хью запустил руку за спину и вытащил из колчана еще одну стрелу.

– Какой же ты гад, – выдохнул Генри.

До Хью оставалось шагов сорок. Генри успел бы преодолеть это расстояние, если бы позвал огонь, но он слишком хорошо чувствовал рядом Хейверхилл и его жителей. Он заколебался, а вот Хью – нет: спокойно натянул тетиву и выстрелил Генри в ногу. Тот вскрикнул и согнулся, стараясь не упасть.

– Твой друг Джетт – вор и предатель, – негромко сказал Хью, снова поднимая лук. – Твой брат лгал королю, что нашел Сердце. Освальд убивал людей. Ты прощаешь бесчестие всем, кроме меня, так что не обижайся. – Хью улыбнулся своей кривой, диковатой улыбкой. В этом бесцветном лесу он и сам казался бесцветным, как призрак. – Приятно было смотреть, как ты идешь ко мне, весь такой самоуверенный. Ты серьезно думал, что я дам тебе выиграть?

Вторая стрела попала в бедро той же самой левой ноги, и Генри опустился на колено, пытаясь сохранить хоть каплю достоинства и не стонать. Хью шел к нему, и Генри краем глаза заметил, что его колчан снова полон. Мыслей в голове не было ни одной. Хью надвигался на него, как горный обвал, каждая клетка в теле выла от боли, и помощи ждать было неоткуда. Генри сжал зубы. Он был совсем один.

Голос в его голове тяжело вздохнул.

«Ты никогда не один, – шепнул он, и сознание захлестнуло теплой, успокаивающей волной. – Подвинься, хозяин».

Генри услышал, как третья стрела со свистом разрезает воздух, но ее полет внезапно замедлился, будто теперь она летела сквозь что-то вязкое, как травяное желе Тиса. Генри внезапно вспомнил: таким же неспешным казалось ему время, когда в пещере лютой твари он попал в мир чистого волшебства. Эта мысль потянула за собой другую: всю жизнь на охоте ему тоже казалось, что в минуты опасности время замедляется – видимо, так огонь спасал их общее тело. Получается, огонь – не просто злой дух, он – существо, которое может использовать мир волшебства, ускользать в него, чтобы получить время разобраться с опасностью. Когда Генри был младше, эта способность была едва заметной, но сейчас огонь стал таким сильным, и это было просто... совершенство. Интересно, другие разрушители могли так делать? Вряд ли, иначе не закончили бы свои дни столь плачевно.

«Безумный был месяц, и мы с огнем оба выросли, – растроганно подумал Генри. – Он еще ни разу не становился таким взрослым, как со мной».

Все эти мысли так неспешно плыли у Генри в голове, потому что к движениям тела уже не имели никакого отношения. Где-то снаружи его руки обломали древко стрел, торчащих из его ноги, потом тело отклонилось от траектории полета стрелы, встало и бросилось прочь, припадая на одну ногу. Огонь боли не чувствовал, его волновала только потеря сил, но ее какое-то время можно потерпеть. Он съехал вниз по склону, взметая пушистую снежную пыль, и помчался быстро, как никогда прежде. Ноги отталкивались от земли так легко, будто она вдруг стала упругой, пружинистой. Это тело было натренировано бегать, мышцы знали, что делать, и он мчался, слепо и свободно, пока не сообразил, что пора с этим заканчивать, иначе он... Размазанное время ускорилося, пошло так, как ему положено, и Генри упал в глубокий снег. Он рывком сел, вжимаясь спиной в склон. На секунду ему показалось, что он в том же русле замерзшей реки, где впервые встретил Барса, – но нет, это был просто овраг, поросший кустарником с прошлогодними красными ягодами. Вокруг стояла глубокая, зимняя тишина. Генри смутно помнил, что на пути попадались участки, покрытые льдом, а значит, Хью найдет следы не сразу, если, конечно, опять не начнет жульничать. От боли его потряхивало, но больше всего донимали не свежие раны, а разошедшийся шов на шее – его горячо, неприятно дергало, и Генри прижал к нему горсть снега.

«Как ты это сделал? – спросил он. – Я думал, тебе нужно мое

разрешение, чтобы...»

«С тех пор, как ты впервые убил, нет, – перебил огонь. – После зверобоя мы оба полноправные хозяева тела. Имей в виду, хотел бы – пошел бы убивать крестьян в любой момент, но ты мне обещал кое-что побольше, а чтобы это забрать, нужны твои мозги. Дальше бежать не могу – меня и правда очень тянет в ту деревню, не смогу сдержаться, и так еле остановился».

Генри с трудом повернул голову и увидел за изгибом оврага крыши Хейверхилла.

– Спасибо, – искренне выдохнул Генри.

«Спасибо скажешь, если мы отсюда выберемся и не сдохнем, хотя я представления не имею, как это сделать. Тело не в порядке, хозяин. Без меня ты никуда уже не убежишь».

Генри закашлялся, прижимая ко рту рукав, чтобы не шуметь, и даже от этого крохотного усилия устал. От онемевшей левой ноги холод полз выше, словно кровь в венах медленно превращалась в ледяную воду. Одна рана была плохая – кровь уже пропитала всю штанину. Генри медленно, сонно обыскал карманы куртки: вдруг найдется чем перевязать? Несколько секунд он всерьез надеялся, что в куртке, выданной ему скриплерами, отыщется что-то волшебное и прекрасное, невероятная штукавина, которая сразу его спасет, но там обнаружилась только труха и пара ореховых скорлупок. Руки двигались все тяжелее, но он все равно полез в карманы штанов: вдруг из дома что-нибудь полезное прихватил? Генри вытащил единственное, что там нашлось: сложенный в несколько раз листок бумаги, основательно потрепанный встречей с Озером бурь. Он хотел уже со злости его выбросить и внезапно вспомнил, что это такое.

Записка, которую Карл передал ему за завтраком. Он тогда сунул листок в карман и забыл начисто. Генри с трудом развернул его: несколько десятков строк мелким, убористым почерком. Кое-где чернила потекли, но слова все еще можно было разобрать.

Мой дорогой Генри,

я передаю эту записку с Карлом, но знаю, что сегодня утром ты ее не прочтешь. Странная вещь дар предвидения: я вижу, как ты читаешь письмо в заснеженном лесу, и знаю, что написал его я, но понятия не имею, что в нем. Это видение пришло ко мне среди ночи, и теперь я пишу эту записку, чтобы тебе было что прочесть, когда придет время, – звучит безумно, да? Знаю, мой дар иногда с ума меня сводит.

Когда я закончу письмо, мы с Джоанной скроемся – что-то надвигается, и скоро все забегают, как безголовые куры, а я не хочу в этом участвовать. Как бы я ни помогал тебе бороться с Хью, все закончится так, как я видел: холодный лес и ты, раненный, одинокий и, похоже, перепуганный до смерти. Не хочу быть рядом и знать, что все идет к этому. Я бы убил кого-нибудь за тебя, ты представить себе не можешь, на что люди способны пойти ради своего ребенка, да и я до тебя, если честно, не представлял, – но что бы я ни делал, это ничего не изменит. Я не знаю, как ты оказался там, где ты сейчас, не знаю, что будет после, и не знаю, чем тебе помочь.

Если все закончится хорошо, найди меня. Если нет, то это – наше прощание. Будь храбрым и хитрым. Перевяжи рану над коленом. Постарайся выжить. Ты лучшее, что было в моей долгой, долгой жизни.

Папа.

Генри на секунду прижал письмо к лицу и опустил на снег. В этой версии событий Освальд его даже не знал, но Странник был прав: записанные слова – живучая штука. Его вдруг отпустило, ужас и оцепенение как рукой сняло, голова заработала четко и быстро. Папа в него верит – хоть и скрылся в самый важный момент, вместо того чтобы помочь, – и он не должен его подвести. Генри снял куртку, потом – рубашку, с силой перетянул ею ногу над раной и надел куртку прямо на голое тело. Закрыв глаза и прислушался, прижавшись всем телом к склону. Снег глотал звуки, но он все равно различил вдалеке осторожные, тихие шаги. Скоро Хью появится на склоне и добьет его.

Нет, Хьюго. Не сегодня.

Желание снова увидеть отца было так велико, что Генри поднялся на ноги, – медленно, на чистом упрямстве. Он придумал, как быть.

«Доведи меня до деревни, только не вздумай никого тронуть. Я скажу, когда можно бросаться. Держись, я в тебя верю», – подумал Генри, уступил место огню и помчался по дну оврага в сторону Хейверхилла.

Хью скоро засек его и начал палить вслед. О, как хорошо Генри знал этот азарт – стрелять по движущейся мишени. Будь он один, его свалил бы первый же выстрел, – но он был не один. Огонь мчал его тело к деревне, растягивал время, когда нужно было ускользнуть от удара. Стрелы у Хью не кончались, но, к счастью, в охоту играть он не перестал и никакими

другими способностями не пользовался. Хью был тщеславным, его будоражила мысль победить Генри вот так, на охоте. Ну пусть попробует.

Выбегая на первую попавшуюся улицу, Генри был уверен, что навстречу сейчас кто-нибудь выскочит, но деревня выглядела совершенно тихой, заброшенной, хотя он точно чувствовал здесь жизнь. Генри кинулся вперед по улице, сорванно дыша и спотыкаясь. Запас выносливости подходил к концу.

По улице промчалась кошка, за ней – собака, над крышей взлетела утка, потом дорогу с визгом перебежал поросенок, маленький и розовый, со смешно закрученным хвостиком. При виде живности огонь вспыхнул такой жадой, что Генри чуть зубы себе не раскрошил, пока отталкивал его назад: не хватало еще тратить время на уничтожение домашних животных.

Огонь разочарованно притих, ушел в глубину, и усталость сразу навалилась на Генри, как валун. Он оглянулся – Хью съезжал со склона на дорогу в нескольких сотнях метров позади. Ну ничего, время есть – не так уж много ему и надо. У кого-то здесь точно найдутся лук и стрелы. После рокировки жители деревни никакого разрушителя не знают, а значит, и ненавидеть им Генри не за что. Вряд ли они в восторге от власти Хью, так что помогут тому, кто хочет его победить. Генри влетел в первый попавшийся дом, мимоходом удивившись, что дверь не заперта, и собирался позвать хозяев, но тут на него откуда-то сверху прыгнула куница.

Пару секунд Генри был так ошарашен, что позволил зверьку беспрепятственно царапать ему лицо, а потом отшвырнул его от себя. Куница тут же бросилась снова. Она вопила и царапалась так, будто собиралась защищать дом до последней капли крови. На шум никакие люди не прибежали, и Генри огляделся: вдруг ему повезет и лук просто будет висеть на стене? Не повезло – даже ножа не нашлось.

Генри захромал через комнату, толкнул ставни и выбрался в какой-то закоулок. Он хотел было залезть в следующий дом через открытое окно, чтобы не соваться на улицу – слишком уж она хорошо простреливалась, – но путь ему преградил осел, едва не хватанув зубами за руку, а за спиной кто-то тихо и угрожающе задышал. Генри обернулся. У стены стоял лось и выедал мох из щелей между бревнами.

Тут под ноги Генри бросился давешний поросенок – он крутился рядом и беспокойно заглядывал Генри в лицо. Огонь заинтересованно ворочался, но Генри не стал его слушать, вокруг и без того был полный хаос. В стену соседнего дома врезалась стрела, и поросенок заверещал, но не сбежал, а прибил к ноге Генри и попытался забраться по ней вверх,

будто просился на руки. Из соседнего переулка к ним мчался щенок, за ним топал толстый, неповоротливый гусь. Лось, свирепый и опасный зверь, перепуганно таращился на стрелу и жался боком к стене дома. И до Генри внезапно дошло. Он поднял поросенка – тот обнюхал его лицо, дергая ножками, и что-то тихо захрюкал. Так и есть: слишком уж у него смысленный вид для зверя.

– Вы не настоящие животные, – медленно проговорил Генри. – Вы жители Хейверхилла. Хью вас превратил.

Поросенок закивал и пихнул его пяточком в куртку, безуспешно пытаясь обхватить коротенькими ножками за шею. Ребенок, наверное.

– Лук и стрелы, – выдохнул Генри. – Быстро.

Животные посмотрели друг на друга, потом лось неспешно кивнул на соседнюю улицу. Песик таякнул и помчался туда, Генри – за ним, припадая на одну ногу. Поросенок перепуганно цеплялся за него, и Генри с трудом отодрал его от себя и на бегу бросил на дорогу. Тот приземлился на четыре ноги и упрямо помчался следом. И тогда Генри почувствовал злость, правильную, спокойную злость, придающую сил. Хью много всего наворотил, но превращать детей в поросят – это уж слишком.

Щенок поджал лапы и одним прыжком влетел в окно, Генри, крича, забрался следом, думая о том, что, когда нервное возбуждение его отпустит, он просто ляжет и помрет без всякого участия Хью. Тот вылетел в переулок вслед за ним, но Генри уже влез в дом и пополз в соседнюю комнату вслед за щенком, который скреб когтями сундук. Откинув крышку, Генри достал оттуда лук и полный колчан.

Ползти обратно к окну уже не было сил, поэтому Генри натянул тетиву, свернувшись прямо на полу. Лук был плохой, новый, стрела кривовата, и он мысленно посчитал, что, с учетом ее странной формы, стрелять надо левее цели, тогда есть шанс попасть. Генри видел Хью в проем окна – тот выстрелил снова, но приближаться не стал: то ли ему нравился азарт от слепой пальбы в окно, то ли боялся подходить к Генри слишком близко. Не попал: как хорошо, что Хью не отличается хладнокровием, а злость меткости не прибавляет. Генри спокойно подышал, а потом одним коротким, плавным движением привстал и выстрелил.

Все произошло так, как он и рассчитывал: Хью был уверен, что Генри трусливо прячется в доме, и не был готов к новому повороту событий. А ведь на охоте такое случается сплошь и рядом: если жертву очень разозлить, она легко может напасть на охотника. Стрела пробила Хью плечо, он выронил лук и завопил, а Генри выстрелил еще раз. Попадание:

грудная клетка справа.

– Ну все, с играми покончено, – прошипел Хью.

Он, видимо, собирался после этого явить всю свою мощь – обрушить крышу или что-то вроде того, но не успел.

Люди во время драки всегда тратят время на разговоры, заявления о намерениях и пустые угрозы, но Генри был воспитан не так. Еще на первом слове он мысленно выпалил: «Давай», и огонь, наконец-то получив разрешение на удар, показал, на что способен: сдернутая перчатка, рывок вперед, великолепный прыжок через подоконник, несколько метров бегом – и, прежде чем Хью договорил слово «покончено», Генри броском опрокинул его на спину, всем весом прижал к земле и положил голую руку ему на горло. Огонь заревел от счастья, но Генри тоже был в полном сознании и знал, что успеет остановить его вовремя, – идеальный, прекрасный момент. Хью лежал на земле, испуганный его скоростью, побежденный. Время будто остановилось, Генри позволил огню тянуть силу в себя, но внезапно тот остановился.

Генри нахмурился. Он чувствовал то, чего не чувствовал прежде ни разу: огонь был испуган, и это был не сиюминутный страх боли, которую причиняла вода, нет, – настоящий, мучительный ужас. Генри прижал руку крепче, но кожа Хью оставалась влажной и холодной, и его собственная рука тоже, потому что огонь сделал то, на что Генри вообще не считал его способным: остановил самого себя. Время шло все медленнее и наконец остановилось полностью.

«У меня плохая новость. Если мы это сделаем, и ты, и я перестанем существовать, – сказал огонь. Сейчас они были так тесно переплетены, что Генри казалось, будто этот голос звучит как его собственный. – Этот хмырь тоже, но на него плевать. Его сила огромна, но и я еще не бывал в такой отличной форме, и если мы сольемся... То, что получится, уже не будет иметь ни личности, ни разума, ни других желаний. Сила будет сама по себе, она будет становиться больше и больше, вытягивать жизнь из всего вокруг. – Огонь заколебался. – Странно, я так мечтал избавиться от тела, а теперь... Скажи мне, что делать, хозяин. Я больше не могу держать время».

«Убери руку. Я что-нибудь придумаю».

«Он хочет убить тебя, и у него это вполне может получиться».

«Разберемся», – упрямо подумал Генри.

Вздых прокатился по его телу, а затем он почувствовал, как его собственная рука, лежащая на шее Хью, отдергивается и упирается в мостовую. Камни тут же расползлись в золу, и Генри, оттолкнувшись, встал и надел перчатку. В голове крутился весь запас ругательств, почерпнутых

от Эдварда, но сосредоточиться это, увы, не помогло. Огонь свернулся в клубок, спрятался, как ребенок от страха прячется за взрослым. Хью сел. Его лицо дергалось все сильнее, будто что-то пыталось прорвать его тело изнутри и выбраться наружу. Все вокруг побледнело окончательно – даже поросенок, бегавший вокруг, казался серым, а не розовым. А потом Хью поднял взгляд, и в нем была такая бешеная, лютая ярость, что Генри шагнул назад.

Хью дернул рукой, и от стены дома с сухим деревянным треском оторвалась оконная створка. Генри не побежал, потому что бежать было некуда. Он боролся, честное слово, но есть же всему предел, – и он даже не двинулся, когда створка со свистом рассекла воздух, треснула его по затылку, и все потемнело.

Глава 8

Возвращение

Генри кое-как поднял веки и уставился в странно знакомый потолок. Определенно не королевский дворец: простые, низко нависшие деревянные балки. Ощущение от кровати тоже было знакомое: жесткий тонкий матрас, набитый чем-то комковатым и свалевшимся. Генри медленно поднял руку, надавил на грудь, ощупал голову, шею, бедро. Нигде не единой ранки, даже шрамов нет.

«Наверное, Эдвард вылечил, – сонно подумал он. – Или кошки».

Генри повернул голову и сразу понял, что ошибся: в кресле, сгорбившись и обхватив лоб одной рукой, сидел Хью.

– Я думал, меня развлечет твоя смерть, но ты, козел, и тут меня подвел, – отрывисто сказал он, глядя на Генри. – Валялся там с разбитой головой, а весело не было, пришлось милостиво тебя спасти. Кстати, твое сердце продолжало биться: еле-еле, но все равно. Все-таки разрушитель такой силы – фантастически живучая тварь. Я мог бы добить, но... – Он сжал голову второй рукой. – Жизнь полна парадоксов.

– Чего? – прохрипел Генри.

Хью наморщил свой идеальный лоб, но в этой гримасе не было

настоящей злости – так, досада.

– Противоречий. Поверь, я теперь знаю и более интересные слова: прочел словарь от «А» до «Р», жаль, от других букв ты отвлек. Знаешь, что такое словарь?

– Книжка со словами? – предположил Генри, замороженный тем, что Хью теперь выглядел куда больше похожим на человека, чем во время их последней встречи.

– Время теперь такое странное: то идет еле-еле, то скачет. Не понимаю, как с ним управляться. – Хью снова потер висок медленным, тяжелым движением человека, у которого смертельно болит голова. – О чем это я? А, книжка со словами. Все тянется одно за другим: я стал умным и понял, что ничего не понимаю в том, как все устроено. Пришлось обокрасть вашу библиотеку. Кстати, его златовласое высочество был прав: книга о сочетании цветов оказалась увлекательной.

Генри приподнялся на локте, стараясь не думать о том, как безумно вести подобный разговор с человеком, который только что утыкал тебя стрелами, а потом пытался добить оконной рамой. Хью был в красивой темно-серой куртке с отворотами, под ней виднелась бледно-желтая рубашка, из нагрудного кармана торчал ярко-желтый платок: похоже, Хью всерьез воспринял всю ту чушь насчет собственного цвета, которую наплел ему Эдвард.

Взгляд Хью постоянно возвращался в одну и ту же точку, и Генри тоже туда посмотрел. Над камином висели часы с подвесными гириями, но ни гири, ни стрелки не двигались.

– Если ты вылечил мои раны, почему не можешь голову себе вылечить? – спросил Генри.

Как ни странно, Хью засмеялся, коротко и не особо весело, но это само по себе впечатляло: Генри ни разу не слышал от него ничего подобного, если, конечно, не считать за смех злобный оскал, шипение и угрожающие ухмылки.

– Это многозначное выражение, – ответил Хью. – Имеешь в виду «прекратить головную боль» или «перестать быть сумасшедшим»? Боюсь, проблемы будут по обоим пунктам.

Генри упал обратно на матрас. Страх не было – хотел бы Хью его убить, давно убил бы, – но он определенно не успевал за скоростью развития событий. Теперь перед глазами у него снова оказался бревенчатый потолок, и внезапно Генри этот потолок узнал.

– Да ты издеваешься, – пробормотал он. – Серьезно? Вот тут твоё тайное убежище? Ты же мог себе любой дворец сделать, зачем тебе наш с

отцом дом?

– Хотел быть тобой, – вяло огрызнулся Хью. – Оказаться на твоём месте.

Генри попытался засмеяться, но получился только кашель. Это каким же идиотом надо быть, чтобы мечтать о его месте.

– После рокировки этого дома даже не существует, мы ведь с Освальдом никогда тут не жили, – хрипло сказал Генри.

– Я вообще-то всесильный, – огрызнулся Хью. – Пожелал вернуть ваш дом – и вот он.

Генри с усилием сел и осмотрел с детства знакомую комнату. Хью завалил ее кучей барахла: книгами, сумками, какими-то золотыми штуковинами. Во всем этом беспорядке была своя безумная логика, но у Генри никак не получалось ее ухватить, особенно при таком скупом свете: бледно-синее вечернее небо за окном, ни солнца, ни луны.

– Слушай... – начал Генри, но никаких более дипломатичных выражений не нашел и сказал прямо: – Отдай силу. Достань ее из себя, мы уберем ее за Предел, и все это закончится. Я серьезно. Плюнь уже на свое проклятое самолюбие и сделай это, иначе нам всем крышка.

Хью качнул головой, не глядя на него.

– Нам уже крышка, – глухо сказал он и на секунду прижал пальцы к закрытым векам. – Я не могу ее достать. Пытался. Может, в самом начале еще и смог бы, но когда сообразил, что она делает, поздно было. Она в тебя будто вплетается, начинает питаться твоими мыслями, страхами, желаниями, вытаскивает их наружу, а я ни о чем особо добром не мечтал, уж поверь. – Он вяло улыбнулся уголком рта. – Все живое хочет жить, и сила не хочет лежать без дела, не хочет в ящик за Пределом. Все кончено, она не только все вокруг убивает, меня тоже, – вот что я понял, когда поумнел. Думал: сдохну, но хоть тебя с собой прихвачу. Мы все завтра умрем, так или иначе. – Хью потер лицо. – А теперь проваливай, хочу побыть один, меня тошнит на тебя смотреть. Иди на все четыре стороны, к семье, куда угодно, уже все равно. Мы ничего не можем сделать. Я тебя отпускаю – только из себя выводись, а двух пауков в одной банке не держат. У тебя минута, чтобы покинуть помещение. Вот тебе одежда – от твоей одних лохмотья остались – и вон из моего дома.

– Вообще-то это мой дом.

– Уже нет.

Генри встал и медленно оделся: черная рубашка, куртка и штаны, новые сапоги – все с какого-то крестьянина. Надо уйти, забиться куда-нибудь и понять, что делать. Он пошел к двери, не поворачиваясь к Хью

спиной, хотя тот на него больше не смотрел – застыл в кресле, глядя на часы. На лице у него был такой страх, что Генри почувствовал мимолетное удовольствие, – не все же ему других мучить, пусть сам попробует. Генри прошел по знакомому скрипучему коридору и вышел на крыльцо.

Лес был неподвижным и белым, сумерки уже проглотили остатки света, но Генри даже при таком освещении заметил: что-то тут изменилось, слабо, почти незаметно, но...

«Смотри внимательно, Генри, всегда смотри внимательно, – учил Освальд. – Ни от кого не жди помощи, ты всегда можешь сам себе помочь. А если будешь лопухом и тебя задерет зверь, просто помни: будешь умирать один. Впрочем, люди всегда умирают в одиночестве, сколько бы сородичей не было вокруг них».

Генри постоял, вдыхая свежий зимний воздух. Мир вокруг был огромным и умирающим, бледным, как тень самого себя. Все инстинкты кричали ему бежать, скрываться, пока Хью не передумал и не изобрел какой-нибудь изуверский способ с ним расправиться, но он смотрел внимательно, и что-то держало его здесь, что-то на самом краю сознания. И наконец Генри понял: деревья. Они были расположены немного иначе, чем он помнил, теперь они росли группами побольше и поменьше, словно что-то тянуло их друг к другу. В больших группах деревьев было по четырнадцать, в маленьких – по десять. Точно так же стояли пузатые деревца вокруг костра, там, где они с Хью встретились перед рокировкой. И вот оно, вот оно: Генри вспомнил, что такой же порядок был и среди вещей в комнате. Стопка из десяти книг, потом – из четырнадцати, а на ней валялся железный кругляш, человеческая монетка с цифрой «10». Сломанные часы, на которые смотрел Хью, показывали 10:14.

Генри завертел головой и разглядел кое-что еще: под одной из сосен лежал маленький яркий предмет, наполовину замаскированный снегом. Генри пробрался к нему через сугробы и поднял. Это была глиняная фигурка человечка с большими ногами и торчащими вверх волосами. Тайлис Худого Пальтишки. Генри долго стоял, сжимая его в кулаке. Потом развернулся и бросился обратно в дом.

Кресло было пустым, в других комнатах Хью тоже не оказалось, и Генри едва не застонал от досады: если он куда-то перенесся, где его теперь искать?

– Хью! – крикнул он, но везде было тихо.

И тут Генри кое-что вспомнил. За Пределом Освальд попал в иллюзию, созданную Барсом: ему начало казаться, что он обрел

бесконечную силу. И, вместо того чтобы наслаждаться этой силой, Освальд забился в крошечную комнатку, потому что только там чувствовал себя в безопасности. Люди прячутся там, где мало места, где никто не подкрадется незаметно и ничего не случится. Поэтому Генри вернулся в свою комнату, опустился на колени и заглянул под кровать.

Угадал: Хью распластался там, прижавшись щекой к полу. При виде Генри он подскочил так, что треснулся головой о нависшую сверху раму кровати.

– Жить надоело? – прошипел Хью, отползая по дальше.

– Ты позвал меня. – Генри хлопнул тайлис на пол между ними, и Хью фыркнул. – Он лежал на снегу.

– Я его туда не клал.

Знаю. Но ты же сам сказал: эта сила питается тем, что у тебя в голове. – Генри щелчком подтолкнул тайлис ближе к нему. – У тебя снега зимой не выпросишь, но, когда Освальд тебя утащил, ты оставил нам сумки с вот этими самыми тайлисами. Это была просьба о помощи, да? В глубине души ты хотел, чтобы тебя нашли. И теперь тоже.

Генри лег на пол около кровати, чтобы не выгибать шею, как сова.

– Ты что, издеваешься? – медленно спросил Хью. – Не нужна мне твоя помощь. Вали отсюда, пока я тебя не...

– Знаешь, если ты хотел, чтобы мы были в одной лодке, мы в ней. Эти цифры, которые везде повторяются, – это же время, да? Что случится в десять четырнадцать?

У Хью клацнули зубы. Какое-то время он продолжал таращиться на Генри из темноты, и тот едва сдержался, чтобы не сказать, как смешно выглядит великолепный, роскошно одетый здоровяк, втиснутый в такое узкое пыльное пространство. Ярость Хью определенно поутихла с тех пор, как он едва не лишился главного врага, и Генри не хотелось ее будить. Еще не все потеряно, нельзя сдаваться, иначе никакого «долго и счастливо» не будет: никаких шахмат с Эдвардом, никаких чаепитий и приключений. Он должен, должен выиграть эту партию, и он выиграет – не дракой, так добром.

– Кстати, о времени: вот уж чего мне теперь не жалко. – Генри удобнее устроился на полу и сложил на груди руки. – Если хочешь, помолчим.

– Я все теперь вижу странно, – нехотя выдавил Хью: кажется, просто из чувства протеста. – Бесконечные возможности, каждую секунду все меняется, разветвляется, не знаю, как Перси в этом разбирался и не сходил с ума. Но я не вижу ничего после десяти четырнадцати утра завтрашнего дня. Дальше – темнота. Видимо, все закончится. Оно уничтожит и меня, и

все вокруг. Доволен?

Генри передернуло. Совсем недавно один вид Хью вызывал в нем горячую, искреннюю ярость, но он больше не мог ее в себе найти. Он слишком хорошо знал, каково это – когда тебя побеждает что-то внутри собственной головы.

– Сила такова, каков ее владелец, – пробормотал он. Вот где можно найти лазейку, вот он, путь спасения. – Может, если ты до завтра перестанешь быть козлом, то и она тоже?

Хью посмотрел на него как на идиота.

– Люди за день не меняются, я выяснил это из кучи книг. Ничего не выйдет.

– Попробуй, потом говори.

– А ты вообще не способен признать, что обстоятельства могут тебя победить, да? – огрызнулся Хью. – Даже с переломанными ногами будешь ползти.

– Ну, всегда лучше ползти, чем ложиться и помирать. – Генри повернулся на бок и зашарил под кроватью, пытаясь ободряюще хлопнуть Хью по плечу. Тот оскалился и прибился ближе к стене. – Слушай, ты мне нравишься не больше, чем я тебе, и я никогда не смогу тебе простить все, что ты сделал. Но может, попробуем выпутаться вместе? Если хочешь тут сидеть – ну, или лежать, – пока тебя не разорвет на куски, валяй. Но, по моему, никто не хочет быть один, даже ты. Идти мне некуда, про меня никто не помнит, всем наплевать – если ты хотел, чтобы у меня ничего не осталось, то все уже, радуйся. Поэтому я остаюсь до десяти четырнадцати, нравится это тебе или нет. Может, вылезешь?

Хью хмуро глянул на него, а потом боком начал вылезать. Генри посторонился и сел, освобождая ему место. Несколько минут они сидели, молча косясь друг на друга. Весь последний месяц Генри был окружен людьми, которые прекрасно умеют обращаться со словами, и все они сейчас произнесли бы какую-нибудь важную и красивую речь о спасении королевства. Но Генри уже сказал все, что собирался, и больше не мог выдать ни слова. Хью смотрел на него так, будто в горло собирается вцепиться, и Генри не хотелось давать ему повод.

– У тебя пожевать что-нибудь найдется? – наконец спросил он. Раны ему Хью залечил, а вот есть хотелось по-прежнему. – Если нет, схожу поймаю. Мне теперь искать зверей проще простого.

На лице Хью появилась кривая улыбка. Глаза у него были ввалившиеся и злые, но нечеловеческого блеска в них больше не было – и на том спасибо.

– Ты помнишь, как мы в первый раз встретились? – вдруг спросил он.

– Слушай, можно мы устроим эту минутку приятных воспоминаний, когда я поем? Помню. На склоне, когда я за Барсом побежал.

– Нет, не в тот раз. До этого. Я покажу.

Вокруг внезапно изменилось и освещение, и воздух. Генри понял, что сидит уже не на полу своей комнаты, а на влажной земле в осеннем лесу. На костре жарилось мясо, рядом лежало поваленное дерево. Это было то же место, где они стояли перед рокировкой, и потому оно вызывало воспоминания хуже некуда, но пахло тут по-прежнему восхитительно. Генри пересел на бревно, схватил ветку, на которую были насажены куски мяса и, давясь от жадности, вгрызся в него. Крольчатина, отлично. Жалко, соли нет.

– Ну? Вспомнил? – спросил Хью, дождавшись, когда он дожует первый кусок.

– Дай-ка подумать. – Генри велел себе не заводится, но удержаться не получалось. – Случайно не тут ты чуть не прикончил моих друзей?

А до этого? На деревья не обращай внимания – они у меня второй раз получают какие-то странные, как в детской книжке. Ты представь на их месте ваши сосны, и все вспомнишь.

Генри покачал головой, и Хью со стоном щелкнул пальцами. На нем внезапно оказался толстый овчинный полушубок, глупейшая шапка с завязанными под подбородком ушами и полосатый шарф до самых глаз. Генри украдкой откусил еще кусок мяса.

– Все еще нет? – не поверил Хью. – Знаешь, у тебя поразительная способность выбрасывать из головы все, что тебе неприятно.

– Потренируйся, и у тебя такая будет, – неразборчиво сказал Генри, продолжая драть зубами мясо.

Хью раздраженно вздохнул.

– Четыре года назад. Мне было двенадцать, тебе, наверное, тоже, – сказал он. Губы у него презрительно кривились, но хотя бы не дергались, уже хорошо. – Тогда как раз наша мать умерла. Сван все время ныл, как ребенок, его тупость с ума может свести. Я только теперь, когда сам стал поумнее, понял, как мне всегда хотелось иметь умных друзей, а надо было с ним торчать. В общем, однажды я не выдержал и побежал в лес – хотел один побыть. И вот я вижу огонек, подбираюсь ближе, а ты сидишь у костра и жаришь мясо.

Генри замер и перестал жевать. Он кое-что вспомнил – мелкое, неважное, давно похороненное под другими событиями. А Хью ходил туда-сюда в своей дурацкой шапке и захлебывался словами.

– Мы со Сваном тогда были еще слишком малы, чтобы ходить на охоту за чудищем, и нам запрещено было соваться в этот лес, но я пошел просто назло, хотелось сделать что-нибудь безумное. Я замерз, а ты издали выглядел не как чудовище, а как обычный парень. В общем, я хотел подойти и спросить, можно ли погреться у твоего костра. А ты меня услышал, только когда я уже почти дошел, – огонь трещал, а ты так лопал, что будто оглох. Помнишь, что ты сделал?

Хью прислонился к дереву шагах в десяти – там он и стоял тогда. Генри посмотрел вниз. Теперь рядом с ним на бревне лежали лук и стрелы.

– Давай, – отрезал Хью. – Давай, все, как тогда.

Генри вспомнил все, даже мурашки по спине, когда он сообразил, что кто-то стоит у него за спиной, что люди из деревни пришли за ним, а он все пропустил, пока вгрызался в крольчатину. Ладно, раз Хью хочется это повторить, он повторит. Генри уронил мясо на землю, схватил лук и одним гладким, коротким движением выпустил стрелу. Она вонзилась в дерево, за которым стоял Хью, и тот отпрянул.

– Ты, козел, выстрелил в меня, – прошипел Хью. – Я был просто ребенком. Если б не промахнулся...

– Я никогда не промахиваюсь, – отрезал Генри, поднимаясь на ноги. Все-таки Хью обладал поразительной способностью выводить его из себя. – Я хотел напугать. Сам испугался. Думал, ты пришел меня прикончить. Отец говорил, вы все увешаны оружием – мало ли, дети или нет. Давай, сваливай свое уродское поведение на то, что я сто лет назад в дерево рядом с тобой попал!

Генри шел к нему, а Хью отступал, его глаза сияли все сильнее, но не как сияют глаза счастливых людей, – сквозь них светилося то, что наполняло его теперь, оно разгоралось ярче, и Генри с усилием остановился.

– Ладно, остынь, – проговорил он как можно спокойнее, сам не зная, к кому именно обращается. – Я весь день потом боялся, что ваши за мной без всякого дня охоты придут. Чего не пришли, кстати?

Я не сказал отцу. Разревелся от страха и побежал домой. – Хью угрюмо выпятил челюсть, но глаза, к счастью, снова приобрели нормальный вид. – Никогда еще так быстро не бегал. Отец отлупил бы меня за то, что я полез сюда, вот я ему и сказал, что заснул в сарае. Он треснул меня, конечно, но рад был, что я вернулся: Сван заливался слезами, как сумасшедший, пока меня не было. Но знаешь, я это запомнил. Взгляд твой, и как ты зубы оскалил, когда промахнулся. Я в позапрошлом году начал ходить на охоту и все мечтал одолеть зверя, который чуть меня не

убил, тогда отец увидел бы, что я... Но ты никогда никому не даешь себя обыграть, да? Всегда найдешь способ победить. Как же я это ненавижу. – Хью пнул землю носком сапога. – Это было так важно, а ты даже не помнишь.

Генри сжал переносицу. Он точно знал: все зависит от того, как он ответит, но в голову лезла только ужасная глупость. И он решил довериться этой глупости – все лучше, чем стоять и молчать.

– Можешь снег вернуть обратно? – спросил он. – Я зиму люблю.

Хью нахмурился, но щелкнул пальцами, и все вокруг снова покрылось сугробами. Костер по-прежнему горел, отсветы пламени подергивались на снегу, но в этот странный бесцветный вечер даже они уже не казались красными. Генри нагнулся и зачерпнул снега. Раньше ему казалось, что прошлое исправить нельзя, но теперь он уже не был в этом уверен.

Генри медленно сжал снег, прихлопнул его обеими руками, – он видел, что дети в Хейверхилле делали вот так на ярмарке Зимнего дня. Хью следил за каждым его движением настороженно, как животное, но не двигался с места. Генри подбросил снежный шар на руке.

– Защищайся, – сказал он.

И швырнул шар в Хью. Тот увернулся, в глазах полыхнула злоба, но Генри покачал головой и шагнул ближе к нему, нагибаясь за новой порцией снега. Небо над ними было черным и мертвым, ни звезд, ни луны.

– У нас тут вообще-то последний вечер перед концом света, – сказал Генри, глядя, как начинают подергиваться руки и ноги Хью. – Сила откликается на опасность, защищает владельца – поверь, я знаю. Дашь ей убить единственного, с кем можно поиграть?

Он бросил еще один снежок, но тот не долетел – Хью с рычанием выбросил вперед руку, и Генри отшвырнуло назад. Снег смягчил падение, и Генри начал лепить новый снежок, не вставая с земли.

– Ты хотел подраться, так давай, – невозмутимо сказал он. – Давай, Хьюго.

– Ты издеваешься? – спросил Хью.

От удивления он даже не отбросил третий снежок, и тот попал ему прямо в рот. Генри встал и развел руками, показывая, что не защищается. Хью нагнулся, обеими руками злобно слепил снежок и запустил ему в лицо. Снежная крупа пушисто рассыпалась от удара, и Генри стряхнул ее, трогая языком нижнюю губу. Прекрасный, знакомый вкус снега. Он спрятался за дерево и оттуда ударил снежным шаром в Хью, тот ударил в ответ, скалясь, как хорек, – и вот теперь Генри понял, зачем дети это делают.

Это было весело, но не страшно, – восторг безопасной драки, когда костей никому не сломают: снег мягкий, бить не больно. Уши на шапке Хью развязались и смешно хлопали его по щекам, когда он размахивался, сам Хью покраснел от злости и швырялся снегом так, будто от этого его жизнь зависела. Вид у него был такой человеческий, что Генри чуть не засмеялся.

– Все, не могу больше. – Генри, задыхаясь, упал спиной в снег. Хью теперь, похоже, вообще никогда не уставал. – Сдаюсь. Ты выиграл.

Хью замер, держа снежок в поднятой руке.

– Извини, что тогда, после Сердца, не пошел тебя искать. Увлёкся всякими делами, – сказал Генри, глядя на него снизу вверх. – Больше не подведу, буду тут до десяти четырнадцати. Ну, то есть не обязательно именно тут, не в этом сугробе, но...

– Я понял.

Хью покачал головой так, будто ушам своим не верит, выпустил снежок и упал рядом с Генри.

– Перси приручил силу, и ты сможешь, – пробормотал Генри, моргая в черное небо. – Ты вечно тянешь все к себе, попробуй хоть немного отдать обратно. Можешь вернуть звезды? И цвета заодно? Просто отпусти, увидишь, это приятно.

Хью мрачно качнул головой и зажмурился. Глаза задергались под веками, а потом он поднял руку и медленно щелкнул пальцами.

Звезды загорелись все разом: яркие, бледные, вечерние, утренние, все до единой теперь сияли в полную силу, и небо переливалось пульсирующим нежным светом. А вслед за ним все вокруг наполнилось цветами: снег стал лиловым, голубоватым, искристым, стволы сосен – ореховыми, верхушки – темно-зелеными. Генри сглотнул. Он и забыл, сколько оттенков в зимнем дне, когда он не испорчен жадностью неумелого волшебника.

– Ух ты, – выдохнул он.

– Да уж. Ух ты, – пробормотал Хью, недоверчиво потирая ребра. – Странно, она успокоилась. Вдруг я правда смогу с ней договориться?

– Сможешь. У нас полно времени.

– Одиннадцать часов.

Целых одиннадцать часов, – согласился Генри. – Слушай, а ты можешь принять свой нормальный вид? На этом фальшивом красавце твоя детская шапка смотрится так себе.

Хью стянул шапку, но внешность не изменил.

– Да брось, – покачал головой Генри, чувствуя, как снег забивается за

воротник. – Ты хотел девчонок впечатлять? Уж прости, тебе сейчас не до того.

Генри на секунду отвлекся посмотреть на звезды, а когда повернулся обратно, Хью уже был в своем нормальном виде: невысокий щуплый парнишка с бесцветными волосами. Генри это внезапно успокоило: жизнь, похоже, возвращалась в нормальное русло.

– Слушай, я забыл спросить. – Генри приподнялся на локте. – У каждого теперь есть дар, так? А какой у тебя? Ты же все видишь.

– Кроме своего дара, – покачал головой Хью, и даже его тонкий голос уже не казался таким уж неприятным; возможно, потому, что обладатель больше не выглядел злобным тупицей. – Сразу попытался, но не могу его разглядеть, в голове все будто огнем полыхает.

– Если уж даже Сван нашел свой, и ты найдешь, – успокоил Генри.

Хью хмыкнул, будто услышал забавную шутку.

– У Свана нет дара поэта. Он кожевник. Его дар – разделять животных и шить из них отличные сумки. Вот уж это я вижу отлично.

– Но он же...

– Я дал ему дар поэта, – пожал плечами Хью. – Перегнул палку, убил его девчонку, захотелось его порадовать. Он делал бы отличные сумки, но не верю, что они сделали бы его счастливым. Не говори ему, не хочу выглядеть тряпкой.

Генри долго молчал, обдумывая это.

– Хочешь, скажу тебе, что будет дальше? – спросил он в странном приступе вдохновения. – Мы переживем завтрашнее утро. В десять четырнадцать ничего не случится, ты научишься отпускать силу, исправишь все, что испортил, и мы уберем ее за Предел. – Хью завороченно слушал, и Генри продолжил: – А потом извинишься перед Сваном, вы помиритесь и снова будете распевать песни – стихов у него теперь полно. И не вернетесь в Хейверхилл. Странник говорит, что...

Хью удивленно посмотрел на него.

– Ты что, еще не понял, кто он такой? – не поверил он. Генри вопросительно поднял брови, но Хью отвернулся и покачал головой. – Неважно, забудь. Продолжай. Что он там говорит?

– Что в пути ты обретаешь перемены. Поэтому вы со Сваном поедете путешествовать. Мир будет меняться, ты найдешь свой дар и найдешь место, где будешь нужен. А однажды, много лет спустя, мы случайно встретимся где-нибудь на маленьком постоялом дворе. Сядем у камина, выпьем чаю, и я скажу: «Помнишь, у тебя была сила Барса?» И ты скажешь: «Да, странные были времена». И все вот это уже не будет иметь

значения. – Генри неопределенно обвел рукой поляну. – А потом каждый пойдет своей дорогой.

Хью смотрел на него таким взглядом, что Генри заговорил снова:

– Королевство такое большое, есть что посмотреть. Знаешь, я видел в доме Странника карту, и на ней было одно место, Край изобилия. Там деревья с золотыми листьями, а среди них висят громадные плоды, троих накормить можно. Вот бы там побывать.

Хью мягко фыркнул, держась за висок, будто у него опять заболела голова.

– Ты что, сказку не помнишь?

– Не читал.

– А, я и забыл, какой ты темный. Ладно, слушай. В давние времена жил-был один мастер, и был у него роскошный дар: создавать вещи из ничего. – Генри поерзал. Лежать было холодно, но Хью прав: в такие времена вряд ли его прикончит простуда. – Это один из самых лучших и самых редких даров, вроде дара исцеления. Не в каждом поколении бывал хоть один такой человек. Поэтому эти чудесные создания были избалованными, вроде нашего принца, – привыкли, что все от них в восторге и целуют при встрече в обе щечки.

– В сказке так и было написано? – не выдержал Генри.

– Нет, я своими словами. Заткнись и не перебивай. Так вот, нашему герою везде были рады, все его любили, а это, как мы знаем, частенько превращает людей в уродов. – Генри усмехнулся с закрытыми глазами. Его завораживало, что Хью так связно говорит: прочитанные книги явно пошли ему на пользу. – Ему всего было мало: благодарности, восхищения, богатства, он мечтал создать что-нибудь такое, чтобы потомкам прямо крышу сорвало. В общем, мастер отыскал самое дикое и неплодородное место в королевстве и наполнил его прекрасными растениями, устроил там прямо чудесный сад: огромные фрукты, невиданные сладкие ягоды, золотые листья.

Хью сел, обхватил колени и положил на них подбородок. Генри лениво приоткрыл один глаз и закрыл его снова. Он любил слушать истории.

– Но дар таков, каков мастер, и, поскольку сад был плодом его раздутой гордыни, этот плод получился отравленным. Все, что он вырастил, оказалось наполнено ядом. По легенде, он увидел, как птицы клюют ягоды и падают замертво, а в другой версии он взял с собой сына, тот попробовал чудесные фрукты и отравился насмерть. И тогда мастер от горя и задетого самолюбия поселился в своем чудесном саду и умер там от голода. Конец.

– Есть хоть одна сказка, где все жили долго и счастливо, никто не умер и не был проклят? – пробормотал Генри.

А потом встал, отряхнулся от снега и сел на бревно. Костер по-прежнему горел, хотя дров в него никто не подбрасывал.

– Ладно, сейчас сами такую сделаем. Давай, подкрадись еще раз. Повтори.

И Хью понял его. Он натянул свою несчастную шапку и отошел обратно к дереву, из которого по-прежнему торчала стрела. Генри пару секунд любовался оттенками красного в глубине костра, а потом протянул руку в сторону лука, но не тронул его.

– Эй, ты! Из деревни? – грубо сказал он, оборачиваясь. – Погреться хочешь? Только руки держи на виду.

Хью медленно, с опаской подошел.

– Садись, – сказал Генри и показал на бревно рядом с собой. – Мясо поджарил. Будешь?

Он поднял с земли ветку с остатками мяса и протянул Хью. Тот взял и как-то заторможенно начал есть. Он наверняка не привык есть мясо без соли, хотя все равно, кажется, не чувствовал ни запаха, ни вкуса, просто послушно жевал. Но в глазах у него появилось что-то незнакомое – бледное подобие радости и удовольствия.

– Давай домой? – спросил Генри, когда Хью доел мясо и вытер руки снегом. – Ты-то холода не чувствуешь, а у меня уже зубы стучат.

Они тут же оказались в комнате, и Генри мимоходом заметил: Хью, в отличие от волшебников, даже прикасаться не надо, чтобы куда-то тебя перенести, достаточно только захотеть.

В хижине было не намного теплее, но Хью, к счастью, сообразил: щелкнул пальцами, и в камине загорелся огонь. За окнами все снова стало черно-белым, но в комнату внезапно вернулись цвета. Генри с облегчением выдохнул. Хью явно делал успехи – глядишь, к утру и животных из Хейверхилла согласится расколдовать.

– Ну и бардак ты развел, – покачал головой Генри, снимая с кресла стопку рубашек и букет сухих цветов.

Рубашек было десять, цветы он считать не стал, но не сомневался, что их будет на четыре больше. Генри упал в старое кресло с неудобно торчащими пружинами: у них с отцом ничего такого не было, откуда Хью притащил это старье?

– В шахматы умеешь играть? – Хью покачал головой, и Генри прибавил: – Ничего, я научу. Это здорово успокаивает. Можешь достать нам доску и фигуры?

– Я могу все, – с каменным лицом сказал Хью.

Он щелкнул пальцами, и на стол, прямо поверх книг, носков и всего прочего, грохнулась шахматная доска, по сравнению с которой та, на которой они играли с Эдвардом, казалась прямо-таки убогой. Эта, кажется, была из цельного куска мрамора, и Генри благоразумно решил не спрашивать, где Хью ее взял. Рядом тяжело брякнулся узелок с фигурами, – очевидно, тоже мраморными, судя по тому, что под их весом треснула тарелка.

– Можешь куда-нибудь это все убрать? – Генри кивнул на груды вещей, которыми был завален стол. Хью одним движением скинул их со стола, но на пол ничего не упало: они просто растворились в воздухе. – А, ну или так. За белых или за черных?

– За белых, – сказал Хью. – И только попробуй хоть слово сказать по этому поводу.

Генри расставил фигуры – не просто мраморные, а украшенные здоровенными драгоценными камнями – и объяснил правила, решив не уточнять, что сам играл всего однажды. Огонь уютно потрескивал в очаге, и внезапно Генри почувствовал то, о чем говорил Странник: покой в сердце бури. Он сидел в убежище своего врага и ждал, когда наступит десять четырнадцать и произойдет какой-то неведомый кошмар, или не произойдет, потому что Хью, вполне возможно, просто рехнулся. Они оба были на самом дне, падать некуда, но в таком положении любая хорошая новость становится просто великолепной. За распахнутыми ставнями висели белые звезды – уже не разноцветные, но они были, и от этого ночь разом перестала казаться страшной.

Они сыграли несколько партий, лениво передвигая фигуры. Где-то далеко небо тронула светлая полоса. Приближался рассвет.

А потом в дверь постучали.

Генри подскочил так, что чуть язык не прикусил.

– Ты кого-то ждешь?

– Нет, – протянул Хью и всмотрелся во что-то далекое. Лоб у него напряженно сморщился, а потом расправился. – Они принесли подарки. Угрозы нет.

Он посмотрел в стену, и вдруг глаза у него расширились, словно он прямо сквозь бревна увидел что-то замечательное. Хью выскочил в прихожую и распахнул дверь.

За ней стоял Сван – красный от мороза, мрачный и серьезный.

– Как ты меня нашел? – спросил Хью, судорожно вцепившись в

притолоку.

– Догадался. – Сван криво, неловко улыбнулся. – Я зайду?

Хью подозрительно выглянул в дверной проем. Генри шагнул к окну – он уже привык к ноющему чувству постоянного присутствия живых существ и не обратил внимания, что кто-то приближается к дому. Видимо, у Хью было то же самое – слишком увлекся игрой.

Вдалеке, ниже по склону, выстроились пять человек с яркими коробками в руках. Они стояли, пристыженно опустив головы. Генри нахмурился, пытаясь сосредоточиться. У него в голове мелькнуло что-то мимолетное и тревожное, как отголосок полузабытого сна.

– Только не делай с ними ничего. Король просто хочет тебя задобрить, передал всякого золота и прочего, – торопливо сказал Сван. – Можно с тобой поговорить?

Хью посторонился, и Сван, захлопнув за собой дверь, пошел вслед за ним в комнату. При виде Генри Сван удивленно вытаращил глаза, но тут же развернулся к Хью.

– Я пришел помириться. – Сван остановился около двери. – Ты, наверное, не хотел убивать Мойру, да? Это ведь была ошибка?

Хью дергано кивнул.

– Ты меня разозлил, – пробормотал он. – Извини, я не смогу ее оживить, если ты за этим пришел. Мертвое вернуть невозможно.

Сван глубоко, прерывисто вздохнул.

– Ладно. Ладно, я понял. Но мы ведь все равно братья. Я по тебе скучал. Обнимемся?

Он неловко развел руки. Хью растерянно заморгал, потом обнял его. Они постояли так пару минут, потом Сван отстранился.

– А чай у тебя тут есть? – спросил Сван и блекло, через силу улыбнулся.

– Конечно. Да. Сейчас, – засуетился Хью.

Он спихнул со стола шахматы, и те бесследно растворились в воздухе. Хью зажмурился, и на пустом столе появилась посуда, печенье, еще какая-то еда. Он насыпал заварку в серебряный чайник и взялся за кувшин с кипятком. Сван запустил руку в карман, и Генри судорожно сжал край подоконника. Он вспомнил.

«Нет, – подумал он, холодея. – Не может этого быть».

Наверное, он думал слишком громко или испугался слишком явно: Хью на секунду оторвался от приготовления чая, встретился с ним взглядом, и его лицо застыло, глаза забегали, словно он что-то читал.

– Это ты, – медленно проговорил он.

– Сван, не надо, – выдохнул Генри, но тот уже вытащил из кармана что-то мягкое, залившее комнату золотистым сиянием, и набросил на Хью.

Тот стоял к Свану спиной и не успел среагировать, а когда дернулся, было уже поздно. Невесомая золотая сеть стала толще, будто из шелка мгновенно превратилась в свинец, под ее весом Хью осел на пол, и все в комнате разом потеряло цвет, даже волшебная сеть.

Сван выскочил из дома, вопя во весь голос, но у Генри так звенело в ушах, что он не разобрал ни слова. Хью бился на полу, пытаясь спихнуть с себя сеть, и ничего не получалось, а Сван вдруг забежал обратно в дом и потянул застывшего Генри за собой.

– Быстрее, идем! – пронзительно крикнул он.

Генри не двинулся с места, и Сван опять скрылся. За стенами все пришло в движение. Несколько пар ног промчались по глубокому снегу, раздались взбудораженные голоса, потом запахло маслом и гарью. Хью рычал и драл сеть, но та придавила его к полу так, что он даже перевернуться не мог, барахтался на животе, как упал. В распахнутые окна полетела горящая пакля, щедро облитая маслом, и Генри опустился на пол рядом с Хью. Тот, кое-как изогнув голову, перевел на него взгляд, и по этому взгляду Генри понял: Хью увидел, чей это был план, увидел за секунду до того, как все произошло.

– Я тогда еще не знал, – выдохнул Генри, сам не понимая, что хочет сказать: не знал тебя, не знал себя, не знал, что нельзя так поступать даже с врагами?

Он вспомнил, что сказал утром в доме Тиса. Вспомнил каждое слово.

– Главное – победить, верно? Неважно как. Я не хочу использовать дар, но есть другой способ: заманить гада в ловушку. Освальд переплавлял волшебные предметы в напиток подчинения, Тис точно так же создал меч, убивший Сиварда. Что, если мы сделаем то же самое? Расплавим целую кучу предметов, да хоть половину казны, и укрепим в них сеть – я не знаю, как это делается, нужна будет помощь Джоанны или Освальда, – но уверен, это возможно. В сети будет столько волшебства, что хоть ненадолго она и такого, как Хью, обездвигит, – думаю, даже Барса можно было бы так удержать. Вопрос в том, как набросить ее на Хью. Он не подпустит к себе никого, кроме Свана, и ни к кому другому спиной не повернется. Надо придумать способ заманить Хью в закрытое пространство, а потом Сван придет, отвлечет его разговором, сделает вид, что пришел мириться, и набросит сеть. Шаг следующий: со Сваном придут люди, которые изобразят, что явились с подарками от короля. Пусть изо всех сил думают

об этой лжи, чтобы скрыть свои намерения, и тогда он не почувствует опасности. Но только вместо подарков в коробках у них будет пакля, мох, кора, старые тряпки – все, что хорошо горит. И когда Сван сделает то, что надо, они подожгут помещение, где остался Хью. Надолго сеть его, думаю, не удержит, но он будет растерян, потратит силы на то, чтобы освободиться, и сгорит вместе с домом, сараем или куда там удастся его заманить. Он это заслужил.

– Не хотел бы я быть твоим врагом, – выдавил Джетт, когда это услышал.

– Одолеть врага, потеряв при этом человеческое достоинство, – это не победа, – сказал Перси. – Нет, Генри. Это жестокий план, а ты никогда не был жестоким.

И теперь Генри задыхался от дыма, думая о том, что прошлое всегда тебя догонит, даже когда кажется, что ты от него избавился. Он ведь отказался от этого плана, да и придумал это еще до рокировки, в нынешней версии реальности такого разговора вообще не было, так почему, почему все это происходит?

Хью оскалил зубы и рванулся к нему, но тут же упал обратно. Генри прижал ко рту рукав, стараясь дышать поверхностно и редко. Дом горел: снаружи продолжали кидать горящие вещи, облитые маслом, и, попадая в старинное барахло, которым Хью набил комнату, они вспыхивали только ярче. Генри попытался стащить с Хью сеть, но та была слишком тяжелая, звенела от волшебства, – похоже, они и правда переплавили кучу волшебных предметов, чтобы сделать ее. И вот теперь Генри понял, что Хью кричит не только от страха – сеть обжигала даже сквозь перчатку.

Он попытался выволочь Хью наружу вместе с ней – там разберутся, – но ничего не вышло. Хью выл и метался, языки пламени плясали по всей комнате, и это уже было жутко, но тут оказалось, что может быть и еще хуже. Другой огонь, тот, который мирно дремал у Генри в груди всю ночь, проснулся и почувствовал, что тело в опасности, что легкие стискиваются от дыма, а пламя уже почти добралось до одежды. И тогда огонь сделал то, что делал при любой опасности: попытался взять дело в свои руки.

Генри стиснул кулаки. Ему нужна была еще минутка на размышления, еще хотя бы одна минута, но внутри все уже заволакивало жаркой алой пеленой, и собственные мысли начали куда-то проваливаться, будто тонули в болоте. Огонь собирался немедленно покинуть помещение, его не заботили такие мелочи, как угрызения совести, и Генри изо всех сил сосредоточился, пытаясь вернуть мысли на место.

– Нет. Не сейчас, – промычал он, вцепившись зубами в губу, – собственная боль хоть немного отвлекала. – Нет. Не смей. Дай мне еще...

Хью низко, на одной ноте, застонал, упираясь лбом в тлеющий пол. Они оба были сейчас похожи на сумасшедших, но Генри все равно было, как это выглядит, – он пытался взять себя в руки, а огню было наплевать на его метания, и они были как два волка, которые тянут к себе один кусок мяса. В конце концов Генри почувствовал, как его собственные ноги выпрямляются, как он встает с пола и идет к двери. Перед глазами все плыло от жара, казалось, сам воздух колебался, изламывался. А потом Хью заговорил.

– Пожалуйста, – безнадежно прохрипел он, больше не пытаясь подняться. – Пожалуйста, Генри, я исправлюсь, я смогу ее удержать, она меня изнутри сейчас сожрет, но я смогу ее победить, я знаю, я смогу, я не хочу так умирать, мне страшно, мне так страшно, прошу тебя!

Через каждые несколько слов он заходилась кашлем, так что фраза растянулась надолго. Генри заставил себя стоять на месте. Сил на это уходила прорва, но на душе у него было так паршиво, что это подняло его волю до каких-то недостижимых прежде высот.

Странная штука – решения. На самом деле принимаешь их задолго до того, как отважишься сказать об этом даже самому себе. Генри с усилием развернулся и пошел назад. Каждый шаг давался тяжело, будто он шел сквозь воду. Да, он ошибся, но если это такая сказка, в которой злодеев сжигают заживо, то чтоб ей провалиться.

Генри рухнул на пол рядом с хрипящим Хью. Тот уже не говорил ни слова, только подергивался, свернувшись в клубок. Генри снял перчатку, коснулся сети голой рукой и чуть не вскрикнул от ожога. Сеть сгорела в момент, и Генри даже испытал нечто похожее на гордость: да, он мастер ужасных решений, зато в исполнение их приводит быстро и мощно.

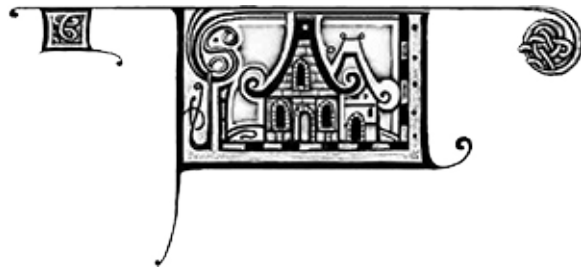
– Не удержишься – я тебя сам убью, – пообещал он, сомневаясь, что Хью разобрал хоть слово: от жара горло словно плавилось, легкие тлели, как угли. – Не смей поддаваться, не смей, не...

Хью схватил его обеими руками за плечи и уперся головой ему в грудь. Генри хотел сказать, что пора отсюда выбираться, но в конце концов выразил свою мысль хрипом, кашлем и попыткой поднять Хью с пола. Ничего не вышло: тот внезапно начал трястись, уже не от кашля, а как-то нехорошо, будто у него приступ. Руки у Хью разжались, он поднял взгляд – и Генри сглотнул, хотя сглатывать было нечего, вся слюна давно пересохла.

Глаза Хью, наполненные облегчением, благодарностью и ужасом, начало заволакивать золотым. Все в комнате было совершенно бесцветным,

но эти глаза сияли ярче и ярче, пока в них не стало видно ни радужки, ни зрачков, – только жидкое золото. Генри сел на тлеющий пол, но даже не почувствовал ожога. То, что все еще выглядело как Хью, но определенно им уже не являлось, скользнуло по Генри равнодушным взглядом и поднялось на ноги. Огонь в груди у Генри потрясенно зашипел и забился глубже, как зверь, который признает власть более сильного.

«Ну, все», – успел подумать Генри. Он не верил, что мог так просчитаться, но поверить пришлось. Самый сильный волшебник королевства открыл рот и закричал: оглушительно, на одной ноте, и от этого крика полыхающие стены дома упали наружу легко, будто картонные. Послышался ужасный треск – стонущий, многоголосый, – и вековые сосны на склоне начали падать, их сносило волной звука. Генри попытался уронить Хью на пол, но тот сделал неуловимое движение рукой, и Генри отшвырнуло на несколько метров, на подтаявший от пожара снег около дома. Последние остатки цвета исчезли, мир почернел, будто обуглился, сосны валялись, цепляясь друг за друга, и только Хью теперь сиял, как солнце. Генри лежал на снегу, не чувствуя ни капли ярости: у огня было прекрасное чутье на опасность, и сейчас он совершенно ясно понимал: стоит дернуться, телу свернут шею, на этом все и закончится. Хью медленным, деревянным движением повернулся к Генри, но тот вжался щекой в землю, пытаясь стать незаметным и покорным, не угрожать даже взглядом. Хью еще несколько секунд смотрел на него, а потом отвернулся, раскинул руки – и исчез.

Глава 9

Странник

Генри нетвердо поднялся и долго шарил среди тлеющих обломков, пытаясь найти свою перчатку. Рядом кто-то испуганно, страшно кричал, и Генри поежился от этого звука, но поисков не прервал, он не мог сосредоточиться на двух задачах разом, в голове все будто на куски разлетелось, и даже отыскав перчатку под рухнувшей потолочной балкой, он долго смотрел на нее, прежде чем надеть обратно. Пот катился по лицу, и Генри медленно стащил куртку и бросил ее на снег. Она теперь выглядела одинаковой с обеих сторон – красного цвета больше не существовало. Зеленого тоже: когда Генри наконец-то нашел в себе силы оглядеться и понять, кто кричит, он увидел, что это посланники, вот только их мундиры теперь казались черными. Те самые пять человек, которые стояли под склоном с подарками, те самые, которые швыряли в дом горящую паклю.

Двоих придавило упавшими деревьями, остальные трое барахтались среди сосновых веток и кричали, кажется, просто на общей волне ужаса: кроме царапин, никаких повреждений Генри на них не разглядел. Он уже надеялся, что на этом плохие новости закончатся, но нет, куда там. Во-первых, он разглядел Свана, который свернулся в сосновых ветках и выл,

как ребенок, обхватив самого себя за локти и поглаживая их, словно пытался успокоить самого себя. Во-вторых, ниже по склону в снегу барахтались двое, которых Генри совершенно не ожидал здесь увидеть. Эдвард сидел на коленях, сжимая обеими руками голову, а Джетт носился вокруг и явно не мог решить: сбежать, помочь кому-нибудь или просто сесть на снег и голосить вместе со всеми.

Их вид немного вывел Генри из оцепенения, и он пошел к ним, едва не путаясь в собственных ногах.

– Ты должен вылечить посланников, – настойчиво сказал он. – Тебе станет лучше.

Он сразу понял, отчего Эдвард стонет и мотает головой – сам он был в полном порядке, просто, как обычно, чувствовал боль всех вокруг. Но Эдвард взглянул на него так, будто с ним заговорило гигантское насекомое, – дернулся всем телом, пытаясь отползти.

– Это ты, – выдавил он. – Ты был с ним в доме.

– И снег под твоей рукой весь сгорел, мы видели, – поддакнул Джетт, держась от Генри в добром десятке шагов. – Ты парень с даром огня, про которого Сван говорил. Я тебя помню, в городе встречались. Перчатки у тебя, значит, не ради моды.

– Да уж, – процедил Эдвард. Генри впервые видел, чтобы эти двое хоть в чем-то соглашались. – Это ты уничтожил сеть, да? Ты с ним заодно или просто чокнутый?

– Все, что он забрал, умерло бы вместе с ним, – твердо сказал Генри. Он про это не подумал ни секунды, но причина была хорошая: Джетт с Эдвардом переглянулись, и злой страх на их лицах хоть немного побледнел. – Волшебники умерли бы, существа – тоже, краски бы не вернулись.

– Зато королевство бы выжило, – резко произнес у Генри за спиной знакомый голос. – А теперь мы все обречены.

Ну конечно, волшебники не могут краски не сгущать. Генри мрачно посмотрел на Алфорда – тот сердито шел к ним через снег. Вид у него был измученный.

– Так. – Генри с силой потер лицо. – Для начала расскажите, как такая идея вам в голову пришла.

– Не должны мы тебе ничего рассказывать, – вызверился Эдвард.

– Тогда вылечи людей. У одного сломаны ноги и по голове приложило, второй плечо раздробил. Никто не умирает, – пояснил Генри.

Но Эдвард только головой замотал.

– Откуда ты знаешь про мой... – Он скривился. – Я никому не говорил.

Ненавижу эту дрянь и лечить никого не буду. Я один раз попробовал это сделать и еле встал потом. Нет. Ни за что.

Генри шагнул к нему, Эдвард сжался, и тут между ними вклинился Джетт. От его фальшивой широкой улыбки Генри стало не по себе – обычно Джетт берег ее для опасных чужаков.

– Прости, приятель, – легким тоном сказал Джетт. – Ты совершенно прав, но можно мне его на минутку?

Он оттащил Эдварда в сторону и зашептал ему на ухо – тихо, но слух у Генри был отличный.

– Слушайте, ваше высочество. Не скажу, что я ваш поклонник номер один, но вы мне денег должны, так что не хочу, чтоб вы ноги протянули. С этим парнем лучше не спорить, вы на него посмотрите, – глаза дикие, слюна изо рта капает. Тихо сделайте, что он говорит, и скрываемся отсюда.

Генри вытер лицо. Подбородок был весь мокрый, а он даже не замечал: огонь так рвался изнутри, что он свое тело едва чувствовал.

«Прости, я держусь, Генри, – пробормотал огонь, впервые, кажется, назвав его по имени. – Правда держусь, но это трудно. Ты очень зол, я очень испуган, это плохой расклад, обычно у нас наоборот».

Стараясь держаться подальше от Генри, Эдвард добрел до посланников и по очереди накрыл рукой их раны. На лбу у него выступила испарина, он морщился и, кажется, сам был в ужасе от того, что делает. Посланникам он в глаза не смотрел, закончил и сразу отступил.

– Твоя мать гордилась бы тобой. Она лекарь, – выпалил Генри прежде, чем успел себя остановить. – Я однажды ее встретил. Она жива и здорова. Лечит людей, только не так, как ты, не прикосновением, а просто.

Рот у Эдварда приоткрылся, и Генри продолжил.

– Тебе станет лучше. Скоро. – Он сам не понимал, зачем все это говорит, ему просто хотелось согнать с лица Эдварда страх. – Силы восстановятся, потерпи.

– Откуда тебе знать, дикарь? – насторожился Эдвард. – Что ты так странно смотришь?

– А нам, кстати, уже пора. – Джетт крепко взял Эдварда за локоть и оттянул в сторону. – Так, толстяк, за мной. И не реви уже, без тебя тошно.

Сван как раз плелся к ним, размазывая слезы по лицу. Эдвард при виде его чуть скривил губы – общество Джетта он еще кое-как терпел, но рядом со вторым простолюдином стоять не хотел и незаметно шагнул подальше. Впрочем, Сван на него вообще не смотрел – рыдал так, будто у него сердце разбивалось.

– Как вы могли так поступить? – простонал Генри. – Так, никто никуда

не идет. Мне надо подумать, что делать, а вы рассказывайте.

Джетт и Эдвард переглянулись и, кажется, мысленно согласились друг с другом: вид у Генри такой, что спорить – себе дороже.

– Мы сделали все, как было сказано в пророчестве, – наконец сказал Эдвард. – Должно было сработать, но ты...

– Стой. Какое пророчество?

Эдвард полез в карман и извлек мелко исписанную картонку, при виде которой сердце Генри ухнуло вниз. Он понял, как все произошло.

– Сначала во дворце появился Алфорд. Прямо из воздуха, – с опаской начал Эдвард. – Много бормотал, но мы в конце концов поняли, что он был заточен в теле чудовища Мертвого озера, а потом его вдруг расколдовал какой-то парень. Отец мастеров был весь в тине, я хотел дать ему платок, полез в карман – и нашел там вот эту записку. Я ее раньше в глаза не видел, но там было все о том, как победить Хью. В общем, мы сразу поняли: это какие-то великие силы подбросили нам пророчество, чтобы мы спасли королевство.

Генри взял пророчество у Эдварда из рук и пару секунд разглядывал собственный почерк: какой же придурок, прямо по пунктам все расписал, даже легко воспламеняющиеся материалы для удачного поджога перечислил! Написанное не поддается рокировке, слова так легко не исчезают. История Олдуса сохранилась, записка отца сохранилась, а значит, и это – тоже. Генри разорвал записку на клочки и выкинул, несмотря на протестующий вопль Эдварда:

– Это достояние королевства, его нужно было сохранить! Да как ты...

– Что. Было. Дальше, – процедил Генри, и со страху Эдвард ответил:

– Алфорд как с цепи сорвался, когда почувствовал, что Барса больше не существует, и узнал, кто в этом виноват. Сказал, что поможет нам во всем. Мне не хотелось самому всем этим заниматься, но папа сказал, что я принц, на мне лежит ответственность, и все такое. – Он поморщился. – В общем, я собрал посланников.

– А я подслушал разговоры посланников, влез во дворец и предложил свои услуги, – вставил Джетт. – Сказал: буду очень полезным, если заплатите мне три золотых. Я опытный герой, в поход ходил, Сердце принес.

– Я согласился, – церемонно сказал Эдвард. Кажется, ему так не хотелось идти, что он рад был любой компании. – Одна загвоздка: в пророчестве говорилось про брата Хью, а мы не знали, где его искать. Но Алфорд очень долго делал волшебную сеть – не хочу даже вспоминать, какие убытки это нанесло казне, – а когда мы уже собрались отправиться,

Сван вдруг сам явился. Приехал в город со своим отцом, искал Джетта, тряс какими-то обгорелыми цветочками. – Эдвард неприязненно покосился на Свана. – Мы прихватили его с собой, научили, что надо делать. Сказали, что от него судьба королевства зависит.

Генри хмуро кивнул. Сван всегда слушался любого, кто давал ему распоряжения.

– Короче, Алфорд нас перенес. Выяснил каким-то своим волшебным способом, где искать Хью. – Джетт покосился на Алфорда, неподвижно застывшего рядом с поваленным деревом, и понизил голос. – Он уже, по моему, совсем плохой – будто тает с тех пор, как Хью начал силу отовсюду тянуть. Боюсь, недолго ему осталось. Эй, господин волшебник! Что нам теперь делать?

Алфорд развернулся к ним. Вид у него и правда был такой, будто он сейчас ляжет и помрет.

– До вас еще не дошло? – отрывисто спросил он. – Ничего. Ничего больше не сделать. – Алфорд посмотрел на Генри, и от этого взгляда тот едва не втянул голову в плечи. – Это была последняя надежда, и ты ее уничтожил.

– Нет, – помотал головой Генри. – Слушайте, нет. Нужно просто всем вместе подумать, и мы найдем способ победить, всегда есть выход, всегда!

– Не в этот раз, – жестко сказал Алфорд. – Все, что создал и защищал Барс, умирает, и это из-за тебя, понимаешь? К тебе уже приходил Странник, я видел тебя с ним. Что, решил и остальных за собой потянуть?

– При чем тут Странник? – нахмурился Генри.

– При том, что его видят только те, кто скоро умрет, – отрезал Алфорд. – Ну, и еще существа и волшебники, мы вообще вне человеческих понятий о жизни и смерти. А он – и есть смерть.

Генри выдавил смешок.

– Что ты несешь? Странник – волшебник, его в дороге встречают, он...

Алфорд в два шага подошел к нему, схватил за плечи и встряхнул, как котенка.

– В переносном смысле! – отчаянно выпалил он. – «В пути ты обретаешь перемены, путешествие важнее места назначения» – это все о том, что жизнь важна сама по себе, а место назначения у всех одно. Ты был обречен с того момента, как он тебе показался, но остальных-то ты зачем угробил? Их всех! – Алфорд ткнул в Эдварда, Свана, сбившихся вместе посланников. – Хью теперь не победить. Он уже не человек, сила полностью подчинила его себе, и в ближайшие часы она высосет все королевство без остатка.

– Так что я теперь... Я даже маму не увижу? – пролепетал Джетт.

Алфорд посмотрел на него, обвел взглядом остальных – и, кажется, впервые сообразил, как громко кричал о том, что все они сейчас умрут.

– Мне жаль, друзья, – мягко сказал он. – Я перенесу вас к вашим семьям, чтобы каждый ждал конца дома, со своими. На это у меня сил еще хватит. – Он тоскливо огляделся. – Правда, отсюда я перемещаться не могу: Хью уничтожил тут все волшебство подчистую, надо отойти хотя бы на километр. Пойдемте?

Он зашагал вниз по склону, и все потянулись за ним, как оглушенные.

– Стойте! – хрипло позвал Генри. Все обернулись к нему враждебно и отстраненно, словно он уже был далеко-далеко от них. – Подождите!

– Не вздумай за нами идти, – устало предупредил Эдвард. – Только попробуй.

– Можно кое-что спросить? Только один вопрос, – выдавил Генри. – Который час?

Все переглянулись, и один из посланников достал круглую металлическую коробочку.

– Шесть тридцать пять, – сказал он, заглянув в нее.

Генри кивнул и опустился на поваленное дерево. Голоса и шаги удалялись все дальше, пока не стихли совсем. Кажется, Хью был прав насчет десяти четырнадцати – осталось меньше четырех часов, а потом все закончится, так какая теперь разница, где быть? Он сполз с бревна и растянулся на мокром снегу, который теперь казался серым, – то ли от пепла, то ли от того, что белый цвет тоже ушел. Не обязательно отсюда куда-то перебираться. Умереть на пепелище своего дома, в лесу, где тебя десять лет пытались убить, – звучит справедливо.

– Очень жаль. Красивый был мир, – произнес у него за спиной знакомый голос.

Похоже, Странник и правда был куда сильнее других волшебников, раз смог перенестись сюда, когда Алфорд сказал, что это невозможно.

– Уйди, – бесцветно сказал Генри. – Я не хочу тебя видеть.

Странник вздохнул и сел на поваленное дерево. Выглядел он не лучше, чем Алфорд, но Генри больше не было его жаль.

– Прости, – негромко сказал Странник, потирая ладони. – Я бы очень хотел, чтобы это была история того, как ты получил все, что хотел, и жил долго и счастливо, но мой несдержанный друг Алфорд прав: это – история твоей смерти.

– Убирайся, – процедил Генри, жалея, что нет сил встать и дать ему пинка. – Мне все равно.

Странник долго молчал, а потом заговорил:

– Помнишь историю о женщине, которая сбежала из своего большого красивого дома после гибели сына? Я убрал из нее одну деталь. Перси ведь говорил тебе: есть варианты будущего, у каждого положения десятки возможных исходов.

– Проваливай отсюда со своими историями.

В большинстве исходов эта женщина убивала себя – прекрасный нежный цветок, который воспитание не готовило для трудных времен, – как ни в чем не бывало продолжил Странник. – Старший сын находил ее тело и понимал, что виноват и в этом тоже, он ведь не присмотрел за братом, а теперь и за ней. У детей обостренное чувство ответственности за близких, они всегда считают себя виноватыми, когда рушится их семья. Тот мальчик тоже так думал – и в большинстве вариантов будущего постепенно сходил с ума. По-настоящему. И когда много лет спустя его брат возвращался живой и здоровый, он находил только руины своей семьи, и там уже нечего было спасать. Но мать исчезла, и чувство ответственности за все, что осталось, победило предрасположенность старшего принца к душевному нездоровью. Я предотвратил важную деталь этой пьесы – смерть королевы. Те, кто убивает себя, никогда не думают о тех, кто остается.

Генри резко перевернулся на живот.

– Заткнись, – процедил он. – Не заговаривай мне зубы. Пришел убить, так убивай.

– Ну что ты, я никого не убиваю, – поднял брови Странник, и Генри выть захотелось от того, каким родным и знакомым он казался. Наверное, дело совсем плохо, когда ты рад видеть даже собственную смерть. – Я проводник. Сопровождаю хороших людей на ту сторону, помогаю им привести дела в порядок. А еще являюсь к плохим и растягиваю их последнюю секунду до бесконечности, чтобы они успели подумать о своем поведении. Но вот уже триста лет работы мало – к тем, кто ни плохой, ни хороший, я вообще не прихожу, скучно. А с тех пор как даров не стало, таких, увы, большинство.

Генри уперся лбом в сложенные руки и закрыл глаза.

– Ты действительно спас Эдварда и маму? – глухо спросил он.

– Да.

– Зачем? Ты же...

– Смерть – это, знаешь ли, важный момент, – пожал плечами Странник. – Есть у меня такое увлечение: в свободное от работы время останавливаю хороших людей, которые хотят сделать ужасную глупость.

– На постоялом дворе никто, кроме Мойры, даже не заметил, что ты

сидишь в кресле, – пробормотал Генри. В горле пересохло, и он облизнул губы, но стало только хуже: рот наполнился вкусом гари. – Ты пришел именно к ней, но что-то я не заметил, чтоб ты ей помог дела обустроить.

Странник еле слышно рассмеялся:

– А как ты думаешь, кто устроил, чтобы Сван встретился ей как раз в то утро? И кто растянул время так, чтобы она смогла передать тебе послание? Она мечтала влюбиться и стать мастером своего дара. Сван был как раз для нее: он мягкий, она сильная, я знал, что он ей понравится. А что до послания... Конечно, ее дар не способен вместить длинную историю в одну секунду. Но я это сделал, чтобы она умерла, чувствуя, что делает важное дело. Хорошая была девочка – помогала людям, была трудолюбивой, храброй и честной. Я знал, что все они умрут, но выбрал ее, потому что ей нужен был больше всех.

Генри свернулся на боку, обхватив колени. До него медленно, по капле начинало доходить происходящее: он умирает. Хотя... Он вскинулся и сел.

– Эй. Стой. Ты мне врешь, – пробормотал он, и сердце забилось быстрее. – Я уже два раза чуть не умер, и тогда я тебя не видел.

Странник бледно улыбнулся краем рта.

– Генри, я не всегда прихожу сам. Очень редко, на самом деле, – меня и в давние-то времена мало кто лично встречал. Я просто... как бы это сказать... обустраиваю сцену. У многих и без меня есть человек, который станет идеальным проводником. В первый раз для тебя им был Сивард: потерянный и несчастный младший принц с даром огня, такой же, как ты. В следующий раз, в Башне мастеров, с тобой был твой брат, хоть ты тогда еще не знал, кто он. – Странник говорил неспешно, будто торопиться им уже некуда. – Я очень странно вижу мир, почти так же, как Барс: повсюду миллионы возможностей, а смерть – это их отсутствие, будто вокруг человека обрываются и обрываются золотые нитки будущего. В те два раза у тебя они еще оставались, но сейчас ты в абсолютной тьме, прости. Я еще вчера утром это почувствовал, оттого и пришел: если уж тебе умирать, так героем, победившим злого волшебника. Но теперь все изменилось, тьма везде. Везде. Даже я, кажется, умираю, хотя не думал, что это возможно. Алфорд прав: когда Хью вошел в полную силу, все возможности его победить исчезли. Не знаю уж, утешит тебя это или нет, но умираешь теперь не только ты.

Генри лег обратно. У него шумело в ушах, все тело болело, и даже огонь притих: он тоже слышал, что сказал Странник.

– Зачем ты вообще нужен, если не можешь никого спасти? – хрипло спросил он. – Какая разница, кто как умирает? – Генри закрыл глаза, чтобы

не смотреть на этот серый, ужасный мир. – Барс придумал волшебников еще там, у себя дома. Он не стал бы создавать... такое.

Странник грустно усмехнулся:

– Больной ребенок, который всю жизнь сидел взаперти, потому что за ним в любую минуту могли прийти и убить? Мы, все четверо, – это его самые заветные мечты. Тис – уют и доброта. Джоанна – строптивая красавица, которая может изменить обличье кому угодно, а кому, как не Перси, знать, что суть важнее оболочки. Алфорд – веселый молодой учитель, который помогает добиться успеха в любимом деле. И четвертый: смерть, которая добра к хорошим людям и которой не нужно бояться. Он был печальным ребенком, и так уж вышло, что я получился самым сильным из всех.

Генри посмотрел на него и наконец понял.

– Ты поэтому выглядишь, как выросший Перси?

– Да. У себя дома, за Пределом, он рисовал меня таким, каким стал бы сам, если бы вырос большим и сильным. Мы с ним ни разу не говорили с тех пор, как покинули Землю забытых. Он никогда не вмешивался в мои дела и, по-моему, не особо меня любит. Он – сама жизнь, вечный ребенок, а я – взросление. Ведь что есть смерть, как не высшая точка взросления?

– Почему люди вообще про тебя не забыли, раз те, кто тебя встречал, умирают? – безнадежно пробормотал Генри.

– Ну вот поэтому меня и рисуют с закрытым лицом: некому было рассказать, как я выгляжу. Спасенные самоубийцы не в счет, им я не представляюсь. Но когда-то, на заре времен, люди еще помнили, кто я такой, отсюда все выражения вроде «Странника ради» – это, строго говоря, ругательство. Но сказок обо мне никто рассказывать не хотел, и все забыли. Помнили только что-то про дорогу и важность перемен в пути, хотя, поверь, у меня и получше изречения были.

Странник умолк, глядя на умирающий мир так, будто любит его, хотя ничего красивого в нем уже не было. Слов больше не осталось, сказать было нечего. Ветер подхватывал золу, кружил ее в воздухе, и Генри бессмысленно следил за ней, чувствуя, как уходит время, которое больше не имело никакой цены. «Никогда не сдавайся», – говорил отец, но что делать в такие дни, как сегодня? Что делать, если не можешь победить? Только...

– Проиграть, – онемевшими губами пробормотал он. Странник вопросительно поднял брови. – Сдаться.

Генри резко втянул воздух сквозь сжатые зубы. Мысль, которая пришла ему в голову, казалась огромной и прекрасной, но радоваться было

рано: для начала нужно кое с кем договориться.

«Мне нужна твоя помощь, – подумал он. – Я не справлюсь без тебя».

Огонь, как обычно, понял его идею еще до того, как Генри успел облечь ее в слова.

«Ты что, издеваешься? – прошипел он. – И не проси».

«Мы с тобой – единственные, кто может всех спасти. Ты – единственный. А я тебе помогу».

«Очень мило, но какой мне смысл это делать? Жертвовать собой, знаешь ли, не в моей природе».

Генри улыбнулся, не открывая глаз:

«Откуда тебе знать? Тебя всю жизнь ненавидели, а теперь ты можешь стать героем, самым великим из всех, и заодно станешь сильнее, чем когда-либо был. По-моему, неплохо».

Огонь долго молчал.

«Ты ведь обещал, – пробормотал он наконец. – Обещал, что придумаешь способ выиграть и спасти нас».

«Прости меня. Нет такого способа, но мы можем проиграть так шикарно, как никто еще не проигрывал. Мне не справиться без тебя».

Огонь вздохнул, и этот теплый, щекочущий вздох прокатился по всему телу.

«Я даже не уверен, что после такого не сдохну окончательно. В смысле, что смогу возродиться в следующий раз. Но знаешь, все это было так скучно каждый раз: ненависть, страх, борьба, смерть. Никто не заходил так далеко. Угораздило же с тобой связаться. – Он помолчал. – Ой, да пошло оно все, давай это сделаем. Это была интересная жизнь. В кои-то веки».

Генри улыбнулся. Его душили слезы, но он держал их в себе, держал изо всех сил.

«Эй. Спасибо, что ты со мной. Я рад, правда. Не у каждого есть настолько близкий друг, а?» – Он постучал себя по груди, и огонь засмеялся: оценил шутку.

Открыв глаза, Генри натолкнулся на взгляд Странника: тот покачивал головой, будто поверить не мог в то, что видит.

– Поразительно, – пробормотал он и вдруг положил ладонь Генри на голову. – Как же я люблю таких, как ты: бойцы до последней капли крови. Ты ее создал. Возможность. Из тьмы вытащил. Знаешь, я понимаю, отчего Перси так тебя полюбил. Ты такой же, как он: сама жизнь.

– От тебя это особенно приятно слышать, – ответил Генри, и Странник засмеялся беззаботным, легким смехом совсем молодого человека.

– Смотри-ка, и чувство юмора себе завел. – Он погладил Генри по голове, по-прежнему не обжигаясь: похоже, смерть ожогом не напугаешь. – Ну, вперед. Тебе пора догонять друзей.

– Зачем? – вытаращился Генри. – Я сам могу все сделать.

– Можешь. Но не обязан.

– Не ты ли говорил, что великие должны быть одни? – Генри сказал это в шутку, но Странник вполне серьезно покачал головой:

– Я и так вижу перед собой великого человека. Урок усвоен: ты узнал самого себя и не боишься быть один. Но твой брат прав: ты делаешь других хорошими людьми. Встреча с тобой меняла всех, но теперь для них, как видишь, не проблема сжечь врага – и, заметь, их не остановило то, что в доме был неучтенный человек: ты. Это теперь финальная версия реальности, и такими они и останутся: избалованный принц, мелкий жулик и человек, который предал брата. Подари им маленькое приключение напоследок. Нет на этом свете сейчас более безопасного места, чем рядом с тобой.

– Они не захотят.

– Позволь напомнить: вы все те же, кто нравился друг другу раньше, а людей связывают не только воспоминания. И даже если они вдруг погибнут в этом путешествии – чего ты не допустишь, если я тебя хоть немного знаю, – они погибнут, спасая королевство. Ты был не прав, Генри: есть большая разница в том, как умереть.

Генри медленно выдохнул и поднялся. Он был готов, только кое-что мучило его, ввинчивалось в его сердце, как игла.

– Они ведь даже не вспомнят, кто я. И никаких легенд обо мне не будет.

– О, не пади жертвой гордыни. Не обо всех героях сочиняют легенды, – ласково сказал Странник. – Смысл жизни не в том, чтобы тебя помнили.

– А в чем? В чем?

В самом путешествии, конечно. – Странник вдруг приложился губами к его лбу. – Вперед. У тебя почти четыре часа, в умелых руках это немало. А еще на твоей стороне смерть, дар огня и Хью, который все еще где-то там, похороненный под горами золота. Умеешь ты находить неожиданных друзей.

Генри хмыкнул и бросился вниз по склону, не прощаясь. Он знал, что они еще увидятся.

Печальная, крепко сбита группа из людей и одного волшебника

далеко уйти не успела: они выбивались из сил, перебираясь через упавшие деревья, а Генри тратить на это время не стал: он побежал прямо по лежащим стволам, перепрыгивая с одного на другой: спасибо отцу, который учил его держать равновесие на узких бревнах. Генри в детстве ревел и боялся переходить ручьи вот так, а отец говорил: «Что, если однажды это тебе жизнь спасет?»

Ну вот и пригодилось: десять минут спустя он уже нагнал остальных. Увидев его, они заметались, не зная, бежать или прятаться, – и, пока они топтались и спорили, Генри добежал и спрыгнул на землю.

– Мне нужна ваша помощь, – сказал он.

На этот раз слюны на подбородке у него точно не было, тело слушалось отлично, но все равно на него посмотрели, как на сумасшедшего: видимо, дело было в его горящих воодушевлением глазах.

– Я знаю, где Хью. Вы пойдете со мной, мы выиграем и все исправим. Жизнь продолжается, – проговорил Генри. – Хотите совершить подвиг?

Никто не хотел – все прижались друг к другу, раз уж не вышло скрыться.

– Сван, он тебя любит, уж как может. Плохо, что вы так расстались, – продолжал Генри. – Эдвард, ты вернешься во дворец героем. И заплатишь Джетту десять золотых монет. Ровно десять, запомнишь? Он тоже с нами идет. – Эдвард побагровел и открыл рот, но Генри не стал его слушать. – Алфорд, ты переместишь посланников в столицу – у них семьи, пусть детей своих успокоят. А потом отправляйся к себе домой, отдохни, выпей чаю. Как сказал один мой друг, «увидимся на другой стороне беды».

– Вдруг он вас убьет? Что тогда его величество скажет? – шепотом спросил один из посланников у Эдварда.

– А вы взгляните вокруг, – посоветовал Генри. – Какой мне смысл убивать тех, кто и так умрет через пару часов?

– Нет уж, извини, приятель, – резко сказал Джетт. – Не доверяю я тебе, да и приключений с меня хватило.

Эдвард, кажется, был с ним согласен, и на секунду Генри охватило отчаяние, а потом он сообразил, что надо сделать. Мысль была такая глупая и прекрасная, что он едва не рассмеялся.

«Эй, можешь кое-кого сюда перенести?» – подумал он, не сомневаясь, что Странник неподалеку и слышит его.

Тот услышал: через несколько секунд появился перед ними, крепко держа за руку кого-то брыкающегося, рычащего и тоже одетого в плащ с низко надвинутым капюшоном.

– Привет, Алфорд. Чудесная сегодня погода, не правда ли? – весело

спросил Странник.

Тот насупился и не ответил: похоже, Страннику просто нравилось его подначивать. Новый участник сцены сдернул с головы капюшон, бешено озираясь.

– Агата? – не поверил Эдвард и покосился на остальных. – Она из дворца. Сбежала год назад. Мы думали, погибла в большом мире.

Доставил прямо из знакомой тебе лавки «Диваны для старых людей». Эта версия реальности от старой почти не отличается. Агата тоже проклята и тоже сбежала, просто по каким-то другим причинам, – объяснил Странник.

Его, к счастью, никто больше не замечал – кроме Алфорда, который неодобрительно косился в его сторону.

– Привет. Ты меня не знаешь, но ты нам нужна, – ровным голосом сказал Генри. – Как ты, наверное, заметила, миру приходит конец. Не хочешь поучаствовать в интересном путешествии? Мы тут королевство идем спасать. Руководит принц, тебе нечего бояться.

Глаза Агаты засияли. Она была по-прежнему напугана, но Генри знал ее, знал, как ей важно почувствовать себя необходимой.

– А... Да. Да, все так. – Эдвард приосанился.

– Какая девчонка, – завороченно пробормотал Джетт. – Привет, красавица, не хочешь вечером прийти на мое представление? Тебе бесплатно. Хотя подождите, вечер же не наступит.

Даже Сван перестал плакать, и очень вовремя: нос у него уже был как слива.

– Ну что, идем? – спросил Генри.

– Я за, – быстро сказал Джетт.

Сван кивнул, приоткрыв рот.

– Мудрое решение, – фыркнул Странник. – Кто же захочет ударить в грязь лицом перед девушкой?

– И где искать Хью? – деловито спросил Эдвард. – Он может быть где угодно.

– Край изобилия, – сказал Генри. – Знаете такое место?

– С чего ты взял, что он там?

Если сам Хью еще хоть что-то решает – а он, думаю, решает, у силы нет своего разума, – он отправится туда, где нет людей, чтобы им не навредить. А еще он любит все роскошное на вид – это идеальное для него место.

– Надеюсь, он съест там ядовитый персик и подохнет, – с чувством сказал Джетт.

Генри протянул руки ему и Эдварду. Тот нерешительно сжал второй рукой ладонь Агаты, изо всех сил стараясь придать себе внушительный вид, который пошел бы руководителю похода. Генри кивнул Страннику, тот положил руку Агате на локоть – и в следующую секунду земля ушла у них из-под ног.

Глава 10

Край изобилия

Черная выжженная равнина, на которой они оказались, была одним из самых пугающих мест, какие Генри доводилось видеть, – а видел он их в последнее время немало. До самого горизонта все было пустым и мертвым, только кое-где попадались остовы деревьев, высохшие до такого состояния, будто вот-вот рассыплются в пепел. Все потрясенно застыли, даже Генри не сразу пришел в себя: он надеялся, что таким жутким и бесцветным стал только лес вокруг его дома, но, кажется, Хью теперь убивал любое место, где оказывался.

– А где... – одними губами начал Генри и прокашлялся, чтобы хоть немного вернуть себе голос. – Где Край изобилия? Это он?

Странник стоял рядом и хмурился, ощупывая воздух перед собой.

– Нет, он дальше, но я не могу туда попасть, – пробормотал он. – Тут как будто купол. Волшебство такой силы, что даже меня отталкивает. Не думаю, что у Хьюго получилось бы создать его нарочно, просто сила вот так защищает обладателя. Прости, не могу подобраться ближе: в королевстве все связано между собой золотыми нитями, по ним мы и путешествуем, но тут все оборвано. У тебя в лесу я хоть за что-то мог

зацепиться, потому что там был ты. А тут все подчистую уничтожено.

Генри беспомощно огляделся. Рассвет все же кое-как наступил, и небо теперь было хотя бы серым, а не черным. Солнце светило тускло, как сквозь плотный туман. Черная пустошь тянулась во все стороны, к западу переходя не то в холмы, не то в скалы – трудно сказать, когда вокруг нет других красок, кроме серой и черной.

– Край изобилия там, – сказал Странник, указывая в сторону холмов.

– Сколько километров? – уточнил Генри, но Странник только головой покачал.

– Прости. Никогда не высчитывал расстояния в километрах.

Ну конечно, волшебникам это и не надо, знай себе перемещайся куда хочешь. Генри вздохнул. Все косились на него с подозрением, и он сообразил, что, по их мнению, болтает сам с собой.

– Идем пешком, – твердо сказал Генри.

И мысленно прибавил, вспомнив, что к Страннику не обязательно обращаться вслух:

«Не иди за нами, это ничем не поможет, только ослабеешь. Увидимся, если все получится».

Тот серьезно кивнул, открыл рот, будто хотел что-то сказать, но передумал и растворился в воздухе, так и не произнеся ни слова.

– Кошмарное место, – содрогнулся Эдвард и, глянув на Агату, быстро прибавил: – Но меня это не пугает.

Генри пропустил его вперед: с пути тут не собьешься, шагай себе в сторону холмов, а ему приятно будет поруководить. Эдвард глянул на него с сомнением, но все же пошел первым. Плечи у него сразу расправились, да и настроение, кажется, стало чуть лучше. Генри спокойно пошел следом. Он не верил, что опасность настигнет их так быстро, да и Странника Эдвард не заметил, а значит, ничего ему сейчас не грозит. Впрочем, Эдвард этого не знал и отнесся к своей задаче со всей серьезностью: всматривался в горизонт, как коршун, и постоянно оглядывался на остальных, будто мысленно пересчитывал их снова и снова, проверяя, не потерялся ли кто.

– Ты, значит, Агата? А я Джетт, – внезапно сказал Джетт, прибившись к Агате.

В этой пустоши его голос резанул по ушам так, что Эдвард подскочил и сердито развернулся, но Генри только рукой махнул:

– По-моему, можно и поболтать. Если Хью заметит гостей, то не глазами и не ушами.

– Ну, это утешает, – фыркнул Джетт, и Генри в который раз подивился его способности обретать и терять бодрость духа в кратчайшие сроки. –

Нет, серьезно, по-моему, у нас есть повод познакомиться!

«*Я не могу говорить*, – торопливо нацарапала Агата, вытащив из кармана платья свои неизменные таблички и угольную палочку. – *Джоанна наложила на меня заклятие молчания*».

Генри взял табличку первым и передал остальным.

– Джоанна – в смысле волшебница из сказок? – сурово спросил Эдвард, вернувшись к изучению однообразного горизонта. – Агата, не ври. От тебя год вестей не было, ты просто взяла и исчезла. Все делали ста... В смысле, волновались за тебя! Половина придворных думала, что смерть отца подкосила твое душевное здоровье, вот ты и сбежала. И погибла – девушке одной в большом мире не выжить!

Агата закатила глаза, пользуясь тем, что он не смотрит. Она уже отошла от потрясения и теперь всем своим видом показывала, что девушек недооценивать не стоит, но глаза у нее были красные, лицо осунулось, – наверное, страшно было сидеть одной в своей лавке волшебных предметов, когда мир вокруг начал терять цвета. Да и в приключение она ринулась мгновенно, как человек, ошалевший от одиночества. Но все эти соображения Генри решил держать при себе и спросил только одно:

– Отчего умер твой отец?

«*Сердце больное*», – написала она.

Ну конечно – раз не было ребенка, которого Освальд мог украсть, Джоанна во дворце не селилась и хранителя казны не убивала. Похоже, оживить мертвых рокировка не помогла, только причины смерти изменились.

– А вторая половина? – вдруг спросил Джетт, ткнув Эдварда пальцем в спину. – Ты сказал: «Половина думала, что она погибла».

Эдвард покосился на Агату.

– Вторая – включая меня, твою мать и всех девушек, которых я подслушал, – думала, что тебя похитил какой-нибудь парень из-за стены, и вы теперь живете долго и счастливо в хижине среди огородов, пасете овец или чем там еще крестьяне занимаются.

Агата вытаращила глаза и залилась краской.

«*НЕТ*, – вывела она огромными буквами и сунула табличку под нос всем по очереди, а потом, убедившись, что мысль до них дошла, перевернула табличку и прибавила: – *Я одна. Была одна и всегда буду*».

– А вот это очень жаль, – вставил Джетт и задергал глазом, будто не мог решить, подмигнуть им или многозначительно поднять бровь.

Генри на секунду прижал руку к лицу и тяжело вздохнул. Он никогда

не разберется, как у людей устроены брачные игры.

«Ну, времени с этим разобраться у тебя немного осталось, – флегматично заметил огонь ему на ухо и тут же прибавил: – Ладно, извини, извини. Никак не отвыкну от привычки доводить тебя до белого каления».

– А в дворцовом фольклоре такая красивая история была, – задумчиво протянул Эдвард. – Он – ну, воображаемый красавец-крестьянин – жил себе в скромной хибарке на городской окраине и вот однажды задумал обокрасть королевский дворец. Забрался на стену, а ты гуляла в саду. Пораженный твоей красотой, он едва не упал обратно и решил вместо сокровищ похитить твое сердце.

– О, неплохая история! – оживился Джетт. Агата, кажется, была с ним согласна. – Только вы уж определитесь, горожанин он, крестьянин или грабитель. Это, знаете ли, не одно и то же – хотя откуда вам знать, ваше высочество.

Эдвард наградил его мрачным взглядом через плечо, но Генри поймал себя на том, что в этой версии трудно испугаться Эдварда всерьез, несмотря на его рост, ширину в плечах и размер кулаков. Генри удивило, насколько хмурым, серьезным и издерганным выглядел его Эдвард, его брат, по сравнению с этим прекрасным принцем. Вывод был неутешительный: похоже, источником всех проблем и грусти в жизни Эдварда был он сам. Генри сжал губы, впервые подумав о том, как хорошо, что никто его не помнит. Если бы не рокировка, им так тяжело было бы расставаться, а теперь Эдварду будет все равно, – и это единственный подарок, который Генри мог ему сделать.

Генри вздрогнул, когда Агата подергала его за куртку и сунула ему в руки мелко исписанную табличку. Краем уха он слышал, что ее расспрашивали про Джоанну и заклятие, – и теперь Агата всем по очереди показывала ответ.

«Первая половина была наполовину права: мне было грустно, что отец умер. С мамой не ладим, я сбежала – посмотреть мир, найти себя. На дороге у дворца встретила старушку, она просила поделиться едой, я была дурой, нагрубила. Она превратилась в Джоанну – стала точно как на картинках – и наложила заклятие за мою гордость: буду молчать, пока не выполню условие. Какое – не скажу. Это унижительно, худшее наказание».

– Поцеловать бедняка? – ужаснулся Эдвард, но Агата только фыркнула

и покачала головой.

Джетт уже открыл рот, чтобы внести свою лепту в беседу, но тут Генри вскинул руку, и он послушно замер. На чужую силу у Джетта чутье было отличное, и он сразу понял, что Генри – не тот человек, с которым стоит препираться.

– Стойте, – выдохнул Генри. – Видите?

Несколько секунд все бессмысленно всматривались туда, куда он показывал, а потом лоб у Эдварда разгладился.

– Похоже, мы идем, куда надо, – выдохнул он. – Я бы на месте Хью устроил везде бардак, а вокруг себя оставил бы все, как положено.

Среди холмов – а это все же были холмы, не скалы: то, что Генри издали принял за камни, оказалось иссохшими остатками травы, – висел утренний туман, едва заметный на фоне серого неба. Видимо, где-то там была река, и в слабой дымке, клубящейся над ней после ночного холода, мерцал слабый проблеск синего цвета. Он то исчезал, то появлялся, когда бледному солнечному лучу удавалось снова упасть под тем же углом.

– Ух ты, – выдохнул Сван, который не произнес ни слова с тех пор, как они сюда перенеслись.

И все кивнули. Ничто и никогда еще не казалось Генри таким ярким, как этот неверный синий блик. Что-то внутри его поверило, что красок больше не будет, – а теперь пело от радости.

До холмов они добрались со скоростью, которой Генри даже не ожидал, – но, видимо, не только ему хотелось быстрее попасть туда, где остались цвета. Они шли среди черных склонов уже минут десять, когда путь им преградил здоровенный камень с выбитой на нем старинной надписью:

«Дальше не ходить».

– Вы же помните сказку? – пробормотал Джетт. – В Краю изобилия изобилие – просто видимость, там все ядовитое.

– А я в детстве мечтал туда попасть, – дрогнувшим голосом сказал Сван. – Только Хью говорил, что такого обжору, как я, нельзя в такие места пускать: схвачу первую же грушу и отравлюсь.

В этот момент Генри впервые понял, как Свану, наверное, было приятно, что после исчезновения Хью никто его больше не обзывает по десять раз в день.

Сотню шагов спустя им попала еще одна надпись на камне, которая строго советовала держаться подальше.

– Видимо, предки защитили это место, чтобы никто не лез, –

пробормотал Эдвард. – Ох, я даже не знал, как приятно делать что-нибудь запрещенное.

– Будете почаще за стену выходить – узнаете, – фыркнул Джетт и сразу как-то изменился в лице. – Ну, для начала нужно дожить до вечера.

Тишина тут стояла такая, что мягкий плеск воды Генри различил еще издали. Река оказалась широкой, но сонной: вода ползла бесшумной серой змеей, изредка перекатывая камешки на дне. Иногда в воде мелькали синие и желтые блики, на другой стороне тянулись холмы, и в них кое-где даже хилые зеленые травинки сохранились. Каменное объявление номер три лежало прямо у реки:

«Последнее предупреждение! Войдете в реку – сами виноваты».

– За триста лет она обмелела, ничего не случится, – отмахнулся Эдвард и зашагал вперед.

Но Генри сдвинул его с дороги и пошел первым: он уже много раз убеждался, что предупреждения предков правдивы, какими бы старыми ни были.

Эдвард сделал вялую попытку вернуть себе руководство, но едва не поскользнулся и притих, – видимо, рассудил, что, если в реке окажется что-то опасное, пусть уж лучше Генри наступит на это первым. Но дно было вполне ровным, а вода в самом глубоком месте едва доходила до пояса и даже была не слишком холодной, хотя Агата все равно недовольно зашипела, когда мокрая юбка облепила ноги.

Они успели пересечь реку на треть, когда наконец-то стало ясно, о чем предупреждали каменные надписи. Из-за разницы высот ниже по течению река быстро терялась в тумане, а вот выше по течению можно было любоваться ее ленивым током от самых высоких холмов. Вот оттуда и слышались звуки, которые Генри совсем не понравились: рев воды и грохот камней по дну. Этот шум нарастал слишком быстро: Генри его заметил, а несколько секунд спустя он уже стал устойчивым и мощным. Потом сверху что-то появилось и начало стремительно к ним приближаться, и Генри ошарашенно понял: это вал воды, способный смести на пути что угодно. Вода выгибалась огромной пенной волной и неслась на них, как орел на мышь. Так вот, значит, как предки защитили это место от нежелательных гостей.

– Все назад, – ровным голосом сказал Генри и пошел обратно: если поторопиться, они успеют выбраться, а там придумают что-нибудь.

До другого берега не добежать, а если остаться на месте – их, может, и не убьет, но точно протащит вниз по реке на несколько километров, и тогда вовремя не успеть. Мастера не были жестокими, препятствие было

устроено так, чтобы тот, кто все же решит пропустить их воззвания мимо ушей, успел добежать назад после того, как заметит угрозу.

Но Генри не учел одного: с ним четыре спутника разной степени беспомощности, которые совершенно не умеют действовать вместе. Эдвард бросился к дальнему берегу реки с криком: «Успеем!», Джетт побледнел и застыл на месте, бормоча: «Нам конец», Агата попыталась последовать совету Генри, но запуталась в мокрой юбке и упала, а Сван пошел вверх по течению, замороженно бормоча: «О, водный вал, что мог блистать! Прекрасен ты, весне под стать, но цвет свой где-то потерял...» Генри метался, не зная, кого из них ловить первым, и во весь голос орал: «Назад, все назад!», но грохот приближающейся воды заглушал его вопли.

И драгоценные мгновения, которые можно было потратить на спасение, были потрачены впустую.

Еще несколько секунд перед столкновением Генри надеялся, что предки заколдовали воду таким образом, что она в последний момент остановится. Но, похоже, мастера решили на всю катушку использовать воспитательную силу удара водой, – чтобы второй раз никто точно не явился. Волна закрыла и без того скупой свет, и за мгновение до того, как она смела бы их с дороги, Генри вдруг вспомнил, какую прорву воды уничтожил на Озере бурь. Он зубами сдернул обе перчатки, вытянул перед собой руки – и вода замерла в воздухе, нависая прямо над их головами. Волшебство, которое было в воде, похоже, придавало ей немного разума, и она почувствовала, что с ней сейчас произойдет.

– Лучше уйди, – невнятно выдавил Генри, по-прежнему у держа в зубах перчатки: убирать в карман было некогда, а уронить боялся, чтобы их течением не унесло.

Инстинкт самосохранения есть у любого существа, обладающего хоть каплей жизни. Наверное, вода почувствовала жар, исходящий от его рук, почувствовала, что одно его прикосновение – и ей конец. Несколько секунд волна нависала над ними, а потом осела, растеряв всю силу удара. Их обдало таким фонтаном брызг, что даже Генри едва устоял на ногах, но река уже стала спокойной и ленивой, как раньше. А Генри вдруг подумал: «Что, если эту преграду когда-то сделал тот самый мастер воды, который перед смертью создаст Озеро бурь?» Ладно, этого уже никогда не узнать. Генри натянул перчатки и обернулся.

Все смотрели на него: жалкие, мокрые, перепуганные и, кажется, впечатленные до глубины души. Генри едва подавил самодовольную улыбку: он провел полтора месяца, пытаясь нравиться всем вокруг, и хоть сейчас это уже не имело значения, а все равно было приятно.

– Ого, – сказал Сван, и этим, кажется, выразил общее мнение.

– Ладно, идем дальше, – сказал Генри таким тоном, будто ничего особенного не произошло.

Ближе к дальнему берегу вода уже казалась блекло-синей, и после перехода через реку идти сразу стало веселее: все было бледным, призрачным, но все же хоть немного живым. Холмы плавно перетекали друг в друга, земля скоро пошла под уклон, и, перевалив за очередной склон, Генри увидел такое, что у него дыхание перехватило.

В низине лежал золотой сад, такой огромный, что границ не видно, и действительно золотой: листья на деревьях блестели, как металлические, а среди них, прямо как на карте Странника, висели яркие фрукты. У холмов сад был еще бледным, но чем дальше, тем ярче становились цвета, – а в глубине, полускрытое деревьями, что-то сияло: ослепительная пульсирующая точка.

– А вот и Хью, – пробормотал Генри.

Он поднял голову: даже небо изменилось. Над ними оно по-прежнему было серым, но вдалеке наливалось ослепительной синевой. Солнце теперь висело в другом месте, и Генри поморщился от досады: время никак не определишь.

– Идем быстрее, – сказал он. – Не знаю, который час, но времени у нас – до десяти четырнадцати. Если не успеем, в десять четырнадцать все для всех закончится.

– Кажется, лучше не спрашивать, откуда ты это знаешь, – сказал Джетт. – Ладно, у нас больше ста минут: сейчас полдевятого.

Генри развернулся к нему. Джетт держал в руке круглую металлическую коробочку, на вид очень знакомую.

– Минутку, – угрожающе начал Эдвард. – Я же видел эти часы у посланника!

– Что? – рассердился Джетт, но уши у него слегка покраснели. – Я не виноват, что он плохо смотрит за своими карманами! И вообще нам нужнее, мы мир спасаем! И кстати, забыл спросить: а как мы собираемся это сделать?

– Для начала покажите мне ваше оружие, – сказал Генри. – Все, что можно использовать для устрашения или повреждения врага.

Эдвард с гордостью снял с пояса кинжал в украшенных драгоценными камнями ножнах. Агата вынула из волос несколько длинных и очень острых на вид шпилек, и волосы от этого тут же рассыпались по плечам. Сван развел руками и вывернул мокрые карманы: там не оказалось ничего, кроме остатков желтых цветов и пылицы зверобоя.

– С какой стати нам сдавать оружие тому, кто отпустил Хью? – огрызнулся Джетт.

– С той, что он спас нас в реке. И с той, что ему, похоже, не нужны ножи и шпильки, чтобы с нами разделаться, но что-то мы еще живы, – пожал плечами Эдвард. – Слушайся его и не задерживай нас. Что-то я не заметил очереди из более подходящих желающих нам помочь.

Генри удивленно посмотрел на него. Он никак не мог привыкнуть к тому, каким мирным парнем оказался Эд, у которого не отнимают ни подвиги, ни славу, ни любовь отца. Похоже, во время истории с Сердцем волшебства он так мучительно ненавидел Генри просто потому, что считал, будто Генри занимает его место, – как животное, которое кусается от страха. А теперь делить было нечего, и Эдвард тут же встал на его сторону.

Джетт продолжал мяться, и Генри строго сказал:

– Показывай все, что есть.

Тот нехотя вывернул карманы. Чего там только не было: мелкие монеты, пустой кожаный кошелек, маленький складной нож с перламутровой ручкой, зеркальце и заколка для волос с острыми зубцами.

– Ты это все в городе украл? – ужаснулся Сван.

– Нет, еще вот это, – хмуро пробормотал Джетт и вытащил из-за пояса незаметный под рубашкой нож в кожаном футляре. – Мы вообще-то в опасное местечко собирались!

– Это же походный нож посланников, – процедил Эдвард, начиная закипать.

– Ну, я еще не совсем обнаглел: его я вытащил только перед тем, как мы сюда перенеслись. Нам нужнее.

– Из сапога тоже доставай, – сказал Генри. У него глаз был наметанный.

Джетт насупился, но вытащил из-за голенища вязальную спицу и бросил на землю.

– Просто на всякий случай, – пояснил он. – Да вы мне еще спасибо скажете! Смотрите, сколько у нас оружия!

– Угу, – сказал Генри, аккуратно собрал все, что ему отдали, размахнулся и отшвырнул подальше.

Все заорали в один голос, но остановить его никто не успел – в том, что касалось скорости, с Генри им было не тягаться.

– Беру свои слова обратно. Зря мы с ним связались, – простонал Эдвард.

А теперь слушайте меня. – Генри подобрал камень и нарисовал на земле два слегка соприкасающихся кружка. – Это дар огня, а это я. Не одно

и то же, понимаете? – внятно сказал он, по очереди указывая на круги. – У Хью то же самое. Есть он, есть сила, которая его наполняет. Разница между мной и Хью очень простая: я хоть примерно понимаю, что творится в обеих моих частях, а он и за свою-то отвечать не может. Сила питается его сознанием, которого он и сам не знает. Я не представляю, что нас ждет, но будьте уверены: сила Хью попытается помешать нам до него дойти, а он сам – помочь. Я обещал, что буду с ним в десять четырнадцать, и где-то в глубине души он ждет меня.

– А мы тебе зачем? – спросил Эдвард.

– Сила Хью защищает место, куда мы идем. Плохая новость в том, что держать ее в узде он не может, иначе не уничтожал бы королевство и себя вместе с ним. Но есть и хорошая новость: сила все еще питается его сознанием, улавливает его желания. В десять четырнадцать она освободится, вот тут-то всему и конец. За оставшееся время нам надо заставить его поверить, что мы – не угроза, мы друзья. В прошлый раз... – Генри прикусил язык. Никакого прошлого раза не было, никто, кроме него, не помнил, что произошло на осенней поляне перед рокировкой. – Когда к нему кое-кто пришел, он не убил их сразу, хотя мог. Он сказал: «Мне даже приятно было поверить, что они пришли со мной поиграть». Я это запомнил. И сейчас нам надо сделать то же самое, только искренне, потому что фальшь Хью почувствует. Нельзя злиться, угрожать, будьте спокойными и дружелюбными, и тогда мир его фантазий нас не тронет. С вами мне легче будет его отвлечь.

– Одну секундочку. Мы что, должны ему понравиться? – пробормотал Джетт. – Ты хочешь, чтобы мы явились к самому опасному и самому чокнутому типу на свете, искренне считая, что мы его друзья?

– Именно. Мне всегда нравилось, когда люди видят меня самого, а не только мой дар, и у Хью то же самое, уж поверьте. Попытайтесь найти в Хью что-то хорошее.

– В нем-то? – хохотнул Джетт и осекся, увидев, что Генри вполне серьезно кивнул.

– Ну да. – Генри развернулся к Свану. – Он всегда за тобой приглядывал, разве нет? Злобно – да, неумело – да, но он это делал. А ты набросил на него сеть и оставил гореть в запертном доме. Так кто из вас плохой парень?

Сван покраснел, как свекла. Похоже, он ни разу не смотрел на это с такой стороны. Эдвард с Агатой переглянулись. Хью они никогда не встречали, но слухи о нем ходили те еще.

– Мы попробуем, – твердо сказал Эдвард.

Генри даже растрогался. Раньше Эдвард огрызался и считал, что все его ненавидят, хоть луну ему с неба достань, а теперь – всего одно спасение от волшебной реки, и он уже смотрит на Генри как на всесильного мудрого наставника.

– Извини, не уверен, что смогу полюбить Хью даже ради дела, – пробормотал Джетт. – Он надо мной весь поход издевался.

– Потому что завидовал. – Генри улыбнулся краем губ, увидев, как Джетт вытаращил глаза. Он теперь куда лучше понимал, как все устроено у Хью в голове. – Ты веселый, никогда не унываешь, умеешь со всеми договориться. Уж поверь: он хотел быть твоим другом, просто считал, что такой парень, как ты, никогда с ним дружить не будет. Вот такой парадокс.

– Жизнь полна сюрпризов, – протянул потрясенный Джетт. Кажется, его злость растворилась без следа.

– В общем, будете его ненавидеть – сила это почувствует и устраним угрозу, то есть нас, – сказал Генри. – А теперь идем. Главное – не теряйте спокойствие и благодушие.

– Да уж, отличный момент для спокойствия, – выдохнул Джетт, затравленно оглядываясь на мертвые холмы.

– Лучший, – подтвердил Генри. – Поверьте, такого покоя вы в жизни больше не испытаете.

– Сердце бури, – пробормотал Эдвард, будто вспомнил что-то давно забытое.

– Именно, – кивнул Генри. Он уже давно понял: никогда нельзя жалеть пару минут на то, чтобы поднять боевой дух соратников. – Наслаждайтесь путешествием – внукам о нем будете рассказывать. Может, это лучшее приключение в вашей жизни.

– Угу, – пробормотал Джетт. – А может, заодно и последнее.

– Нет, – твердо сказал Генри. – Я смогу вас защитить. Любой ценой. Сделаю все, чтобы вы не пострадали.

Кажется, было в его голосе что-то такое, что они ему поверили, – даже Джетт глубоко вздохнул, успокаиваясь.

– Ладно, – бодро сказал он. – Если уж ты, приятель, после всего, что я видел, можешь быть спокойным, я тоже могу, и не хуже.

– А чего уже волноваться? – рассудительно спросил Генри. – Либо выиграем, либо проиграем.

Чтобы добраться до золотого сада, для начала надо было спуститься с холмов. На этот раз Генри шел первым, и Эдвард не возражал, но на полпути догнал его и зашагал рядом.

– Что такое парадокс? – спросил он. – Не знаю это слово.

Генри удивленно посмотрел на него:

– Да ладно. Ты же прочел все книги в библиотеке.

– Я? – поразился Эдвард. – С чего ты взял? Я туда вообще не заглядываю. В жизни есть вещи куда интереснее, чем пыльные книжки: балы, лошади, девушки, королевский совет, в конце концов.

– Парадокс – это что-то насчет того, что жизнь полна противоречий и вещи не такие, какими кажутся, – объяснил Генри. – Слушай, можно спросить? Почему у тебя волосы такие короткие? Я думал... – Он хотел сказать: «Я думал, что никаких волшебных обезьян с ножницами не было, раз не было лютой твари», но вовремя вспомнил, что Эдвард не поймет, о чем он, и закончил: – Думал, что принцы всегда с длинными волосами.

– Бунтовал, – кратко ответил Эдвард.

– Ты когда-нибудь целовал господина Теодора? – брякнул Генри: ему так хотелось с ним поговорить, но общих тем у них больше не было.

Эдвард заморгал, побагровев, как вареный рак: ну, хотя бы способность краснеть он не растерял.

– Медведя? – осторожно уточнил он. – У меня была такая игрушка в детстве, но при чем тут... – Он с облегчением рассмеялся. – Подожди, ты же не серьезно. Ну и шутки у тебя!

Что еще сказать, Генри не придумал, и несколько шагов они прошли молча, а потом Эдвард заговорил сам.

– Знаешь, а ты прав: мне стало лучше, – пробормотал он, разглядывая свои руки. – Когда я только вылечил посланников, думал, загнусь, а сейчас все прошло. Даже здорово было: они лежали там, кричали, и тут я такой подхожу, касаюсь: раз, и все сразу хорошо. И я это сам сделал. – Он помолчал, продолжая изучать свои ладони. – Никто не верит, что я хоть на что-нибудь способен. Ну, то есть отец меня любит, я знаю. Просто он считает, что мне лучше ничего серьезного не доверять. Даже когда отправлял в поход за Хью, сказал: «Может, хоть раз в жизни совершишь взрослый поступок», а мне и делать-то ничего не надо было – так, посланникам скомандовал: «Вперед», и все. Он вечно повторяет: «Не представляю, какой из тебя король получится, ты же всю страну развалишь». Вот бы посмотреть на его лицо, когда посланники ему расскажут, что я их спас!

– Только запомни кое-что. – Генри на ходу поймал его взгляд, чтобы убедиться, что Эдвард слушает. – Никогда не спасай умирающих. Никогда. Иначе сам умрешь, и тут тебе никакой лекарь не поможет. Сломанные кости, синяки, легкие раны – пожалуйста. Серьезные болезни – ни за что.

Понял?

Эдвард кивнул, разом побледнев: похоже, умирать ему совсем не хотелось. Ничего прибавить Генри не успел: они наконец спустились с холма и миновали первое дерево с золотыми листьями.

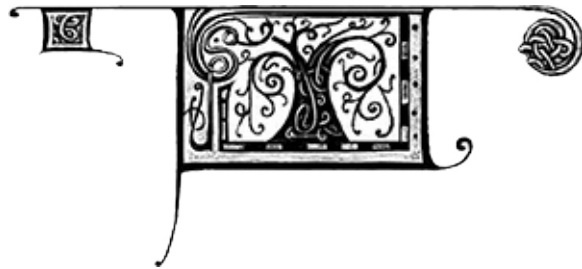
– Джетт, не трогай, – проговорил Генри, даже не оборачиваясь.

– Да листья же правда из чистого золота! – взбудораженно ответил Джетт, но руку, которая уже тянулась к ветке, послушно убрал. – И ницы!

– Ты сказку забыл? Тут все ядовитое, – дружелюбно сказал Генри, остановившись. – Уверен, что яд не передается через прикосновение? Думаю, если ты тронешь тут хоть один лист, посинеешь и упадешь замертво.

Джетт с опаской покосился на дерево, на всякий случай отошел подальше и спрятал руки в карманы.

– Ничего не трогать, не нюхать и уж тем более не есть, – сказал Генри, заметив, каким взглядом Сван смотрит на фрукты, под тяжестью которых гнулись ветки золотого дерева. – А вот теперь – вперед.

Глава 11

Мастер огня

Они прошли еще шагов тридцать, прежде чем Генри понял, что в Краю изобилия есть не только деревья. Вот тут точно без Хью не обошлось: среди деревьев прятались деревянные домики, так мастерски вписанные в пейзаж, что с холмов их даже не было заметно. Крыши были покрыты мхом, и никаких ярких красок, в которые предки любили красить стены, тут не было: только гладкое или резное дерево. Все сочеталось друг с другом так естественно, что казалось, будто природа сама создала эти жилища. Но это явно было не так – все дома чем-то напоминали те, которые Генри видел в Хейверхилле, только новее и гораздо красивее.

За домами кое-где виднелись грядки и клумбы с какими-то крохотными золотыми растениями, по веткам деревьев иногда с шуршанием сновали белки – вполне настоящие на вид. Увидев людей, они останавливались, какое-то время смотрели на них и бежали дальше, отчего у Генри появилось чувство, что вот теперь само это место их заметило.

Единственное, что было не так с прекрасной, богатой деревней, так это полное отсутствие людей. Дым из каминных труб не шел, но над домами все равно плыл запах теплого хлеба, и Генри впервые вспомнил, что отец

Хью – пекарь. Он заглянул в первый попавшийся дом, просто из любопытства, и окончательно убедился, что дома создал Хью, – все были набиты каким-то разномастным барахлом, которое в глазах Хью, очевидно, являлось признаком богатства. Чтобы окончательно проверить свою догадку, Генри зашел и распахнул шкаф. Ну конечно: полно одежды желтого цвета.

Генри внезапно пришла в голову одна мысль, и он начал торопливо раздеваться. Взгляды белок ему не понравились, но что, если...

– Ты чего делаешь? – растерянно спросил Джетт, который вместе с остальными толкался в дверях, не решаясь зайти.

– Вы тоже переодевайтесь. – Генри бросил пропахшую гарью мокрую рубашку на пол и кивнул в сторону шкафа. – Хью любит все красивое и богатое, так мы лучше впишемся, и это место будет считать нас своими. Желтый – это его цвет, в нем мы будем как члены его команды: возьмите каждый хоть по одной желтой вещи. Тут и для тебя тоже что-то есть. – Генри вытащил из шкафа большую кружевную тряпку, явно женскую, и бросил Агате.

Та безгласно посмотрела на тряпку, но все же ушла в другую комнату, и Генри запоздало вспомнил, что в обществе людей принято, чтобы женщины переодевались отдельно.

– Давайте быстрее. – Генри натянул новые штаны и повернулся к двери, где мялись Сван, Джетт и Эдвард. – Это даст ему понять, что мы пришли как друзья.

– Что, со мной он тоже дружить хотел? – неожиданно злобно спросил Сван. – Поэтому убил девушку, которая мне понравилась?

– Естественно, – пожал плечами Генри, вставляя руки в рукава. – Ему казалось, что она тебя у него отнимет. Ну что, Джетт, примеришь вот это? – Генри швырнул ему одежду.

Джетт инстинктивно поймал – и растерянно уставился на длинное платье. Генри хмыкнул. Судя по лицу Джетта, в этой реальности он никогда тайком не проникал во дворец, изображая служанку. Но все же он отмер и подошел к шкафу, чтобы найти себе что-нибудь более подходящее.

Пять минут спустя они вчетвером стояли перед зеркалом, висящим на стене. Генри почувствовал, что улыбается во весь рот. Перси был прав: все на свете – игра, незачем быть слишком серьезным. Когда-то он ни за что не поверил бы, что наденет такое. Генри всегда выбирал неброские цвета, но теперь он был не на охоте, а Хью и не глядя мог его отыскать, – так почему бы не попробовать желтую куртку и рубашку в горошек? «Вот так пусть и похоронят», – подумал Генри, но сейчас даже эта мысль не вызывала боли.

Он был совершенно жив и стоял рядом со своими лучшими друзьями, одетыми не менее безумно, чем он: темных красок Хью, кажется, не признавал.

Снаружи ничего опасного не происходило, и вот теперь, глядя на всех, Генри окончательно поверил, что они дойдут. Вот таких друзей Хью и хотел бы иметь: сам Генри сильный, Джетт – веселый, Эдвард – шикарный, Сван – добряк. Эта яркая одежда почему-то делала их больше похожими на самих себя, чем все, что Генри видел на них до этого. Джетт облачился в черный костюм в узкую желтую полоску, как будто собрался прятаться в пчелином улье. У Свана на животе слегка расходились пуговицы малиновой рубашки, и почему-то это выглядело не глупо, а забавно, как будто он нарочно так оделся, чтобы всех развеселить. Эдвард на памяти Генри не носил ничего, кроме черного, и кто бы подумал, что ему так пойдет наряд бродячего артиста.

Дверь в соседнюю комнату распахнулась, и оттуда вышла Агата, мрачная, как грозовая туча.

– Мапочка моя дорогая, – пробормотал Джетт. – Если это представления Хью об идеальном женском наряде, то я его понимаю.

Агата показала ему кулак. Платье было длинное, лимонно-желтое, целиком из кружева. Наряды дворцовых девушек обнажали куда больше тела – у этого платья были длинные рукава и плотная подкладка, но при этом оно облегалo фигуру так, что Генри даже в жар бросило. Какое-то время все стояли и молча смотрели друг на друга, забыв, что собирались делать. Агата первой зашагала к двери, громко топая заляпанными грязью сапогами, торчащими из-под платья. Остальные очнулись и пошли за ней на улицу.

– Время? – спросил Генри.

– Девять ноль три, – бодро отчитался Джетт: кажется, ему льстила роль обладателя единственных часов.

Улицы между домами не были ничем замощены, просто тропинки, так что шаги получались мягкие и тихие. Вокруг было светло и уютно, главное, по сторонам не смотреть – небо по краям темнело и будто обугливалось, вдалеке по-прежнему уродливо чернели холмы. Они прошли метров триста совершенно беспрепятственно, и Генри уже думал, что так они до цели и дошагают, но нет.

Дверь одного из домов внезапно распахнулась, и навстречу, перегораживая им путь, неспешно вышел тот, кого Генри ожидал увидеть меньше всего: он сам. То есть не совсем он, а самая злобная его версия,

какую только можно было придумать: оскаленный и дикий, без перчаток, в лохмотьях и с горящими красными глазами. Очевидно, воображение Хью считало Генри самым лучшим охранником, и это было, пожалуй, даже лестно, но тут фальшивый разрушитель молниеносным движением схватил с ближайшей ветки белку, и все остальные мысли вылетели у Генри из головы, потому что белка сгорела дотла, а разрушитель пошел к ним, вытянув руки перед собой.

– Обходим его, – кратко сказал Генри.

Все тут же послушались, но ничего не вышло – разрушитель ловко кинулся влево, потом вправо. Он делал то, что Генри сделал бы сам: бросался поперек дороги то в одну, то в другую сторону, чтобы ни с одной стороны невозможно было проскочить.

– Назад! – крикнул Генри, когда разрушитель едва не задел Свана голой рукой: он не сомневался, что прикосновение этой твари будет таким же смертельным, как его собственное.

Все послушно сгрудились вокруг него: после истории с рекой никто, кажется, не сомневался в том, что Генри лучше слушаться.

– Эй, – слабым голосом позвал Джетт. Фальшивый Генри повернулся на голос и зарычал. – Слушай, пропусти нас, пожалуйста. Нам очень надо пройти.

Как ни странно, это подействовало на тварь лучше, чем беготня: разрушитель пошлепал губами и замер, но, когда Джетт мелкими шажками пошел вперед, тут же оскалился, показывая все свои зубы.

– Я так себя обычно не веду, – уточнил Генри.

– Ему вроде нравится, когда с ним разговаривают, – робко сказал Сван. – Может, я ему стихотворение прочту?

Услышав слово «стихотворение», разрушитель зарычал так, что слюна во все стороны полетела: кажется, он не был поклонником поэзии. Ну конечно, это же не настоящий Генри, это один из фокусов сознания Хью. «Может, тронуть его голой рукой?» – подумал Генри, но быстро отказался от этой идеи: тварь такая же быстрая, как он сам, да и злиться нельзя, чтобы не сердить это место и не привлекать внимания.

– Сыграю ему, – предложил Джетт, вытащив губную гармошку. «Интересно, где он ее прятал, когда выворачивал карманы?»

При первых же звуках гармошки существо бросилось к Джетту, и явно не для того, чтобы лучше расслышать, – Джетт едва успел спрятаться Генри за спину. Впрочем, подойти близко разрушитель не успел: Эдвард окликнул его, забормотал что-то успокаивающее, и тот застыл посреди дороги, не прекращая, впрочем, злобно сверкать глазами.

– Хью ненавидел твою гармошку, и он тоже. Надо рассказать ему что-нибудь такое, что интересно было бы послушать самому Хью, – пробормотал Генри.

Слово «рассказать» твари понравилось – она заинтересованно навестила уши, и Генри внезапно пришла в голову роскошная идея.

– Агата. Не спрашивай ничего, просто напиши ему про свое заветное, – сказал Генри. – Всю правду, ничего не скрывай.

Та удивленно посмотрела на него – в этой версии событий она никогда не встречала Хью, но Хью-то по-прежнему отлично помнил ее, а значит, помнил и про ее тайну.

Агата еще пару секунд смотрела на Генри, а потом решительно кивнула, достала пачку табличек и уголь и подошла ближе к твари. Разрушитель зарычал, но Агата остановилась в нескольких шагах от него, написала что-то на табличке и показала ему. Тот прочел, медленно бегая своими красными глазками по строчкам. Агата уронила табличку на землю, взяла новую и написала еще что-то.

Все это повторилось раз десять подряд – и с каждой табличкой глаза разрушителя становились все более сонными, пока не погасли совсем. Закончив, Агата приложила к своей щеке сложенные ладони. Генри вспомнил этот жест из детства: «Спи». Разрушитель вздохнул, склонил голову набок – и рассыпался в пепел.

Агата с угрюмой ухмылкой показала на свободную дорогу и пошла вперед. Генри поспешил за ней и тут услышал за спиной потрясенное: «Ух ты!» Он обернулся. Джетт одну за другой подбирал таблички с земли и читал.

– Так вот как ты онемела, – пробормотал он. – С ума сойти.

Агата бросилась к нему, но Джетт одним движением подхватил все таблички с земли и спрятал за спину.

– Ну нет, я хочу дочитать! Прости, суть я уже все равно понял. Как говорит моя мама, словечко вылетело – не воротишь!

Эдвард стоял рядом, всем своим видом показывая, что он чужие записки не читает, а сам незаметно косился, пытаясь разглядеть, что написано на табличках.

– Мне тоже интересно, – застенчиво сказал Сван.

Все это грозило перерасти в долгую перепалку – Агата пыталась забрать таблички, Джетт ловко уклонялся, – и Генри вклинился между ними.

– Эй. Стойте. Нам нельзя ссориться, успокойтесь!

Агата покосилась на сияющую золотую точку вдалеке, сердито

тряхнула головой и пошла дальше, сжав кулаки и махнув рукой: «Делайте что хотите». Все поспешили следом, сбившись вместе. Генри осознал, что в самом опасном месте королевства надо быть внимательнее, но любопытство было сильнее. Да и Хью, пожалуй, в глубине души мечтал именно об этом: дружеские беседы, безобидные секреты, никаких ужасов, никакого страха.

Так они и шли вчетвером, пихая друг друга локтями, – все так увлеклись, что забыли держаться от Генри подальше. Джетт нес всю стопку, ждал, пока все прочтут табличку, и клал ее под низ. Вот что там было написано:

«Есть такие существа – грибки. Милые и славные, похожи на игрушки».

«Они играют с одинокими малышами».

«У существ тоже есть легенды, и у грибней – своя легенда».

«Она о вечном ребенке, который всегда будет играть с ними и никогда не вырастет».

«Это мне сказала Джоанна».

«Ее заклятие такое: грибки заберут моего первенца, только тогда голос вернется».

«Ей что-то было от них нужно, и она пообещала им в обмен исполнить их мечту».

«Я никогда этого не сделаю. Не отдам малыша. Матери так не поступают».

«Лучше вообще не буду заводить детей. А для этого надо не выходить замуж».

«Поэтому я сбежала. Чтобы меня не выдали».

Почерк становился все более неразборчивым, строчки ехали вниз, – последнюю табличку уже почти невозможно было разобрать.

– Плохо, – подвел итоги Генри.

– Ого, – присвистнул Эдвард, догоняя Агату. – Так вот в чем дело. Тебе уже было семнадцать, и твоя мать начала присматривать жениха. Меня в основном. Слушай, а это заклятие... Ну... Можно как-то по-другому снять?

Агата яростно помотала головой. Она была вся красная от стыда, ни на кого не смотрела и сжимала кулаки, – Генри никогда ее такой не видел.

– Я даже не знаю, готов ли жениться. Уже год увиваю от этой чести всеми способами, а теперь, когда Сердце вернулось, особенно. Хочется... Не знаю, мир посмотреть, что ли. Но если хочешь, мы поженимся и

поселим всех грибней во дворце, – легким тоном сказал Агате Эдвард, и Генри даже не понял, шутит он или нет. – Нет, серьезно, давай. Ты сможешь вернуться домой, к маме. Ну будут везде бегать плюшевые медведи в шляпах. Ну ребенок наш не будет расти, – ладно, всякие дети бывают. Я вот был нормальный, а мать все равно меня бросила, даже не знаю почему, – грустно закончил Эдвард. – Я так не поступлю.

Агата растроганно похлопала его по локтю и покачала головой.

– Зато потом сможете завести еще сколько хотите детей, и их никакие грибни не заберут, – брякнул Генри, но Агата бросила на него такой взгляд, что он понял: так себе идея.

– А по-моему, навсегда остаться ребенком совсем неплохо, – мечтательно сказал Сван. – Играешь все время, за тобой присматривают, кормят. И одежду перешивать не надо – отец вечно ругался, что я расту слишком быстро.

– Может, проклятие не подействует, если ты выйдешь не за такого... такого, – Джетт боком прибил к Агате и широким жестом указал на Эдварда, – а за простого нормального парня.

Эдвард фыркнул.

– Нет, правда! – запальчиво продолжил Джетт. – А может, поцелуя хватит? В сказках любое заклятие так снимается.

Генри видел, что он дурачится, но дурачится от желания помочь, и Агата это тоже поняла – подняла бровь и качнула головой, но без злости.

– Ладно. Я знаю, что надо сделать, – сказал Генри, поймав растерянный взгляд Агаты: похоже, она не могла поверить, что никто не начал ее презирать, узнав правду. – У тебя дар. Ты умеешь чинить вещи.

– А что, у женщин тоже дары бывают? – удивился Эдвард. Ну конечно, он же из дворца вообще носа не показывал, а дворцовые девушки не спешили выставлять свои дары напоказ. – Серьезно?

– Не дело тебе сидеть в деревне совсем одной, – продолжил Генри. – Эдвард, заберешь ее с собой во дворец и проследишь, чтобы ее не выдали ни за кого, пока вы как-нибудь не уладите вопрос с грибнями. Они добрые, может, на деньги согласятся? И никаких свадеб, пока Агата сама не решит. Во дворце у тебя много работы будет. – Генри широко улыбнулся Агате. – Починишь свет, да и вообще, там много чего разваливается.

Глаза у нее просветлели. Она смотрела на него с такой благодарностью, что Генри внезапно вспомнил кое-что почерпнутое из книги «Хорошие манеры для юных мастеров». Он не особо далеко успел продвинуться, но это там было в самом начале. Генри поймал руку Агаты и коротко приложился к ней губами, пониже натянув ее рукав, чтобы не

обжечь.

– Все будет хорошо, не волнуйся, – сказал Генри и пошел дальше.

Агата нерешительно кивнула и потерла глаза, но не заплакала: она тоже умела держать слезы в себе.

– Я за тобой присмотрю, – серьезно сказал Эдвард. – Обещаю: никто тебя не заставит ни за кого выходить, пока не захочешь. Просто вернись домой и живи, отца я беру на себя. И твою мать тоже. Объясню им, что времена меняются и не всем обязательно жениться до двадцати лет.

– Как можно ему доверять такую девушку? – оскорбленно пробормотал Джетт. – Вы на него посмотрите: такие вообще слова не держат!

– Он – держит, – покачал головой Генри.

Эдвард, кажется, услышал и покосился на Генри так, будто не верил, что кто-то может быть о нем подобного мнения.

– Э... ребята? – позвал Сван.

Он показывал назад, и все обернулись. Почерневшая граница мироздания придвинулась ближе, она проглатывала даже Край изобилия – деревья и дома, мимо которых они прошли в самом начале, уже превратились в обугленные остовы, лишённые жизни и красок. Похоже, Хью продолжал стягивать волшебство к себе, и даже его прекрасное убежище начинало гибнуть.

– Если честно, я так и не понял, как мы собираемся его победить, но у меня вопрос, – дрогнувшим голосом сказал Джетт. – После этого все станет как было? Потому что если нет, то...

– Я все исправлю, – спокойно сказал Генри. – Не спрашивайте как. Я знаю способ. Главное – дойти.

Он посмотрел вперед, и его кольнула тревога. Генри был уверен, что с направления они не сойдутся, и слишком уж расслабился. Он только сейчас заметил, что золотое сияние среди деревьев, их точка назначения, приближается чересчур медленно, будто они продвигаются со скоростью улиток. Ему даже показалось, что дома вокруг те же самые, что и десять минут назад, хотя с уверенностью сказать было невозможно: все здесь выглядело слишком похожим.

Они пошли быстрее, но скоро все убедились: надо мчаться сломя голову, чтобы продвинуться хоть на пару шагов. Видимо, сила Хью защитилась от гостей не только фальшивым Генри. Все подавленно замолчали: вряд ли стоило надеяться, что с такой скоростью они успеют.

Время, которое Генри бездарно тратил, валяясь на пепелище своего дома, теперь стало драгоценным. Странник говорил, что в умелых руках

четыре часа – это много, но... Генри медленно опустил взгляд на свои руки. Интересно, их можно считать умелыми? Он сейчас был так силен, сила звенела в нем, как натянутая тетива, и что, если он сможет...

«Нет, – возразил огонь. – Мне придется слишком много на это потратить, а нам нужно скопить все, что есть, для последнего удара».

– Если сейчас не успеем, никакого удара не будет, – возразил Генри и, только когда все обернулись, сообразил, что сказал это вслух. – Я не вам, – пояснил он, но стало только хуже: все посмотрели на него с опаской, как при первой встрече.

«Ладно, поверю тебе, – хмуро сказал огонь. – Но если нам не хватит, я не виноват. Да и вообще я не знаю, смогу ли сделать это так надолго и для такой толпы народу».

«Сможешь, – успокоил Генри. – Хороший повод узнать, на что мы с тобой способны».

«Да уж, повод – лучше не бывает», – скептически сказал огонь.

Генри сосредоточился, задышал глубже – и все вокруг заволокло золотой дымкой. Все вскрикнули и сбились вместе, – ну, отлично, значит, и на них действует.

– Не бойтесь, – сказал он, убедившись, что можно отвлечься: огонь прекрасно справлялся и без него. – Я просто время растянул. А теперь пошли быстрее.

Пару секунд все молча хлопали глазами, а потом, увидев, что Генри уходит, поспешили за ним.

– Как ты это делаешь? – пробормотал Джетт. – Я бы тоже не отказался.

– Боюсь представить, сколько карманов тогда пострадало бы, – съязвил Эдвард, но как-то не в полную силу. – А правда, как ты это делаешь?

– Трудно объяснить, – сказал Генри, торопливо шагая вперед: вот теперь одни дома начали сменяться другими быстрее.

– А ты попытайся, времени на это у нас теперь, кажется, хватит, – пошутил Эдвард.

Генри задумался. Он не знал ответа на вопрос, но в голове мелькали какие-то смутные обрывки мыслей. То ли огонь подсказывал, то ли он сейчас был настолько близко к миру волшебства, что мог черпать знания оттуда.

– Граница между миром волшебства и нашим миром не такая уж плотная, – начал Генри, прислушиваясь к самому себе. – Особенно тут, особенно сейчас и особенно для меня. В мире волшебства времени нет, потому что существа и не стареют. Барс большую часть жизни провел там без

тела, в виде чего-то такого... бесплотного. Наблюдал за всеми, а телесную форму принимал изредка, когда надо было показаться в нашем мире, – на это надо тратить силу, а он ее всегда берег, потому она его и не захватывала, как Хью. Мой дар умеет чуть-чуть залезать в мир волшебства, как будто ненадолго зависать там: хотя так сильно, как сейчас, еще никогда не получалось. На земле время идет так, как ему положено, но мы как бы успеваем вместить в него больше, понимаете? Хью тоже применил что-то в том же духе, чтобы мы не могли добраться до него.

– Как ты, оказывается, длинно умеешь говорить, – цокнул языком Джетт. – А я-то там, в горах, думал, что ты только рычишь и приказы раздаешь.

– Ну ты даешь, – восхищенно протянул Эдвард и провел по воздуху, словно пытался зачерпнуть золотую дымку. – Ого! А можно еще про твой дар спросить? Ты воды боишься?

Генри начал объяснять, но тут его перебил Сван. Глаза у него горели любопытством:

– А ты можешь обжечься?

Вопросы посыпались со всех сторон. Вдоль тропинки все еще тянулись золотые деревья, домики и огороды, смотреть особо не на что – даже красота приедается. Листья на деревьях качались еле-еле, будто одно движение действительно растянулось до предела.

– А правда, что у огня есть свой голос?

– А к тебе переходит память других разрушителей?

– Ты серьезно можешь убить прикосновением?

– А если волшебное существо тронешь?

Генри вздохнул. Он уже был не рад, что начал разговор, но послушно объяснял: было что-то приятное в том, что незнакомые – ну, незнакомые по их мнению – люди при словах «дар огня» не уносятся прочь с криками и не мечтают его пристрелить, а делают из этого тему для дружеской беседы.

Они шли уже не меньше получаса, когда золотой туман вокруг начал таять.

«Все, не могу больше, – пропыхтел огонь. – Из сил выбился. В буквальном смысле: я передать не могу, сколько нам пришлось на это потратить».

Дымка рассеялась окончательно. Они стояли на холме, и вот теперь пейзаж немного изменился. Генри обернулся – почерневшие земля и небо остались далеко позади, значит, и правда удалось уйти далеко, не потратив на это много времени. Но отсюда было отлично заметно: тьма

придвигается, созданная Хью деревня гибнет, дороги обратно нет. Они победят – или умрут вместе с этим местом.

Вокруг по-прежнему были домики и огороды, но здесь все стало более хаотичным, спутанным, неряшливым, как будто сознание Хью больше не могло поддерживать стройность и порядок. Повсюду опять начали повторяться знакомые цифры. Вот аллея из десяти деревьев, по каждому снуют белки, и Генри даже считать их не надо, чтобы знать: на каждом дереве по четырнадцать животных. Вот десять гусей пасутся около дома с номером «14», небрежно выведенным краской на стене. На земле повсюду валялись монеты, шахматные фигурки, вырванные книжные страницы и цветные карточки из игры «Слопай меня, великан». Ставни домов поскрипывали, ветер стал сильнее.

Всего пара сотен шагов отделяла их теперь от сияющей точки, которую они видели издалека. Точка оказалась, к сожалению, не самим Хью, а зданием: трехэтажной деревянной избой. На фасаде поместился добрый десяток окон, все – с резными ставнями, отдаленно напоминающими украшения домов Хейверхилла, только новее и куда лучше. Крыльцо было высокое, просторное, и каждую его балку покрывала такая мелкая резьба, будто тот, кто ее сделал, тренировал свое искусство на яблочных косточках. Стены деревянного дворца мягко светились – то, что было внутри дома, не могло скрыть своего присутствия.

– Готов поспорить, Хью тут! – взбудораженно пробормотал Джетт. Он, похоже, вошел во вкус приключения. – Напомни, как мы собираемся его победить? План есть?

Генри кивнул. На этот раз план имелся, и первый пункт в нем был такой: «Для начала добраться до Хью». Генри подозревал, что это окажется непросто: не нравилось ему на этой улице, что-то прямо кричало об опасности, но он никак не мог сообразить, что именно, – взгляд путался в гусях, грядках и приоткрытых дверях мелких домишек. Генри внимательнее посмотрел себе под ноги и наконец сообразил. Он помнил, что на карточках для игры «Слопай меня, великан» с одной стороны нарисованы волшебные существа, а с другой – овощи, ягоды и другие съедобные предметы. На карточках, разбросанных здесь, с одной стороны и правда были продукты, но на тех, что лежали обратной стороной, повторялось одно и то же: голый звериный череп.

– Не насту... – начал Генри, но было поздно: Джетт наступил прямо на карточку с черепом.

Золотые деревья тут были усыпаны вялыми плодами, и теперь фрукты, как по команде, медленно повернулись к гостям, перекрутившись на своих

тонких стебельках. Генри увидел, что с одной стороны морщинки на них складываются в очертания лиц: сжатые косые рты и глаза-щелочки. Неподвижные личики пару секунд смотрели на чужаков, а потом все фрукты, как по команде, упали и разбились о пыльную дорогу. Звук при этом они издали какой-то неправильный – не сочное шлепанье, а сухой бряк, будто на землю сотню раз подряд уронили мешочки, полные мелких твердых предметов.

– Мама, – пискнул Сван, увидев эти мелкие вещи.

Сухая кожица плодов лопнула, и внутри каждого оказались косточки, только вовсе не фруктовые, а звериные: мелкие, белоснежные и хрупкие.

– Я вспомнил, – дрожащим голосом сказал Сван. – Когда мы маленькие были, Хью не понимал, отчего во фруктах косточки и в курице косточки, но они разные. И говорил: «Что, если бы у курицы внутри были семечки, а в яблоке – скелет яблока?»

– А он, похоже, всегда был не в себе, – брезгливо сказал Эдвард. – И что у некоторых в голове творится!

Генри захотелось напомнить ему, как он сам кромсал чучело в Золотой гостиной, как облизывал фальшивую кровь с черепов, чтобы проверить, настоящая она или нет, как таскал с собой детскую игрушку в кармане мундира, но эти воспоминания существовали теперь только в его памяти, так что вместо этого он сказал:

– Старайтесь ни на что подозрительное не наступать.

Он пошел дальше, но за спиной у него вдруг раздался глухой многоголосый стук. Генри обернулся – и сглотнул. За те секунды, пока он на них не смотрел, все косточки сложились в маленькие скелеты птиц и зверей, как будто каждый вылупился из фрукта, – и это выглядело даже мило, пока они не начали расти.

– Бежим, – кратко сказал Генри и бросился к деревянному дворцу Хью.

Но, увы, костяные твари выросли быстро – когда пару шагов спустя он обернулся, они уже достигли размеров нормальных животных и бросились догонять.

Паника никогда еще не приводила ни к чему хорошему: увидев, что за ними несется добрая сотня мертвых животных с пустыми глазами, Агата издала невнятный звук, оступилась в своем узком платье и полетела на землю, лишний раз доказав, что юбка – худшая одежда для похода. Сван споткнулся об Агату и тоже рухнул. Продолжения Генри ждать не стал и кинулся к ним.

Все вопили от ужаса, костяные звери щелкали зубами и хватали их за одежду, но Генри быстро понял, что настоящего вреда они не наносят:

могут куснуть, если не вовремя подставить руку, но в целом вряд ли кого-то убьют. Зато они убивали время: их было очень много, они перегораживали дорогу, отвлекали своей суетой и не давали пройти.

Генри внезапно подумал, что идея смертоносных и не вполне живых зверей осталась в голове Хью со времен Зимнего дня, когда Генри случайно выпустил из шкатулки огненных тварей. Он сдернул перчатку и схватил за череп костяного медведя, который, сжав зубами руку Свана, мотал ее из стороны в сторону. Скелет немедленно сгорел, но на его место тут же пробился резвый остов кабана. Все они никаких звуков не издавали – ну еще бы, языка-то нет, – только побрякивали костями, и, кажется, одного этого было достаточно, чтобы вогнать его спутников в состояние, близкое к сердечному приступу.

К животным Генри прикасался так быстро, как мог, и они тут же сгорали, но их было слишком много: по всей улице, по всем переулкам падали на землю все новые и новые фрукты. Особенно плотно скелеты теснились на подступах к деревянному дворцу – сила защищала свое обиталище, и ей это неплохо удавалось.

– Который час? – крикнул Генри, дернув Джетта за рубашку. Тот сидел на земле, сжавшись в комок и обхватив руками голову.

Это было важно: Генри понятия не имел, сколько они сэкономили времени, растянув его, но ответа он так и не получил. Вопрос пришлось повторить еще раз три – мертвые твари лезли со всех сторон, пытаясь прижать всех к земле. Сван, Агата и Эдвард, похоже, сообразили, что Генри их защищает, и мертвой хваткой вцепились в его ноги, а это сильно затрудняло ему движения.

– Джетт! – рявкнул Генри. Тот съежился сильнее. – Ради своей мамы! – На плечи Генри прыгнул какой-то неопознанный зверь с обломанными зубами, такой жуткий на вид, что Генри аж подскочил, встретившись с ним взглядом. – Достань часы! – Генри схватил зверька за шею, и тому пришел конец. – И скажи время!

Кажется, слова о маме вывели Джетта из оцепенения – он поднял голову, вытащил из кармана часы и сипло выдавил:

– Без двадцати десять.

Костяной олень ловко схватил часы зубами, те звякнули, стекло разбилось, и олень их отшвырнул. Джетт издал горестный звук и снова сжался.

Осталось чуть больше получаса. Генри чуть не зашипел от досады. Растянуть время снова? Не поможет, тварей слишком много, а огонь и так потратил кучу сил, которые нужны, чтобы разобраться с Хью, и сейчас их

вовсе не пополнял: касаться мертвых тварей было все равно что трогать камни: уничтожить – уничтожишь, но никакого прилива жизни не будет. Прикасаться к каждой твари по очереди? Их вокруг сотни, а фрукты все падают: их тут полно. Генри зажмурился и спросил у огня, что делать, но тот не знал: он мог хоть весь день убивать и без того мертвых зверей, но этого дня у них не было.

И тогда Генри почувствовал такую чистую, сокрушительную злость, что аж в голове просветлело. Кажется, он уже был зол в глубине души, сам того не замечая. Дико, отчаянно зол на то, что ему придется умереть, на то, что этот поход отнял у него и друзей, и даже их память о нем, как будто мало было отнять жизнь. Генри с детства учился держать свою ярость в узде, но сейчас она вспыхнула так, что дыхание перехватило, и он с удивлением понял то, о чем никогда не думал: он имеет право злиться. Жизнь пыталась убить его годы подряд, в последний месяц – особенно, а он не хотел умирать, он хотел выжить, он так боролся, – но сегодня все закончится. Генри сжал зубы и вытянул перед собой руку. Огонь был прав: он всегда придавал Генри злости, но сейчас все было наоборот: его собственная ярость, ярость умирающего, которому никто не поможет, придала сил огню.

– Уверены, что хотите со мной связаться? – негромко спросил Генри, обведя взглядом бескрайнюю толпу звериных скелетов, и даже не понял, чей это голос: его собственный или огня.

Звери замерли. Они что-то почувствовали – множество пустых глазниц уставилось на него. А потом костяной волк щелкнул зубами, шагнул в его сторону, и остальные потянулись следом.

– Тогда не обижайтесь, – сказал Генри, глядя на свои длинные бледные пальцы как в первый раз.

Волна тепла прокатилась от его руки во все стороны, и звери рассыпались в пепел – все до единого, хотя Генри их даже не коснулся.

«Ого, я и не знал, что так можно, – выдохнул огонь. – Как же мы с тобой сильны! Идем быстрее, зададим жару врагу – отличное выражение, мне нравится».

– Я даже не знаю, что кричать: «Ух ты!» или «Не приближайся ко мне», – пробормотал Джетт, глядя на Генри с земли.

– Первый вариант. – Генри рассеянно улыбнулся, посмотрел на свои руки, сжал и разжал кулаки.

Он ощущал их по-другому, не так, как обычно. Чтобы проверить свою догадку, Генри поднял с земли белую шахматную пешку из того самого набора, которым они играли с Хью. Пешка не сгорела. Генри держал ее

голой рукой, и она оставалась совершенно целой.

Ему внезапно пришло в голову, что его обращение с огнем до сих пор напоминало колку орехов старинной шкатулкой. Огонь был тонким инструментом, который просто нужно уметь настроить, но и Генри, и все остальные до него тратили жизнь на ругань с ним, страх и сопротивление неизбежному, потому что убрать из разрушителя огонь все равно невозможно. Они – две равные части одного создания, и как же поздно он это понял.

– Может, на людях попробовать? – пробормотал он, от потрясения забыв даже про время. – Вдруг притронусь и не убью? Эдвард, дай руку.

– Ни за что, – дрогнувшим голосом ответил Эдвард. – Извини.

Джетт был занят тем, что собирал с дороги остатки часов, но их уже было не спасти: одни осколки, пружины и железные штуковины. Генри не особенно расстроился – и так ясно, что пора торопиться, – но Джетт чуть не плакал.

– Никогда у меня не было такой шикарной штуки, – хмуро сказал он, почувствовав, что все смотрят на него.

– Во-первых, ты ее украл, – отрезал Эдвард. – Во-вторых, сам виноват: это вообще-то ты наступил на карточку, из-за которой мы все чуть не умерли.

– Любой мог наступить, – ровным голосом сказал Генри и, не совладав с порывом какого-то огромного, невыносимого чувства, шагнул к Эдварду, взял его за затылок, притянул к себе и сказал на ухо, так, чтобы никто не слышал: – Не будь жестоким. Никогда. Ладно?

Эдвард растерянно моргнул, встретившись с ним взглядом, и Генри подошел к Джетту.

– Брось, они сломались. Наплевать на них. – Генри за локоть поднял Джетта с земли и хлопнул по плечу. – Скоро мастера снова научатся делать такие штуки, заработаешь себе денег и купишь.

Генри обвел взглядом остальных.

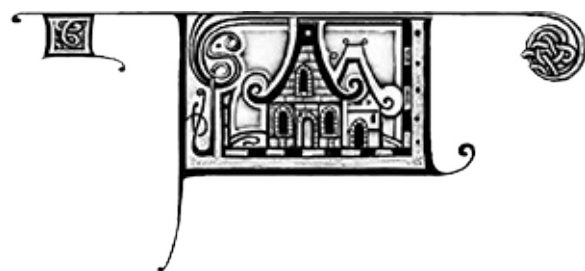
– Отдохнули? А теперь бежим. Очень быстро. – Он протянул руку Джетту. – У тебя нога. Я тебя потяну, просто старайся не падать.

– Я с парнями за ручку не хожу, – еле слышно огрызнулся Джетт, с опаской поглядывая на его ладонь.

Генри утомленно посмотрел на него и надел перчатки.

– Тогда оставайся здесь.

Джетт замотал головой и сам схватил его за руку.

Глава 12

Мир волшебства

До дворца они, по прикидкам Генри, добежали минут за пять. Один он справился бы и за две, но видел, насколько все выбивались из сил, чтобы успеть. Агата до колена разорвала узкое платье, чтобы ноги лучше двигались, Джетт чуть не падал, но хватался взмокшей рукой за ладонь Генри, Сван и Эдвард просто сосредоточенно передвигали ногами, хотя сразу было ясно: бег – точно не их любимое занятие. По пути ничего больше не случилось, очевидно, сила Хью посчитала, что сотен мертвых зверей хватит, чтобы их задержать.

Резные двери длинной трехэтажной избы были гостеприимно распахнуты, и Генри это насторожило: наглухо запертая дверь выглядела бы куда менее подозрительно.

– Похоже на наш дом в Хейверхилле, – пробормотал Сван, запрокинув голову. – Только гораздо больше. И гораздо красивее.

С этим трудно было не согласиться: воздушное деревянное строение действительно было прекрасным. Генри вдруг кое-что понял, но сейчас не время было додумывать мысль до конца.

– Что бы тут ни оказалось, будьте храбрыми, ладно? – тихо сказал

Генри. – И держитесь за мной.

Все кивнули, глядя на него так, будто не сомневались, что он спасет их от чего угодно. И Генри первым вошел в дом.

Все здесь было деревянным: высокие потолки, половицы, мебель. Они шли вперед по широкому коридору, двери по обе его стороны были открыты, и приходилось признать, что тут очень уютно. Генри почему-то ждал от Хью безвкусного мрачного дворца, напоминающего жилище какого-то злодея из книжки, которую они с Эдвардом разглядывали в детстве. Комнаты в доме были просторные, все высоченные окна задернуты цветастыми шторами. Единственным звуком, который нарушал тишину, был ход часов. Они были здесь повсюду: на каминных полках, столах, стенах. Все – разные, но все показывали одно и то же время: без четверти десять.

– И где его искать? Дом огромный, – пробормотала Агата.

– Угу, – согласился Эдвард.

И остановился. До Генри дошло одновременно с ним, и он развернулся к Агате.

– Чего уставились? – огрызнулась Агата.

Тут дошло и до нее. Глаза у Агаты расширились, и она прижала ладонь ко рту.

– Обычно я говорю все это про себя, – пролепетала она. У нее был хрипловатый, низкий голос, и Генри с удовольствием послушал бы его подольше, но только не сейчас.

– Эй, милая, ты дома! – весело сказал рослый молодой парень, выходя в коридор, хотя Генри мог бы поспорить, что не слышал за дверью комнаты шагов.

Лучше всего было бы дать парню в зубы и идти дальше, но Генри остановило то, что на руках у него был младенец.

– Заходи, заходи, мы тебя еще после обеда ждали, – дружелюбно сказал парень, черноволосый, улыбчивый и славный на вид. – Ну, как ярмарка прошла? Знаешь, я всегда говорил: тебя не ценят, ты такие вещи делаешь – их с руками должны отрывать.

– Красавец-крестьянин, – с ужасом сказал Эдвард. – Я его точно так себе представлял.

Генри отлично понимал, что нельзя слушать весь этот бред, надо мчаться дальше, но бред был настолько складный, что он невольно заглянул в комнату, куда парень увлек ошарашенную Агату.

Это оказалась жарко натопленная гостиная, на полу тут и там лежали

игрушки, у окна стоял стол, заваленный деревянными заготовками, – видимо, там Агата мастерила поделки. Другой стол, круглый, накрытый скатертью с кистями, стоял посреди комнаты.

– У нас сегодня торжественный ужин, ты ведь не забыла? Я все приготовил, не волнуйся, – сказал красавец-крестьянин.

Он уложил ребенка в колыбель и начал расставлять на круглом столе посуду. Генри рванулся, чтобы выволочь всех отсюда и бежать со всех ног, но дверь в дальнем конце гостиной открылась, и вошел Хью. От неожиданности Генри застыл на месте. Он в очередной раз ожидал впечатляющей встречи, достойной описания в какой-нибудь сказке, но Хью зашел как ни в чем не бывало и поспешил к Свану, улыбаясь во весь рот. На нем почему-то не было ничего желтого – вот что насторожило Генри больше всего, даже больше, чем то, что Хью обнял Свана и потрепал по плечам так, словно ничего плохого между ними никогда не происходило.

– Привет, брат, – весело сказал Хью, ни на кого больше не глядя. – Как же я рад тебя видеть! Ну что, новые стихи есть? Может, даже заказ получил на какую-нибудь хвалебную поэму?

Он на секунду прижал к себе голову Свана и повел его к столу, продолжая болтать. По-хорошему, надо было его хватать, пока он спиной повернулся, но что-то Генри останавливало.

– Мойра с папой скоро вернутся, они на рынок пошли, – добродушно сообщил Хью, усаживая Свана за стол. Красавец-крестьянин улыбнулся Свану и поставил перед ним тарелку. – Ладно, братишка, я серьезно: почитай мне что-нибудь свое, пока до еды время есть.

И тогда Генри наконец понял, что не так. В глазах Хью не было золота, хотя по стенам то и дело пробежали золотые блики: волшебства в доме было столько, что он даже вместить его не мог. Но Хью выглядел, как обычный парень из Хейверхилла, которого Генри встретил на охоте, – только к Свану стал добрее. Вот тут до Генри и дошло: они все не настоящие. И ребенок, и крестьянин, и даже Хью. Раз не получилось задержать их на подступах к дому, сила Хью пытается дать каждому то, о чем он мечтает, сделать так, чтобы им не захотелось идти дальше. Воздух звенел от волшебства, казался густым, как мед, – неудивительно, что сила тут могла не только питаться сознанием Хью, но и другим в головы залезать.

– Уходим. Срочно, – приказал Генри.

Но Агата и Сван его уже не слушали, а через минуту перестал слушать и Джетт, потому что из коридора в комнату заглянула его мать.

Она принялась суесться вокруг сына, гладить его по волосам, усаживать за стол. Генри попытался вытащить Эдварда, пока и к нему кто-

нибудь не пришел, но было поздно: дверь в дальнем конце гостиной распахнулась, и вошли король с королевой.

– Эдвард, милый, наконец-то ты вернулся! Садись скорее, эти славные люди пригласили нас на ужин, нельзя заставлять их ждать! – сказала королева, крепко обнимая Эдварда.

Она выглядела просто ослепительно – ничего общего с изможденной женщиной, которая зашивала Генри рану. Королева была такой, какой ее помнил Эдвард.

У Генри даже губы от ненависти задрожали, когда он представил, как это место сейчас будет и ему что-нибудь подсовывать. Но больше ничего не происходило. Он вдруг вспомнил, как Секретница прикоснулась к нему в доме Странника и сказала: «Ничего не скрывает. Он прозрачный, как вода». И тогда Генри понял, отчего этому дому нечего ему предложить. У него давно не осталось никаких тайн, а теперь не осталось и желаний, ни одной мечты, за которую это место могло бы зацепиться. Генри хотел только одного: дойти до настоящего Хью, чтобы все наконец-то закончилось. Но именно этого волшебный дом не собирался ему давать.

Все уже сели за стол, красавец-крестьянин расставлял еду, влюбленно поглядывая на весело болтающую с гостями Агату. За столом оставалось одно свободное место, и фальшивый Хью вдруг отодвинул стул и похлопал по нему.

– Садись, Генри, что встал? – добродушно предложил он. Сван, который повернулся к Агате, не обратил внимания на его слова. – Ты проиграешь, я тебе это сразу могу сказать, и пытаться нечего. Посмотри в окно.

Генри послушно дошел до окна и раскинул шторы. Уже давно пора было убежать, но в комнате царило ощущение такого бесконечного счастья и любви, что даже на него действовало. Неудивительно, что остальные потеряли чувство реальности: краем уха он слышал, как они обсуждают еду на столе, стихи Свана и погоду.

К дому со всех сторон ползли темнота и пепел. Край изобилия погибал, превращался в черные остовы домов и деревьев. Краски, жизнь и голубое небо оставались только метров на пятьсот вокруг дворца, все остальное тонуло во тьме.

– Мы можем остаться здесь навсегда, – сказал Хью, непринужденно опираясь локтем на спинку стула. – Этот дворец выстоит, что бы ни случилось. У нас будет все необходимое.

Генри посмотрел на часы посреди стола. Без десяти десять. То, что все здесь погибнет в десять четырнадцать вместе с королевством, было

совершенно очевидно, его даже позабавило, что Хью думает вот так его обмануть. Но было во всем этом представлении и кое-что хорошее, – и когда Генри подумал об этом, на душе у него стало легче.

Странник был прав: хорошо, что он взял с собой эту четверку. Если у него ничего не получится, они умрут, как волшебные существа, – безмятежно и тихо, в прекрасном сне. Они болтали, как лучшие друзья, смеялись, передавали друг другу тарелки. Каждый получил то, что ему нужно, и был с теми, с кем хотел быть. Генри взглянул на них в последний раз и зашагал к двери в коридор, но когда он проходил мимо стола, Эдвард поймал его за рукав.

– Я с тобой. Помогу, – решительно сказал он, хотя Генри видел, как ему хочется остаться здесь. – Я же помню, мы за чем-то важным пришли.

Генри покачал головой. Они как будто поменялись ролями – Эдвард смотрел на него, как ребенок, а Генри казался себе древним стариком.

– Оставайся тут. – Генри разжал его пальцы на своем рукаве. – Я все сделаю.

– Ты ведь с самого начала мог дойти без нас, да? – медленно спросил Эдвард, и на секунду в его взгляде появилось что-то от пронизательного умника Эдварда, которого Генри знал. – Мы вообще не пригодились, только задерживали тебя. Зачем ты взял нас с собой?

– Мог один, – согласился Генри, и это была чистая правда. – Но хотел с вами.

– Мы ведь больше не увидимся? – тоскливо спросил Эдвард, не обращая внимания на попытки матери вернуть его к разговору за столом.

Генри покачал головой. Его захлестнуло чувство потери, но у него не было прощальных подарков, не было напутствий и красивых последних слов, – наверное, все заканчивается по-настоящему, когда даже слов не остается. Но он все же отыскал кое-что – единственное, что теперь имело значение.

– Если все получится, помни: ты будешь лучшим королем, какой был у этой земли со времен Матеуша, – сказал Генри.

– Стой! – выпалил Эдвард, увидев, что он уходит. – Я даже не знаю, как тебя зовут!

– Неважно. – Генри покачал головой, улыбаясь. – Прощай, Эдвард.

Фальшивый Хью проводил Генри прищуренным взглядом, потом снова повернулся к Свану и громко засмеялся над его шуткой, – и, судя по сияющим глазам Свана, это было все, о чем он мечтал. Генри аккуратно прикрыл за собой дверь. Вот такими он их и запомнит: счастливыми.

Куда идти дальше, Генри не знал: дом был огромным, а присутствия

Хью он не чувствовал, как ни старался сосредоточиться. Дальше по коридору было пять дверей, и Генри заглянул в каждую. Над дверью номер четыре висела тяжелая портьера, которая с грохотом обрушилась, стоило ее тронуть. Генри увернулся и пошел в эту дверь: здесь ему не рады, и идти надо как раз туда, куда его не пускают. Он прошел по пустому залу с лакированным полом из темного дерева. В конце его были три двери, две открыты, одна заперта. Генри выбил ее ногой.

За ней оказалась тихая просторная кухня, но стоило Генри добраться до середины, как со всех ее поверхностей, со всех подставок и из ящиков в него полетели вилки, ножи и прочая кухонная утварь, в основном – острые предметы. Они зависли в воздухе, окружив Генри со всех сторон, и он подумал, что все-таки Хью никогда не понимал, что творится в его собственной голове. Он пытался остановить Генри, но в глубине души хотел, чтобы тот дошел, – иначе ножи немедленно воткнулись бы в него.

– Я обещал, что буду с тобой в десять четырнадцать, и я иду, – глухо сказал Генри, в упор глядя на ножи. – Я иду к тебе, Хью.

Он протянул руку и сбил нож на пол. Тот послушно упал. Генри повел рукой, сбивая ножи и вилки на своем пути. Остальные так и остались висеть в воздухе и не упали, даже когда Генри вышел из кухни и зашагал по узкому низенькому коридору к последней закрытой двери.

– Не так быстро, сынок, – сказал Освальд, шагнув на свет из темной ниши в стене, и спокойно прислонился к двери. – Не удивляйся, сам ведь знаешь: принципов у меня немного. Кого еще Хью мог нанять в качестве охраны? Поверь, на плату он не поскупился. – Освальд шутливо развел руками. – Кто бы мог подумать: я хотел, чтобы он мне служил, а теперь служу ему.

– Seriously? – спросил Генри и попытался пройти, но Освальд выхватил из ножен меч и приложил острое к его горлу.

Меч был тот самый, выплавленный когда-то Тисом и способный убить кого угодно.

– Настоящий, не подделка, – сказал Освальд, и тут Генри вынужден был с ним согласиться: острое лезвие звенело от волшебства. – Даже тебя сможет убить. Сразимся?

– Прости, папа, – сказал Генри, глядя ему в глаза. – Не сегодня.

Он одним движением вытащил из кармана столовый нож и ударил Освальда в сердце. Тот вскрикнул, судорожно прижав руку к груди.

– Ты думал, я не прихвачу один из тех ножей, которые висели передо мной? – тихо спросил Генри. – Просто на всякий случай?

Он попытался спихнуть Освальда с дороги, но тот вцепился в стены

узкого коридора, загораживая собой проход. Из угла рта у него лилась кровь.

– Что же ты наделал, – простонал Освальд, задыхаясь. – Как больно. Я же теперь не бессмертный, ты убил меня, ты...

Генри вздохнул и бросил нож.

– Ты кое-чего не учел, Хью, – спокойно сказал он. Он уже давно научился не верить своим глазам. – Мой отец меня не помнит, в этой версии реальности он бы меня даже не узнал. Но попытка хорошая.

Он толкнул стонущего фальшивого Освальда, тот пошатнулся и рассыпался в пыль еще до того, как коснуться пола. Меч со звоном упал – вот он был настоящий, самое могущественное оружие в королевстве. Генри протянул было руку, но не стал подбирать. Там, куда он идет, оружие ему не поможет.

Генри переступил через груды пыли, оставшуюся от Освальда, и прошел по узкому коридору, на ходу снимая перчатки. Больше они не понадобятся. В конце коридора дверь была всего одна, он толкнул ее плечом – и зажмурился от солнца.

За дверью располагался ярко освещенный дворик, заросший высокими деревьями, не фальшиво-золотыми, а настоящими осенними кленами с разноцветными листьями. Дворец окружал этот сад с четырех сторон, отгораживал от остального мира. Здесь пахло дождем и опавшими листьями, солнце ярко сияло, но Генри видел – вокруг дворца небо уже черное, и только над этим двориком-колодцем оно еще оставалось голубым.

Хью сидел на скамейке под деревьями и любовался небом. Он чуть поблескивал, и со всех сторон к нему тонкими струйками летела золотая дымка, втягивалась прямо в него: вот оно, волшебство всего королевства. И поза, и движения Хью были какими-то странными, будто то, что наполняло его, просто старалось притвориться человеком. Хью обернулся, и Генри увидел: глаза у него совершенно золотые, даже зрачка не видно.

– Дошел все-таки, – сказал Хью каким-то глухим, не своим голосом. – Уже бесполезно. Скоро все будет моим.

На одной из выходящих во двор стен висели огромные часы. Они показывали без пяти десять.

– Хью, мне надо поговорить с тобой.

– Ты что, не понял? Его больше нет, – проговорило существо с золотыми глазами и поднялось. – Есть только я.

– Он там, иначе ничего этого бы не было. – Генри махнул в сторону

дворца и упрямо пошел вперед. – Сила – ничто без обладателя, она не способна ничего создать, может только забирать и тянуть к себе. Хью, я знаю, ты там. Ты должен поговорить со мной. Я понял, какой у тебя дар.

Лицо существа чуть дрогнуло.

– Ты создал прекрасную деревню. Это одно из самых красивых мест, какие я видел, – искренне сказал Генри. Он знал, что существо почувствует фальшь, больше ничего не скроешь, – но он и не собирался лгать. – И этот дворец, и даже этот двор. По-моему, никто еще не придумывал парк внутри дома. Ты строитель, Хью. И не просто строитель домов, ты способен создать целую деревню с дорогами, с огородами, – так, чтобы все выглядело красивым вместе. Ты... как это... есть такое слово – деревнестроитель? – Генри улыбнулся, глядя ему в глаза. – Скажи мне. Это ты читал много книг, не я.

Золото в глазах Хью чуть побледнело, теперь даже можно было разглядеть границу радужки. Генри мелкими шагами шел к нему.

– Ты видишь, что я хочу сделать. Посмотри внимательно. Сила не верит, что ты можешь ее побороть, а я верю. Давай. Дай мне руку.

Он протянул руку, и Хью, моргая, медленно потянул к ней свою. Он уже почти коснулся Генри, когда его словно скрутило судорогой, глаза опять заволокло золотым, и существо засмеялось.

– Вот теперь я вижу, зачем ты пришел, – без выражения сказала оно. – У тебя не получится. Хью тут не поможет. – Оно не запугивало, не издевалось, просто сообщало. – Попробуй. Сделай, что хотел.

Солнечный свет бледнел, тьма подступала ближе. Существо протянуло руку, сжало голые пальцы Генри – и вот тогда он почувствовал.

«Не выйдет. Он прав, – беспомощно сказал огонь. Рука Хью была вялой и холодной. – В нем сила всего королевства, я для нее – как песчинка в пустыне. Прости. План не выгорел».

Существо убедилось, что Генри понял, а потом разжало пальцы, махнуло рукой, будто отгоняя насекомое, и Генри отшвырнуло в дальний конец двора. Существо вернулось на скамейку и продолжило любоваться небом. Генри растянулся на листьях, но вставать не стал. Он вдруг понял: взгляд существа в небо, который он вначале принял за взгляд ужаса от того, что все подходит к концу, на самом деле был полон спокойного удовлетворения от выполненной работы. Существо терпеливо дожидалось, когда небо затянет полностью и даже искра солнца исчезнет, когда этот дворец рассыплется в прах, и все, что создал Хью, хозяин тела и хозяин этой головы, больше не будет иметь значения. Хью исчезнет, и тогда сила достигнет единственного, чего способна хотеть: станет огромной,

свободной и бесконечной.

Где-то в доме часы пробили десять, и им тут же начали вторить другие, они подыгрывали друг другу, сливались, и Генри закрыл глаза. Он проиграл. Сила заберет каждую искру жизни, но люди умрут последними, среди пустоты, потому что люди, как сказал Странник, сильнее всего на свете. В голове у Генри все путалось, сплеталось в какой-то уродливый клубок – смерть, волшебство, те, кого он любил, оборванные золотые нити, сила Хью, сила Барса, дар огня, дар строительства – все это не имело уже никакого значения. Или... Или имело. Генри дернулся всем телом. Понимание пришло к нему так просто, так естественно, как будто он в глубине души знал это всегда.

Когда он нашел Сердце волшебства, когда он умирал и Сивард баюкал его голову у себя на коленях, ему казалось, что он наконец-то понял, в чем был смысл его жизни. Доказать, что он – не ошибка, что он способен сделать что-то хорошее, несмотря на дар. Но сейчас Генри понял нечто гораздо большее: он понял, в чем смысл всех жизней, всех смертей, всего волшебства на свете. Он столько слышал от разных людей и существ осколки этого знания, но только теперь оно дошло до него полностью.

– Это все одно и то же, – без голоса прошептал он, и это понимание ударило его прямо в сердце.

Все на свете – одно и то же: жизнь, волшебство, любовь, дары, воображение, золотые нити между людьми. Все соткано из одной материи, отделяющей живое от мертвого. Волшебники и существа созданы вот из этой чистой жизни, а в волшебные места и предметы мастера были способны вложить небольшую ее искру.

Мир волшебства – это мир самой жизни, но в то же время, в то же самое время, это и мир смерти, потому что питают его те, кто умирает. Искра их жизни пополняет чистое волшебство, а оно в свою очередь питает королевство и создает новые жизни. Чем лучше был человек при жизни, тем больше силы он отдает, когда умирает. Плохие просто гаснут. От них ничего не остается.

Сердце волшебства, сгусток чистой жизни, давало каждому чуть больше этой силы, чем положено иметь человеческому существу, но, используя свой дар, создавая что-то прекрасное, люди расплачивались и возвращали долг. Вот так и устроено королевство мудрого Барса: ты больше отдаешь, но больше и получаешь.

Дар Генри способен пополнять свои запасы жизни за счет других, дар Эдварда, наоборот, отдает другим из своего запаса. Все на свете – одно и то же, это золотое сияние бесконечно отдают и забирают, так и живет

королевство.

А значит, можно сделать только одно. Генри закрыл глаза, пытаясь найти мир волшебства, нащупать его во тьме. Огонь мог краешком, чуть-чуть заглядывать туда, но сейчас Генри нужен был не краешек, а самое сердце этого золотого места. Глазами его не найдешь, но Генри давно уже избавился от иллюзии, что говорить можно только с теми, кого видишь глазами.

«Помоги мне, – отчаянно подумал Генри, обращаясь к самому волшебству, к чистой жизни, созданной из тысяч самых лучших жизней, из плодов самых лучших даров, из любви и доброты; к месту, где ни личности, ни время, ни желания больше не имели значения. – Перси сказал, что сила мертвых сделала его Барсом, но это же все одно и то же: сила мертвых, сила жизни, сила волшебства. Пожалуйста, дай мне немного, чтобы я мог спасти Хью и королевство».

Ответа не было. Генри не знал, как этот ответ должен выглядеть, но он каждой клеткой чувствовал, что его нет, и бессильно разрыдался, лежа на земле.

«Я же умираю, – подумал он. – Странник никогда не ошибается: я здесь умру, я уже почти твой, я почти часть тебя, и ты меня точно слышишь, так помоги мне. Я знаю: все заканчивается, мои возможности заканчиваются, они исчерпаны, только одна осталась. Пожалуйста, на пять минут одолжи, а потом я все верну обратно, ты же видишь меня, видишь, что я говорю правду! Мне ничего не нужно, ничего, кроме этого. Мы все – и есть ты, королевство – и есть ты, так спаси его! Я знаю, что это против правил, знаю, что так не делают, но я верну все, все до последней капли».

И тогда Генри почувствовал: теплое золотое сияние влилось в каждую его клетку. Огонь восхищенно замер, он никогда еще не был таким сильным, таким могущественным и спокойным. Генри медленно выдохнул и поднялся. Пятно голубого неба над головой, круглое, как крышка, уже почти растаяло.

Генри обошел скамейку и остановился перед Хью, который продолжал без выражения смотреть на небо. Тот перевел на Генри взгляд своих золотых глаз и изменился в лице: он увидел. Взгляд существа лихорадочно заметался, оно пыталось сообразить, как избавиться от того, кто теперь равен ему по силе. Генри опустил на одно колено, чтобы не нависать, и протянул Хью правую руку. Он никогда в жизни не чувствовал себя так глубоко в сердце бури.

– Давай, Хью, – тихо сказал он. – Я обещал, что мы будем вместе до конца. Я же обещал, что не подведу, и я здесь. Отпусти ее. Давай, ты

можешь. Отпусти.

Генри улыбнулся ему, как другу, потому что в каком-то безумном смысле они и правда стали друзьями, и каждый из них понимал другого, как никто. Золотая дымка продолжала со всех сторон втягиваться в Хью, но тут у него дернулась голова, а потом глаза стали совершенно чистыми, его собственными. Голубое небо над головой погасло окончательно, и все стало серым.

– Ты не один, – спокойно сказал Генри. – Мы вместе. Возьми меня за руку.

Хью медленно выдохнул, глядя на него, и медленно сжал его ладонь. И тогда Генри мысленно сказал то, что огонь в глубине души всегда мечтал услышать: «Можно. Возьми все, я тебя отпускаю. Ты свободен». А потом прибавил то, что огонь услышать даже не мечтал: «Спасибо тебе. Веселое было путешествие, да?»

«Прощай, хозяин», – сказал огонь и мягко погладил его изнутри.

А потом весь скользнул в правую руку и вцепился в силу Хью. Она была огромной, но огонь был создан для этого, он вливал ее в себя, одновременно покидая тело, и последней его связной мыслью было: «Ух ты». Генри улыбнулся, но улыбки на губах не почувствовал, он вообще чувствовал тело все меньше, словно оно немело. Зато размытая золотая фигура, покинувшая его тело, становилась все больше. Ее сияющие руки стискивали ладонь Хью и тянули в себя его силу, темную, как старое золото, но сам огонь оставался чистым и ярким, – и сила Хью постепенно светлела, смешиваясь с ним.

«У нас ведь каждая капля крови одна на двоих, верно? Сила связана с самой жизнью, их нельзя разделить, – сказал Генри огню на пепелище своего дома. – Но если я отдам свою силу, то есть тебя, вместе с жизнью, и Хью сделает то же самое, то вы сольетесь вместе, так? Сила такова, каков хозяин, и новым хозяином всего этого могущества станешь ты. А ты хороший, и я верю в тебя, – мне плевать, каким ты был раньше: для меня сейчас ты – лучшее, что осталось. Если уж мы смогли силу короля-зверобоя превратить в свою, значит, и тут справимся, как думаешь?»

Голова Хью повисла, он сполз со скамейки на землю и остался лежать. Мир почти погас, и только огромная золотая фигура ослепительно сияла. Огонь посмотрел на свои раскаленные докрасна руки. Несколько секунд было оглушительно тихо, а потом остатки золотой дымки снова потянулись из стен, деревьев, земли, но только теперь они втягивались не в Хью, а в руки огня.

– Нет, – хрипло сказал Генри, щурясь от яркого света. Он даже не мог с

уверенностью сказать, стоит ли на колене или уже лежит, но голос пока оставался. – Нет. Ты хочешь все, я знаю, – ты такой, тебе трудно удержаться. Но в этот раз нужно наоборот. Отдашь – получишь больше. Это будет лучший момент в твоей жизни, честное слово. Увидишь, я прав. Стать частью всего куда лучше, чем забрать все себе. – Последняя фраза получилась совсем смазанной, язык начал отказывать, и Генри из последних сил выдавил еще три слова: – Давай. Задай жару.

Золотая фигура наклонилась к нему, и Генри запоздало понял, что все еще упирается одним коленом в землю. Значит, не упал. Бесформенное лицо всмотрелось в него, придвинулось и на секунду коснулось лбом его лба. А потом огонь выпрямился, в последний раз взглянул на свои руки и упал.

От удара о землю фигура рассыпалась на миллионы искр, это сияние волной прокатилось во все стороны, и в следующую секунду Генри чуть не ослеп. Он никогда не замечал, что в мире столько цветов и они такие яркие. Осенние листья кленов, резные стены внутреннего двора, синее небо, ослепительное солнце позднего весеннего утра – все это было таким прекрасным, убийственно красивым. Генри почувствовал, как его сердце бьется все медленнее. Мышцы больше ему не подчинялись, и он упал на землю, в шуршащие разноцветные листья. Над головой шумели клены, но повернуться на спину и взглянуть на них уже не хватало сил.

Хью лежал в шаге от него, глаза его сонно моргали, он хрипло, тихо дышал. Похоже, огонь оставил им обоим прощальный подарок: слабую, тлеющую искру жизни, чтобы они могли попрощаться. Генри протянул руку и слабо сжал холодные пальцы Хью, думая о том, что отец был не прав: люди не должны умирать одни.

Кто-то перевернул Генри на спину, и над ним нависло лицо Странника. Тот снова выглядел здоровым и сильным, как будто гвозди может голыми руками забивать, и Генри захотел улыбнуться ему, но уже не смог.

– Даже лучше, чем было, – тихо сказал Странник. Глаза у него сияли. – Все выжили, существа проснулись, земля ожила. Все в порядке, ты все сделал.

Одна мысль вдруг пронзила Генри с такой силой, что он даже смог выдать из себя слова.

– Волшебство. Я не вернул то, что одолжил, – пробормотал он, пытаясь остаться в сознании. – Оно... оно теперь везде.

Странник поднял голову и замер, будто прислушиваясь к чему-то далекому.

– На тебя там не сердятся, – негромко сказал он. Ну конечно, он же

был соткан из чистого волшебства и мог доставать ответы прямо с той стороны. – Это было прекрасное путешествие, Генри. Кто бы знал, какую удивительную жизнь можно прожить за месяц.

«И правда», – подумал Генри. Деревья сходились у него над головой, разноцветные листья качались под ветром. Как же он хорошо провел время с тех пор, как впервые перешел реку около своего дома в горах. Генри чувствовал, что сейчас заснет, и Странник сидел рядом и смотрел на него с такой же улыбкой, как у Барса: улыбкой, понимающей все на свете.

– Подожди секунду, – мягко сказал Странник, оборачиваясь. – Кое-кто хочет попрощаться.

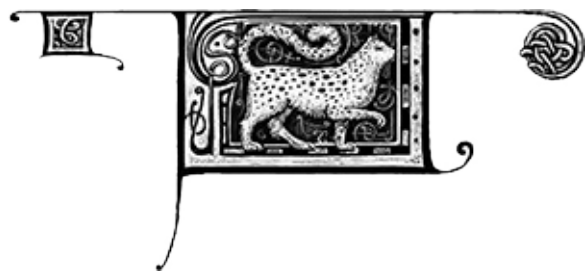
Рядом послышались бегущие шаги, шорох листьев, и над Генри нависли лица Эдварда, Агаты и Джетта. Сван скользнул по нему взглядом и горестно опустил рядом с Хью. Видимо, как только сила исчезла, рассыпалась и иллюзия прекрасного ужина.

– У тебя ничего не болит, – потрясенно пробормотал Эдвард. Ну конечно, он бы на себе почувствовал, если бы это было не так.

Генри моргнул, надеясь, что это сойдет за «да». У него действительно ничего не болело, он умирал просто от того, что жизнь покинула его вместе с огнем. Все смотрели на него так, будто происходит что-то очень печальное, но Генри не было грустно. Здорово Странник все устроил: он говорил, что для каждого есть идеальный проводник среди живущих, и сейчас проводник Генри нависал над ним.

Глаза у Эдварда были распахнутые и мокрые. Генри даже не мог вспомнить его плачущим, в детстве из них двоих плаксивым был как раз он сам. Генри едва заметно улыбнулся. Он спас всех сегодня, а Эдвард будет спасать королевство каждый день – этим ведь и занимаются настоящие короли. Генри набрал в потяжелевшие легкие воздуха, чтобы спокойно выдохнуть его в последний раз, но тут Эдвард взял его запястье, и когда Генри понял, что он собирается сделать, это его чуть с того света не вернуло. Он дернулся и попытался отобрать свою руку, но движение было слабое, еле заметное, только пальцы дернулись. Эдвард покачал головой и что-то сказал, Генри видел, как двигаются его губы, но не мог разобрать ни слова. От попытки двинуться у Генри ужасно кольнуло сердце, он почувствовал, как оно пробует сократиться, вытолкнуть кровь еще раз, потому что все живое до последнего старается выжить, но ничего больше не получалось.

Его сердце остановилось, и все померкло. Генри не почувствовал ни страха, ни печали. Умирать оказалось не больно.

Глава 13

Десять четырнадцать

Больно оказалось возвращаться к жизни. Мозг полыхал, словно его наизнанку пытались вывернуть. Генри захрипел и попытался куда-то откатиться, он ничего не видел и не понимал, что происходит. Его крепко держали за руку, и руке было очень больно, боль и жар от нее растекались по всему телу, вливались в голову, в сердце. Перед глазами внезапно чуть прояснилось, Генри увидел, что происходит, и от ужаса чуть не умер второй раз подряд. Эдвард прижимал его ладонь к своему горлу, будто пытался придушить себя его рукой. Щеки у него были красные, губы тряслись от боли, но он продолжал что-то повторять снова и снова. Сил отнять руку у Генри не было, и он сосредоточился на словах Эдварда:

– Не мой дар. Твой. Не мой, а твой.

Генри с хрипом втянул воздух, и Эдвард, выпустив его руку, согнулся. На горле у него был ожог. Генри задыхался, ведь нельзя лечить умирающих, он же сам умрет, ему же сказали, но тут кто-то сдвинул Эдварда в сторону. Джетт сел на его место, взял руку Генри, дернул свой рукав вверх и сжал пальцы Генри на своем запястье.

– Ох ты ж, мама, – охнул он, да так и не замолчал. Кажется, звук

собственного голоса Джетт всегда считал лучшим средством от любых неприятностей. – Больно! Ладно, давай, держи, отдаю добровольно. Его высочество прав: кто его знает, может, рукопожатие – сразу смерть на месте, а так почти терпимо. Так, все, нет, не могу, все.

Джетт со стоном прижал было к запястью пальцы другой руки, но тут же отдернул их и привалился к Эдварду, видимо, посчитав его мощную сторбленную спину достаточно крепкой опорой для своего тщедушного тела. Агата скользнула на место Джетта и попыталась тоже закатать рукав, но кружево слишком плотно облегалo кожу. Изуродовать себе шею она не решилась и, не придумав ничего другого, спихнула с ноги сапог и прижала ладонь Генри к своей лодыжке. От боли Агата зашипела, но ничего не сказала: кажется, вместе с волшебством Хью ушла и ее способность говорить.

– Жизнь несправедлива, – пожаловался Джетт, баюкая пострадавшую руку. – Я вот ни разу девушку за ногу не трогал, а умирающему досталось.

Агата еще несколько секунд сжимала его запястье, потом отползла и обняла колени. Генри рывком сел. От слабости его вело в сторону, но он определенно был жив.

– Я запомнил, что ты сказал, – прохрипел Эдвард, заметив, что Генри вытаращенными глазами смотрит на него. – Про то, что нельзя лечить умирающих, а то сам помрешь. Но я подумал: что, если не мой дар использовать, а твой? Ты так устроен, что забираешь жизнь, так почему бы не дать тебе немного? Может, если добровольно отдаешь, это подействует? Ты тогда не сжег пешку, предлагал поставить опыт на людях – вот и поставили.

– Я мог тебя случайно убить, – прохрипел Генри и даже вздрогнул от неожиданности при звуке своего голоса.

Эдвард пожал плечами:

– Ты же сказал, что контролируешь силу, ну, я и решил поверить тебе на слово. Видишь, все живы.

И правда: все выглядели бледными, но вполне живыми. Странник стоял над ними, растерянно моргая. Похоже, он не привык, чтобы его работу так грубо прерывали.

– С ума сойти. – Странник задумчиво потыкал Эдварда в спину носком сапога: это был такой мальчишеский жест, что Генри засмеялся бы, если б мог. Эдвард даже не дернулся – не заметил. – Не было никакой возможности, но он ее прямо из тьмы вытащил. У нашего будущего короля тоже упрямство барана и сердце льва. Вы, случайно, не родственники? С возвращением, Генри. Ты не представляешь, как я рад, что в твоём случае

остался без работы.

Эти слова натолкнули Генри на мысль. Он помотал головой, пытаясь прийти в себя, – он чувствовал себя так, будто его грубо разбудили посреди отличного сна. Сосредоточиться было тяжело, и Генри справился только с третьей попытки.

Хью по-прежнему лежал рядом, а Сван ревел и бормотал что-то, обхватив его своими здоровенными руками и качая туда-сюда. Генри подполз к ним – от потрясения он даже не мог вспомнить, как встать на ноги. Он почему-то был уверен, что Сван бормочет стихи, как было с Мойрой, но, прислушавшись, понял: нет, просто слова.

– А помнишь, как мы белку ловили? Помнишь? А тот Зимний день, когда папа выиграл нам соломенное чучелко? Весело было, да?

Голова Хью лежала у Свана на коленях неподвижно, и Генри подумал, что он уже умер, но потом разглядел: глаза Хью чуть приоткрыты, и он едва заметно улыбается, прислушиваясь к словам. Генри навис над Хью, поставив руки по сторонам его головы, чтобы ему не пришлось тратить силы и поворачивать голову. Было ясно, что его уже не спасти. Дар Генри позволял забирать силы других, и его уберегло то, что он – разрушитель. Но у Хью такой способности не было. Генри зажмурился, и слезы, скатившись по щекам, упали Хью на лицо. Тот тоже это почувствовал – собрал последние силы и произнес всего одно слово, так тихо, что Генри едва расслышал:

– Живучий.

– Да. Да. Прости, я не хотел, я был уверен, что не выживу, прости, ты же знаешь, я тебя не обманул, я...

Хью прикрыл глаза, соглашаясь, и открыл их снова. Он выглядел таким бледным по сравнению с тем, каким Генри знал его последние дни, таким нелепым и хилым, но при этом живым, как никогда. «Парадокс», – мелькнуло в голове у Генри.

Странник стоял над ними, и Генри повернулся к нему. Ему в голову вползла мысль, холодная, как змея.

– Не мучай его, – хрипло сказал Генри. – Ты ведь сказал, что мучаешь плохих людей, растягиваешь последнюю секунду до бесконечности. Не надо, ладно?

Странник перевел взгляд на Генри, потом на Свана и кивнул, – не сразу, но кивнул и сделал шаг назад.

– Эй, – Генри шумно вытер нос рукавом и повернул голову Хью, чтобы тот смотрел на него. – Эй, Хью. Помнишь, как вам со Сваном Барс явился? А кто видит Барса, тот становится героем, и ты стал, ты стал, ты победил. Я

знаю, как это было трудно. Поверь, я знаю.

Он сам не понимал, что бормочет, ему было так грустно, словно они никогда и не были врагами, и какая-то часть его самого сейчас умирала вместе с Хью. Хью смотрел на него, вглядываясь в его лицо так, будто хотел запомнить его, хотя это уже не имело никакого смысла.

– Эй, – Генри разрыдался так, что слезы западали Хью на лицо часто, как дождь. – А помнишь костер, и я ел мясо, а ты вышел из леса, и я в тебя не выстрелил, и ты сел рядом. Была осень, как сейчас, и мы сидели у костра.

Эти слова что-то задели в памяти Хью – его угасающий взгляд вдруг стал почти осмысленным.

– Ты не выстрелил, – пробормотал Хью, еле различимо, но внятно, и в его глазах появилось то, чего Генри никогда в них не видел: радость и спокойствие.

– Нет, – выдохнул Генри, губы пытались улыбнуться, но дрожали так, что не получалось. – Не выстрелил.

Хью слабо кивнул, как будто это все, что он хотел знать о жизни. Его взгляд остановился на лице Генри и больше не сдвинулся.

– Время смерти: десять четырнадцать, – негромко сказал Странник.

Генри перевел взгляд на часы. Стрелки расплывались, но он все равно кое-как разглядел: Странник прав. Генри казалось, что прошло так много времени с тех пор, как он вышел в этот сад, но время, как он уже не раз убедился, – вещь относительная.

Он уперся головой в неподвижную грудь Хью и разревелся в голос. От печали, от усталости, от того, что он выжил, а Хью – нет, от того, что какая-то часть его жизни заканчивалась прямо здесь, чтобы никогда больше не вернуться.

Когда в глазах немного прояснилось, он увидел, что земля вокруг головы Хью, в которую он упирался обеими руками, обуглилась и почернела. Генри подался назад, сел на колени и посмотрел на свои руки. По-прежнему обжигают.

– Эй, – тихо позвал он. – Эй, ты там?

«Нет, чаю отошел выпить! Конечно там, идиот, где мне еще быть?» – вот что он ожидал услышать, но внутри было абсолютно тихо.

– Я думаю, он умер, – негромко сказал Странник, глядя на него сверху вниз. – Ты по-прежнему обжигаешь, такова уж твоя природа: в тебе оставалась всего капля жизни, но огонь был и в ней. Впрочем, огонь как существо тебя покинул. Не знаю уж, вырастет ли он в тебе снова, когда ты окрепнешь, или ты просто будешь обжигать, но больше не услышишь его

голоса. У нас примеров еще не было, так что не могу ответить на твой вопрос.

Генри кое-как поднялся, хотя ноги слушались плохо, как у новорожденного лосенка. Огонь спас его, спас их всех и стал частью всего, и теперь Генри обязан был это сделать.

– Спасибо, – прохрипел он, глядя вокруг. Он прокашлялся, голос чуть окреп, и тогда он крикнул во весь голос: – Спасибо! Эй! Ты нас спас! Ты меня слышишь?

Генри повернулся вокруг своей оси, но, конечно, никто не ответил. Ветер подхватил сухие листья и бросил их ему в лицо, он отмахнулся, но один лист – алый, разлапистый – накрепко прилип к мокрой щеке. Генри долго держал его в руке, а потом спрятал в карман.

– Ну все, все, хватит реветь, – проворчал Эдвард, грубовато постучав его по плечу. – Эй. Успокойся. Все хорошо. И ты тоже прекращай. – Он потрепал Свана по спине. – Хотя нет, ты можешь еще поплакать. Брата, наверное, грустно потерять, какой бы он ни был.

Это навело Генри на мысль, и он повернулся к Эдварду:

– Зачем ты это сделал?

Эдвард дернул плечами, засунув руки глубоко в карманы.

– Ты какой-то не такой, как все. А у меня друзей никогда не было. Ну, таких, настоящих. Не тех, которые во всем с тобой соглашаются, а чуть что – сразу подставляют, если это поможет перед королем выслужиться. Вот мне и захотелось сделать что-нибудь такое...

– Героическое? – подсказал Генри, натягивая перчатки, и лицо Эдварда просветлело.

– Точно!

Генри вопросительно посмотрел на Джетта.

– Не знаю, кто ты такой, и ты меня, если честно, пугаешь аж до мурашек, – неловко сказал Джетт. – Но я как-то не привык, чтобы кто-нибудь считал меня хорошим парнем, а ты считал, я по глазам видел. Несмотря на мои...

– Преступные наклонности, – закончил Эдвард, и Джетт хмуро глянул на него. – Ладно, да получишь ты свои десять монет! Только, пожалуйста, я серьезно прошу: когда придем в королевский дворец, ничего не тащи. Отец и так считает меня полным придурком, а если узнает, что я вожу дружбу с вором, вообще из дома выгонит и оставит престол Карлу.

Джетт серьезно кивнул, а Генри еле слышно хмыкнул, жалея, что некому больше оценить шутку про Карла: Агата отошла в сторону и что-то разглядывала под корнями клена. Генри подошел к ней, но, увидев, на что

она смотрит, забыл, что хотел сказать.

Между тонких, плотно прижатых друг к другу корней клена протискивался скриплер. Он раздвигал корни всеми ветками, кряхтя и ерзая, и наконец упал на землю. Потом пенек поднялся, огляделся, не обращая внимания на людей, и издал такой пронзительный, мощный скрип, как будто вековая сосна падает под натиском бури. На пару секунд воцарилась тишина, а потом из-под всех кленов полезли скриплеры. Они выбирались на землю, озирались, издавали высокие звуки, вроде тех, что издает на ветру оконная створка, и мчались в дом, переваливаясь на своих спутанных корнях.

– Они существуют, – выдохнул Эдвард, и Генри улыбнулся краем рта.

– Это я их позвал, – бодро сказал Странник, появляясь у Генри за плечом. – Сказал, что нашел им новый дом всех вещей. По-моему, они в восторге: ты гляди, как забегали! А что: дворец прекрасный, все деревянное, как они любят. Да и вообще, тут целая деревня для жизни обустроена, а людей сюда все равно непустишь. Легенды не врут, тут любое яблочко укусишь – и смерть на месте, а эти ребята только печенье трескают и чай пьют. Хоть барахло свое наконец-то уберут из моего дома. – Он усмехнулся, глядя на разбегающихся скриплеров. – Буду скучать по ним.

– Можно его здесь похоронить? – глухо спросил Сван. Его широкая ладонь лежала на лице Хью, закрывая его глаза. – Он не очень любил Хейверхилл, всегда хотел оттуда сбежать.

Генри кивнул и посмотрел на остальных. Те любовались на скриплеров, глуповато открыв рты, а Генри не мог отвести взгляд от ожогов у Джетта на руке и у Эдварда на шее. К счастью, обожженную лодыжку Агаты под длинным платьем было незаметно.

– Не желаешь ли приложить к ним по кошке? – учтиво спросил Странник.

– Да, пожалуйста, – сказал Генри.

Все переглянулись, но, видимо, решили, что его привычка разговаривать с самим собой – не худшее из того, что они сегодня наблюдали. А Странник тем временем исчез и вернулся с охапкой мяукающих кошек, которые так и норовили выбраться из его объятий и соскочить на землю. Он взял одну за шкурку и уронил на руки Эдварду – тот вздрогнул и инстинктивно поймал. Двух оставшихся кошек Странник посадил на плечи Джетта и Агаты. Все были увлечены скриплерами и, кажется, не заметили, что кошки появились прямо из воздуха.

– Тебе не даю, – сказал Странник. – Они, строго говоря, не лечат сами,

просто на минуту поднимают запас жизни в теле настолько, что оно начинает залечивать само себя. А жизни в тебе сейчас, прости за каламбур, кот наплакал. Тис нам не простил бы, если б мы угробили одного из его мохнатых друзей.

– Это же волшебные кошки! Из сказок! – почти с ужасом выдохнул Джетт, когда Пастилка обернула хвост вокруг его запястья.

Лунный Камень влез своей круглой башкой Эдварду под подбородок, а черная мелкая кошка, имени которой Генри так никогда и не узнал, спрыгнула на землю и терлась о босую ногу Агаты.

– А спасать людей приятно, – задумчиво протянул Эдвард, почесывая кошку. – Больно, конечно, но приятно. У меня тут идея появилась: что, если открыть такое место, где можно лечить много людей сразу? И такое правило там введем: если сердце остановилось, в первую минуту не считается, продолжать попытки оживить больного. Может, это не только с разрушителями действует? Есть же, наверное, какие-то еще способы. Я мог бы проводить опыты. Новые методы опробовать.

– Я никогда, никогда не вызовусь к тебе добровольцем, – беззлобно сказал Джетт просто так, ради удовольствия спорить. – Если ты вздумаешь поправить мою кривую ногу, закончится тем, что я останусь вообще без нее.

– Несмотря на все, что сегодня тут было, будь любезен называть меня «ваше высочество», – церемонно сказал Эдвард. – Я к твоей ноге и близко не подойду. Но, думаю, в моем приюте для больных можно будет открыть отделение, посвященное нездоровым костям. – Он поднял взгляд на Генри. – А еще я думаю: вдруг моя мать однажды услышит про такое место и вернется? Ты ведь сказал, она тоже людей лечит.

К счастью, Генри не пришлось отвечать: кошки закончили с лечением. Они спрыгнули на землю и уже собрались уйти, но Эдвард свистнул им вслед:

– Эй! Хотите работать в моем новом доме для больных? Оплата молоком и едой.

Кошки посмотрели на Эдварда так, будто предлагали ему вылить это молоко себе на голову. Потом сбились вместе, потрусили прочь, громко шурша сухими листьями, и скрылись в доме – видимо, хотели осмотреть новое жилище своих деревянных приятелей. Скриплер, который попался им навстречу, волочил за собой огромную лопату. Дойдя до Свана, он уронил ее рядом с ним и пошел обратно. Видимо, это было разрешение на похороны.

Яму под кленом они копали долго: у Свана было достаточно сил, но он плакал так, что едва видел, что делает, Генри еле стоял на ногах, Эдвард никогда не держал в руках лопату, а Джетт со своим смещенным из-за хромоты равновесием и вообще был не приспособлен для садовых работ. В конце концов, передавая друг другу лопату, они вырыли яму, положили в нее Хью и начали закапывать. Солнце ярко светило, и Генри больше не чувствовал грусти: он уже давно понял, что мертвые тела не имеют отношения к тому, кем были их обладатели. Он уже попрощался.

Когда все было закончено, Генри попросил скриплеров принести камень побольше, краску и кисть. Они всем своим видом ясно дали понять, что нечего им приказывать, но все нужные вещи через пять минут были на месте. Камень скриплеры дотащили втроем, положили на могилу и ушли в дом.

Надпись краской на камне сделала Агата – у нее был самый красивый почерк:

«Хью Кэмпбелл, строитель. Тридцать первый день от Зимнего дня, 10.14».

– Готовы возвращаться во дворец? – спросил Генри.

Агата поежилась, но Эдвард с серьезным видом взял ее под руку.

– Мы готовы, – твердо сказал он.

– Ну, ты-то, конечно, готов. Там же папенька волнуется, что ты сегодня не позавтракал, – вставил Джетт.

– А где «ваше высочество»? – утомленно спросил Эдвард, но Генри видел: думать об отце и завтраке ему приятно.

Сван сидел рядом с могилой Хью, скрестив ноги, и, подойдя к нему, Генри с удивлением понял: он выглядит совсем взрослым.

– Идем. – Генри протянул ему руку и неловко прибавил: – Твой отец будет рад, что ты вернулся.

– Ему наплевать, – с ожесточением ответил Сван и поднялся на ноги, уцепившись за его ладонь. – Только и будет повторять, какой я тупой, и каким неудачником был Хью, и...

– Эй, эй, слушай, – перебил Генри. – С отцами не всегда везет, но знаешь что? Ты не обязан с ним жить. Можешь стать кем угодно: ездить по королевству, писать стихи. Только не вызывай на бой живые деревья и всяких тварей, – подумав, прибавил Генри. – По-моему, это не твое.

Сван еле заметно улыбнулся:

– Нет такой работы – ездить по королевству и писать стихи.

– А вдруг есть? Не узнаешь, пока не попробуешь, – фыркнул Генри. – Станешь первым странствующим поэтом в истории.

Опухшее от слез лицо Свана чуть просветлело.

– Звучит здорово, – пробормотал он, глядя на могильный камень Хью. – Раз уж у меня такой дар, надо им пользоваться, верно? Только... – Он помрачнел и опустил голову. – Я не умею быть один. Мне надо, чтобы кто-нибудь командовал, что делать.

– Поверь: быть одному – это нечто. – Генри взял его за плечи. – Только ты – и весь мир. Когда смотришь прямо в себя, можно там что угодно найти.

Глаза Свана расширились, будто он услышал что-то прекрасное. Он еще раз посмотрел на могилу Хью и снова чуть не заплакал, но сдержался, кивнул и пошел вслед за Генри к остальным.

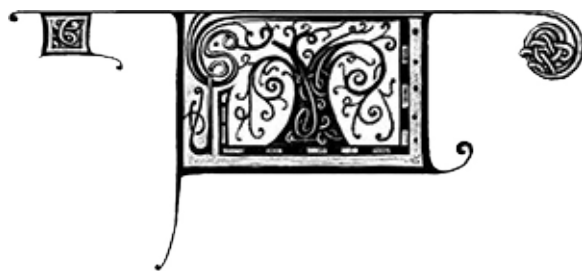
– Все возьмитесь за руки, – сказал Генри, и его тут же послушались.

Странник поглядел вокруг таким умиротворенным взглядом, словно никогда не видел места лучше. А потом открыл рот, и Генри затаил дыхание: он был уверен, что сейчас услышит невероятную мудрость, которую надо будет запомнить навсегда и хранить до самой смерти.

– Удивительная штука – жизнь, – задумчиво протянул Странник. – Мне ли не знать.

Он взял Генри за руку, и Край изобилия исчез. Генри успел подумать только одно:

«Никогда сюда не вернусь».

Глава 14

Твоя история

Что бы ни происходило снаружи, холл дворца остался неизменным: богатым, пыльным и пустым.

– Расскажите королю, что было, – сказал Генри, когда они там оказались. – Но только пообещайте мне кое-что: меня не упоминать, вы сами победили.

Все уставились на него так, будто он заговорил на другом языке, и Генри пояснил:

– Вам немного восхищения не повредит, а мне все равно.

– Да ладно, – не поверил Джетт. – Каждый хочет прославиться.

Генри в ответ только хмыкнул. Раньше это было для него так важно, а теперь превратилось в абсолютное ничто. Он не хотел, чтобы люди смотрели на него и думали: «О, это же тот парень, который спас королевство!» Когда-то он за такое палец себе отрезал бы, но сейчас вся эта ерунда казалась далекой и неважной. Он хотел просто жить. Что может быть лучше?

– За то, что ты сделал, всей казны мало, – сказал Эдвард.

Генри едва не рассмеялся. Эдвард смотрел на него, как на волшебника,

способного на все: честь, которая редко выпадает младшим братьям.

– Я, кстати, тоже участвовал в событиях, можно и мне часть казны? – спросил Джетт, но под взглядом Эдварда примирительно поднял руки. – Ладно, ладно. Главное – не забудьте про мои десять монет.

– Кстати! – Генри повернулся к Джетту. – Немного новостей: Большой Джон умер, глава твоей деревни теперь – Вегард. А еще он твой отец. Сказку об отце-путешественнике твоя мама придумала, но ты на нее не сердись, она ради тебя это сделала. С отцом тебе не очень повезло, без охраны к Вегарду лучше не ходить – возьми посланников, пусть припугнут его, а потом дай денег, возьми мать и уходи. Она тебя не узнает, у нее от твоего отсутствия рассудок помутился, но ты поиграй ей на гармошке, и она все вспомнит. Кстати, Эдвард разрешает вам теперь жить во дворце.

Генри всегда немного завидовал умению волшебников эффектно появляться и исчезать, но теперь, кажется, вполне освоил эту науку. Странник рядом тихо загибался от смеха, глядя на лицо Джетта. Когда Генри протянул ему руку, он сразу ухватился за нее – и они исчезли.

– Ох, это было неплохо, – простонал Странник, вытирая мокрые от смеха глаза, когда они переместились. – Вот это лица! – Он изобразил широко открытый рот и квадратные глаза Джетта, но, оглядевшись вокруг, смеяться резко перестал.

Генри мысленно сказал ему, куда хочет попасть, но, видимо, даже Странник не был готов к тому, что это место, в отличие от других, не ожило. Наверное, упавшие деревья даже волшебство не могло поставить обратно, а хижина сгорела от настоящего пожара, без всяких сверхъестественных причин. Большой участок леса погиб, и с этим уже ничего было не поделать, но талый снег и земля были настоящими, живыми и полными цвета.

– Дойдешь со мной до Хейверхилла? – спросил Генри, мрачно глядя на поваленные сосны и сгоревшие остатки своего дома.

– Пешком? Зачем?

– Прогуляемся. – Генри пожал плечами. – Думаю, сюда я тоже больше не вернусь. Хочу еще раз пройти этой дорогой.

– Все, что захочешь, – кивнул Странник и пошел по талым сугробам, высоко поднимая края плаща.

Генри старался запомнить каждое дерево, каждый овраг на пути. Последний километр они прошагали по дороге и вошли в деревню. Трудно быть живым: сразу появляется множество проблем, требующих твоего внимания. Проблемой номер один оказалось то, что животные так и не

превратились обратно в людей, хотя Хью больше не было. При виде Генри из всех домов к нему бросилась живность всех видов и размеров. Генри нашел глазами щенка и поросенка и улыбнулся им.

– Можешь их расколдовать?

– Боюсь, что нет. – Странник покачал головой. – Но я знаю кое-кого, кто может.

Он всмотрелся в одну точку, – так же делали Барс и Хью, и Генри теперь знал, что при этом происходит: Странник ищет в золотом мире волшебства ниточку к тому, кто ему нужен.

– Что? – раздраженно спросила Джоанна, появляясь перед ними. – Чего тебе надо?

По Генри она едва скользнула взглядом, – ну конечно, он ведь теперь для нее никто, они никогда не встречались.

– Тут вообще-то мир чуть не погиб, а ты все ворчишь, – фыркнул Странник. – Дай-ка угадаю, чем ты занималась с тех пор, как Хью обрел силу: пряталась у себя дома. Часами сидела в горячей ванне с лепестками цветов. Спала, обложившись сотней подушек, чтобы до тебя не доходили отголоски новостей из мира людей.

Джоанна насупилась.

– А ты, как всегда, пользуешься тем, что тебя невозможно убить, – огрызнулась она.

– Вы с Освальдом разве не вместе? – спросил Генри, и она гневно обернулась:

– Ты кто такой?

– Этот вопрос сложнее, чем кажется, – заметил Странник. – А он тебя первый спросил.

– Мы с Освальдом расстались еще семьдесят лет назад, он стал ужасно скучным. И кстати, малыш, прости, что испорчу настроение, но если ты видишь этого господина, значит, скоро умрешь.

Джоанна оскалила зубы в улыбке, и Странник покачал головой, глядя на нее как на старого приятеля, с недостатками которого ты смирился уже давным-давно.

– Поверь: не в его случае, – с чувством сказал Странник. – Ты много чего проспала.

Она огляделась и, кажется, впервые заметила толпу притихших животных. Те опасливо следили за разговором, не издавая ни звука. Ну конечно: Странника никто из них не видел, так что им казалось, что Джоанна спорит с пустым местом.

– О. А вы не настоящие зверьки. – Она хищно улыбнулась. – Это Хью

так постарался? Одобряю.

Звери сгрудились вместе. Какая-то овца печально заблеяла.

– Расколдовывай, не весь день нам тут стоять, – весело скомандовал Странник.

Генри думал, что Джоанна будет отнекиваться, но она покосилась на Странника, и Генри понял: даже она не решается отказать ему в просьбе.

– Так, зверьки, встаем в очередь. Только без суеты. И не издавайте никаких хрюканий и прочего, я терпеть не могу животных.

Все послушно выстроились в линию, и Генри подумал: наверное, он в первый и последний раз в жизни видит такую организованную толпу зверей. Джоанна пошла вдоль ровного ряда животных, на ходу проводя по ним пальцем, и каждый, кого она касалась, превращался обратно в человека. Генри с интересом смотрел, как они лихорадочно щупают свое тело, смотрят на свои руки и бросаются к остальным, ища родственников и друзей. В детстве люди из Хейверхилла казались ему такими страшными, но сейчас они стали даже забавными. И голыми, а голых людей бояться как-то несерьезно: оружие нигде не спрячешь.

Поросенком оказалась девочка, для которой он когда-то выиграл стеклянное деревце на ярмарке Зимнего дня. Этой истории больше не существовало, но Генри все равно улыбнулся ей, а она застенчиво улыбнулась в ответ и спряталась за отца. Генри помнил его – грубый, неприятный тип. Но, похоже, превращение в лося пошло ему на пользу: он подхватил дочку на руки и прижал к себе, что-то нежно бормоча.

– Спасибо, – лопотали все, глядя на Джоанну, но та только поморщилась.

– Ой, не благодарите, мне на вас наплевать, – отмахнулась она. – Всего хорошего, больше не зовите.

Она вопросительно глянула на Странника, тот с улыбкой кивнул ей, и она исчезла.

– Милая у меня сестра, – сказал он. – Ладно, Генри, давай: скажи им, что хотел.

Ну конечно, Странник же все мысли слышит. Генри прокашлялся, и все посмотрели на него.

– У вас отличная деревня, – начал он. – Не знаю, поняли вы или нет, что Сердце волшебства вернулось, но на всякий случай говорю: вы все теперь – мастера. Я уверен, что Хейверхилл отныне будет процветать.

Жители переглянулись: кажется, его учтивость им понравилась. Потом вперед выступил седой мужчина и важно поклонился.

– Я новый старейшина. Не знаю, кто вы, господин, но мы видели, как

вы боролись со злодеем, и, наверное, вам мы обязаны спасением от него. Мы хотим присвоить вам пожизненное звание почетного члена общины Хейверхилла. Если будете у нас на Севере, заезжайте, мы примем вас как самого дорогого гостя.

Он поклонился, и остальные повторили его движение.

– Там, выше по склону, есть участок леса с пепелищем и поваленными деревьями. Можете посадить там новые сосны? – спросил Генри, и старейшина кивнул.

Генри поклонился и протянул руку Страннику.

– Во дворец? – спросил тот, почтительно наклонив голову, и Генри кивнул.

Пока его не было, все во дворце пришло в движение: повсюду сновали слуги, откуда-то раздавалось деловитое гроыхание ведер. Генри повернулся к Страннику, но того нигде не было: перенес его и исчез. Наверное, волшебники не любят прощаться. И Генри пошел по коридору, не думая, куда хочет попасть, просто наслаждаясь тем, что он здесь.

Увидев по дороге приоткрытую знакомую дверь, он заглянул внутрь. Посреди библиотеки стоял Эдвард и, упираясь кулаками в бока, оглядывал книжные шкафы. Услышав шаги, он обернулся и просиял:

– Я думал, ты совсем исчез.

– Ты что тут делаешь? Все разве не празднуют?

– Готовятся к празднику: отец хочет днем закатить шикарное застолье. Он был рад, что я вернулся. – Эдвард выглядел одновременно довольным и озадаченным. – Сказал, что я молодец. Я всегда так ждал, что он меня похвалит, думал, буду так счастлив, а тут... Приятно, и все.

– Перерастать свои мечты – нормально, – сказал Генри, и Эдвард засмеялся: громко, вздох – раньше Генри никогда не слышал от него такого смеха.

– Мне каждую вторую твою фразу хочется записать, – доверительно сообщил Эдвард и, не придумав, что еще сказать, обвел рукой библиотеку. – Вот, решил все-таки почитать что-нибудь. Я собираюсь стать хорошим королем, а для этого, наверное, надо много чего знать.

Генри еле подавил улыбку. Кажется, все возвращалось на круги своя, даже Эдвард снова начал читать.

– Ты ведь никуда не уйдешь? – неуверенно спросил Эдвард. – Я выполнил то, что обещал: не сказал отцу, что ты сделал. Мы с Джеттом наврали всякого про то, как мы, Агата и Сван королевство спасали, мы для всех теперь герои, но... Слушай, я не знаю, есть ли у тебя дом, но если нет, оставайся. В конце концов, мы даже воришку собираемся оставить –

кажется, он умеет развеселить моего отца. Завтра поедем в его деревню и привезем его мать. Ты с нами?

Генри не успел ответить – в оконное стекло постучали. Эдвард растерянно заморгал.

– Тут очень высоко, стена гладкая, не забраться, – пробормотал он и подошел к окну.

Эдвард раскинул шторы и отшатнулся. Его можно было понять: не каждый день видишь так близко огромного орла, да еще со стеклышками, надетыми на клюв. Генри отстранил застывшего Эдварда и распахнул окно. Коготок благодарно заклекотал, влетел в комнату и сел на стол, жадно глядя на книги.

– Это Коготок. Он любит читать, – представил Генри. – По-моему, вы поладите. Эдвард, можно ему брать тут книги? А он в обмен может разносить королевские указы или еще что-нибудь. Это лучший гонец во всем королевстве.

Коготок важно кивнул, и Эдвард выдавил, стараясь держаться поближе к Генри:

– У тебя есть еще какие-нибудь странные друзья?

– Могу поискать, – фыркнул Генри. – Так как, ты согласен держать окно всегда открытым для Коготка?

– Библиотеке конец, – убитым голосом ответил Эдвард. – Он же тут все разнесет.

– Поверь: никого аккуратнее, чем он, ты в жизни не видел, – улыбнулся Генри. – Коготок, можешь выбрать себе книжку.

Тот оживленно вспушил перья на затылке, подлетел к шкафу, аккуратно вытащил двумя когтями книжку и сел в кресло, как делают люди. Эдвард яростно щипал себя за руку, видимо, пытаясь убедиться, что все это ему не снится.

Коготок осторожно открыл книгу в самом начале и погрузился в чтение. Страницы он переворачивал когтем.

– Поздравляю, ты получаешь работу королевского герольда, чудесная птица, – выдохнул Эдвард. – Только не оставляй никаких... никаких следов своего пребывания на полу. Или еще где-нибудь.

Коготок посмотрел на него так, будто это предупреждение просто оскорбительно, и вернулся к чтению.

– Что это за штуки у тебя на глазах? – Эдвард шагнул ближе и осторожно протянул к ним руку. Коготок встопорщил все перья, тут же став в полтора раза больше, и Эдвард рванул назад, ближе к Генри. – Можно глянуть? Я верну.

Коготок нехотя наклонил голову, и Эдвард, боком подобравшись к нему, снял с клюва очки, заглянул в них и удивленно отпрянул:

– Ого. В них все как-то странно выглядит.

– Это чтобы читать с орлиным зрением, – объяснил Генри. – Предки научились делать стекло, которое как бы... Ну... Меняет расстояние до предметов.

– С ума сойти. А можно сделать такую же штуку, но наоборот? Чтобы тем, у кого плохое зрение, было видно вдаль? Слушай, я у тебя это еще попрошу. – Эдвард надел очки на голову Коготка и с опаской потрепал его по перьям. – Я тут собираюсь открыть место, где можно лечить людей. Мы там и вот такие штуки научимся делать. Пойду всем расскажу!

Эдвард бросился к двери, утягивая Генри за собой. Перед тем как выйти из библиотеки, Генри успел наклониться и глянуть на обложку книги, которой увлекся Коготок. Надпись на ней гласила: «Сказки для самых маленьких: веселые и поучительные истории в наставление юным мастерам».

– Йенса мы тоже оставляем: он, оказывается, с лошадьми общаться умеет, а у нас конюх как раз нашел свой дар и в художники подался, – частил Эдвард, пока они шли по коридору. – Да, это отец Хью. Ну и ладно, чего уж теперь из-за этого препираться, верно? А Сван собирается уезжать. Дадим ему лучшую телегу, будет по королевству колесить.

– Лучшую – не надо, – сказал Генри. Он уже начал что-то понимать в том, как устроена жизнь. – Иначе его в первом же лесу ограбят. Эдвард, погоди.

Эдвард тут же остановился и посмотрел на него так, будто каждое слово Генри отлито из чистого золота и он уже заранее готовится собирать эти драгоценности для дальнейшего хранения.

– Я ухожу, – сказал Генри, потому что боялся, что потом не наберется храбрости это сказать. – Телеги не надо: люблю путешествовать пешком.

Эдвард приоткрыл рот.

– Нет. Нет, нет, не смей. Ты тут нам нужен, ты умный, а работы много будет, дары просыпаются, всем нужна помощь, – забормотал он. – Мы тебе дадим лучшую комнату, лучшую из всех. Ты из-за своего дара? Да наплевать на него. Оставайся.

Генри покачал головой. Странник был прав: одиночество больше не тяготило его. Он стал свободным, как никогда, и ничто его больше нигде не держало. И чем оставаться там, где все будет вызывать воспоминания, которые есть теперь только у него, надо просто уйти. Рано или поздно он найдет себе новое место: место, где будет нужным.

– На праздник останусь, – прибавил Генри, увидев лицо Эдварда. – Есть очень хочется, а у вас тут всегда хорошо кормят. Скажешь всем, что я – просто какой-то парень, которого ты встретил в походе и пригласил посмотреть, как во дворце умеют веселиться.

Эдвард медленно выдохнул и кивнул, выпрямив спину. Кажется, он вспомнил, что собирается стать хорошим королем, а короли должны уметь отпускать на свободу тех, кто это заслужил.

– Иди, распоряжайся. – Генри улыбнулся, показывая на толпу слуг, которая мялась в конце коридора. Они, видимо, жаждали получить от Эдварда какие-то указания, но не решались подойти, пока он занят разговором: дворцовая учтивость в действии. – Увидимся позже, ладно? – сказал Генри и зашагал прочь, оставив Эдварда стоять посреди коридора.

Он легким шагом сбежал вниз по парадной лестнице и вышел в сад. Охраны у входа во дворец не было – видимо, все сбежали слушать новости о победе над злодеем. Генри так привык, что Хью все время менял сезоны, что даже забыл: в реальном мире сейчас весна, деревья в мелких свежих листьях, кое-где уже распустились первые цветы. Большие ворота были по-прежнему закрыты, и на секунду Генри задумался: может, сказать всем, что корона, которую столько лет искали, замурована в стене над входом и, чтобы найти ее, надо всего лишь открыть людям ворота? Но потом он решил этого не делать: если все пойдет хорошо, сами рано или поздно догадаются.

Восточный ход – маленькую дверку рядом с воротами – сторожили два хмурых здоровяка в золотых куртках. Похоже, они были расстроены тем, что интересные события проходят мимо, а им приходится торчать здесь и сторожить дверь, в которую никто даже не пытается войти или выйти.

– Хочу погулять по городу, скоро вернусь, – сказал Генри. – Постучу – откроете, у вас тут окошко в двери.

Охранники задохнулись от возмущения, но Генри и бровью не повел. Еще одной наукой, которую он освоил за время своих приключений, было умение, не теряя общего дружелюбия, посмотреть на человека так, чтобы тот раздумал с тобой спорить. Еще несколько секунд охранники глядели на него, пытая и мысленно сражаясь с собой, но потом загромыхали засовами. Кажется, решающим доводом стала желтая куртка Генри: охранники, видимо, решили, что человек, одетый в такой оглушительно яркий цвет, просто не может замышлять ничего плохого.

– Мы обыщем, – пообещал один из них, грозно провожая Генри взглядом. – Во дворец ничего грязного и опасного не проносить.

Генри кивнул и вышел на площадь. Там бойко шла торговля, и Генри

прошелся вдоль прилавков, разглядывая новенькие носки, глиняные плошки и плетеную обувь. Продавцы зазывали его купить их товары, а он улыбался и говорил, что денег у него нет, но вещи отличные. Ему нравилось смотреть, как пробуждается мир мастеров, – совсем юный, веселый и смешной, как ребенок.

– Ладно, парень, любуйся, сколько влезет, – щедро сказала одна женщина, обводя рукой вышитые платки. – Я теперь в четыре утра встаю, чтобы их вышивать. По-моему, даже у предков так красиво цветы не получались.

– По-моему, тоже, – сказал Генри, и продавщица гордо улыбнулась.

Мертвое озеро теперь было синим, солнце припекало, и Генри неспешно пошел к корпусу посланников. Там было подозрительно тихо, и, подтянувшись и заглянув в окно, Генри сообразил отчего: посланники – тоже люди, и тоже хотят найти свои дары.

В комнате, которую он увидел, за столом сидел мужчина в зеленом мундире и пытался вдеть нитку в иголку.

– Нет, детка, извини, – крикнул он в соседнюю комнату. – По-моему, не шитье.

– Может, готовить попробуешь? – весело спросила кудрявая женщина в грязном фартуке, заглядывая в дверь. – А что, неплохо иметь мужа-повара! Или, может, есть такой дар: хорошо мыть посуду?

Посланник шутливо застонал, но, увидев за окном голову Генри, вскочил и зашарил по столу в поисках оружия.

– Все в порядке, я свой, – сказал Генри, перекидывая ноги через подоконник. – Извините, можно, я через вашу комнату пройду? Мне надо Олдуса Прайда найти. И доброе утро.

Посланник и его жена замерли, но каким-то образом поняли, что Генри не опасен: он уже давно усвоил, как много значат спокойная поза, вежливые слова и дружелюбное выражение лица.

– Олдус, я смотрю, новых друзей нашел – прямо под стать себе, – пробормотал посланник, оглядывая желтую куртку Генри. – Второй этаж, пятая дверь слева.

– Спасибо, – сказал Генри и пошел к двери, на ходу помахав двум детям, которые наблюдали за ним из соседней комнаты, приоткрыв рты.

Пятая дверь слева оказалась открыта настежь. За ней находилась просторная комната. Окно было распахнуто, по комнате гулял сквозняк. Олдус сидел за столом и, как Генри себе и представлял, черкал по бумаге, часто макая перо в чернильницу. Рядом лежала пачка исписанных листов,

прижатых камнем, чтобы не унесло ветром. Услышав шаги, он обернулся – и замер.

– Вот так я тебя и представлял, – выдохнул Олдус, и Генри подошел к нему.

– С кем ты там болтаешь? – сердито крикнул из другой комнаты женский голос.

– Ни с кем! – бодро ответил Олдус и понизил голос, отложив перо. – Прости. Она не верит, что ты существуешь. Говорит, я выдумал всю эту историю с разрушителем, которого выбрал Барс, да я уже и сам ей поверил, и тут...

Он неопределенно махнул рукой в сторону Генри, глядя на него так, будто ничего лучше в своей жизни не видел. Генри положил руку ему на плечо.

– Ты меня выдумал, – сказал он, потому что знал: именно это и нужно сказать. – Но это же не значит, что я не настоящий. Пиши дальше, ладно? Выдумай мне какие-нибудь еще приключения, только чтоб я в них не умер. И чтобы было весело.

– Сделаю, – слабым голосом проговорил Олдус и вдруг улыбнулся, схватив себя за голову обеими руками. – С ума сойти! Я никогда не думал, что способен такое придумать!

– Жизнь полна сюрпризов, – сказал Генри, на секунду даже пожалев, что тут нет Эдварда: тот опять сделал бы такое лицо, будто собирается запомнить его великую мысль навечно.

Он уже собирался уйти, но Олдус остановил его, тронув за рукав.

– У тебя даже медальон такой же, как у меня, – пробормотал он. – Ну конечно, я же сам тебя выдумал.

Генри проследил за взглядом Олдуса и понял, что старинный медальон, подарок Странника, выбился из-под рубашки, пока он лез в окно посланника на первом этаже. Так вот почему медальон показался знакомым: он видел такой же на шее Олдуса.

– Я еще даже не знаю, что ты, по сюжету, в этом медальоне носишь, – завороченно пробормотал Олдус.

– Ничего, он пустой.

– О, они никогда не бывают пустыми. В моем, например, волосы жены и сына, а предки вставляли в свои портреты членов семьи, – покачал головой Олдус. – Это медальон-защитник, символ связи человека с его близкими. – Он вздохнул, и этот вздох был полон решимости. – Ладно, я сам придумаю, что ты там хранишь.

Генри одобительно хлопнул Олдуса по спине и пошел к двери. Олдус

еще несколько секунд смотрел ему вслед, а потом помчался в соседнюю комнату. Перед тем как выйти в коридор, Генри услышал взбудораженный возглас:

– Милая, ты была права, я все придумал! Прости! Я не сумасшедший! У нас все будет хорошо!

Генри рассмеялся и пошел дальше. Выйти он собирался, как положено: через дверь.

Он побродил по городу, стараясь запомнить каждую деталь, но, судя по всему, Странник был прав: сил у него было – кот наплакал. Через полчаса Генри устал так, будто весь день таскал камни, и поплелся обратно во дворец, мечтая только об ужине, отдыхе и теплой постели. А с утра можно и в путь отправляться.

Охранники в ответ на его стук быстренько распахнули дверь – кажется, решили, что лучше с ним не спорить. Генри был рад, что не пришлось лезть через стену, но при этом невольно подумал: «Кажется, всю систему стражей и посланников после возвращения Сердца надо переделывать. Интересно, бывают люди с прирожденным даром к охране правопорядка?»

Дворец уже маячил перед ним, но Генри остановился посреди сада и, не удержавшись, решил сделать небольшой крюк. Было еще одно место, которое он хотел накрепко запомнить, прежде чем покинуть дворец. Он прошел вдоль крепостной стены и поднялся на небольшую башню, где они когда-то сидели с Эдвардом и где куча скриплеров поздравляла его с тем, что он вспомнил свое настоящее имя. Сейчас тут было тихо и пусто, ветер намел в углы облетевших белых цветов. Генри залез на парапет и сел, спустив ноги вниз и прислонившись к опоре башни.

Что-то ярко сверкнуло на солнце золотом, Генри прищурился и понял, что так и не спрятал под одежду медальон Странника. Он снял украшение и повертел в руках. Ему пришла в голову отличная идея: спустившись в сад, он зароет медальон на том же месте, где когда-то был спрятан обгорелый деревянный меч, которого в этой версии событий даже не существовало. Здорово, что здесь останется вещь, принадлежащая ему, и никто об этом не узнает. Это будет его секрет. Генри рассеянно подбросил медальон на руке, поддел пальцем замок, и тот вдруг щелкнул и открылся.

Генри, моргая, заглянул внутрь. Олдус оказался прав: медальон не был пустым. В нем лежал завиток чего-то тонкого и золотистого, похожего на волосы или нитки. Генри двумя пальцами вынул прядь и разглядел поближе: видимо, предыдущий хозяин медальона сотни лет назад спрятал

тут локон кого-то из своей семьи. Генри положил его обратно и собирался уже захлопнуть медальон, но тут свет упал на завиток под другим углом, и он вспыхнул так ярко, что Генри заслонил рукой лицо.

Кажется, это не волосы. Генри медленно выдохнул. До него дошло, что это такое.

Подарком Странника был вовсе не медальон, а то, что внутри. Обрывок золотых нитей, которые Странник разорвал, а потом незаметно вложил в медальон, найденный в Озере бурь. Может быть, Страннику казалось символичным, что Генри умрет, имея нити при себе? У людей была традиция хоронить вместе с умершим самый дорогой ему предмет, и Странник, наверное, решил: раз уж у Генри ничего нет, пусть будут нити. Но что, если он теперь может...

– Можешь, – лениво сказал Странник, и Генри едва не свалился с башни от неожиданности.

Все-таки тяга волшебников к внезапным появлениям за спиной наверняка хоть раз в истории довела кого-нибудь до сердечного приступа.

– То, что я опять тебя вижу, значит, что сейчас опять что-то случится? – звенящим голосом спросил Генри.

– Нет. Это значит, что я не мог уйти, не попрощавшись с тобой после всего, что мы пережили вместе, – фыркнул Странник и кивнул на нити. – Решай сам.

Генри покачал головой и потер нити пальцем.

– Не могу. Знаешь, я кое-что понял: это я делал всех несчастными. Отец болел, Эдвард мучился, мать чуть не покончила с собой, Роза не получила того, в кого влюбилась, Освальд переживал, что не может меня спасти.

– Позволь заметить: это и называется любовь, – пожал плечами Странник. Он сидел на соседнем парапете в той же позе, что и Генри, прислонившись спиной к опоре башни. – Тот, кто может сделать тебя глубоко несчастным, может сделать и глубоко счастливым. Поверь, одно без другого не бывает. Ты же сам понял: чем больше силы отдаешь, тем больше можешь получить обратно.

Генри прерывисто вздохнул.

– То, что мы сделали, не исчезнет? – медленно спросил он.

– Нет, – усмехнулся Странник. – Рокировка в обратную сторону не делается: все останется как есть. Даже фальшивые воспоминания, которые я создал, чтобы заполнить твоё отсутствие, останутся, – просто люди поймут, что они были фальшивыми. – Генри помотал головой, и Странник закончил: – Но ты не обязан это делать, это просто возможность. Ты

совершенно свободен, и, если хочешь начать все с начала, сейчас лучший момент, какой у тебя когда-либо будет.

Генри посмотрел на нити – солнце зашло за облако, и они теперь казались совсем бледными. Он вытянул руку за парпет и начал разжимать пальцы, глядя на то, как нити подхватывает ветер, – но в последнюю секунду схватился за них крепче.

– Да чтоб тебя, – пробормотал он. – Ты ведь знал, что я выберу.

– Естественно. – Странник улыбнулся так широко, что зубы блеснули. – Не хочу хвастаться, но теперь, когда Хью и Барса больше нет, я самое могущественное существо в королевстве. Я знаю все – хотя, признаюсь, несколько раз тебе удалось удивить даже меня. Но не сейчас.

Генри фыркнул, снимая перчатку. Последний шанс стать свободным и начать новую жизнь был у него в руках – и он собирался его уничтожить. Он сжал нитки голой рукой, и сияние впиталось в его руку. Когда он разжал ладонь, там даже пепла не осталось. Ну конечно, нити – это чистое волшебство, и он забрал его себе. Любовь приносит страдания, любовь – это сложно, но в глубине души он готов был каждый раз выбирать ее снова и снова.

С площади раздался страшный грохот, и Генри подскочил. Рыночные прилавки обрушились, превращаясь в пепел, и все товары разлетелись по земле.

– А, забыл сказать, – как ни в чем не бывало проговорил Странник, глядя вниз так, будто там происходит что-то забавное. – Все, что ты сделал, вернулось, и это тоже.

– Простите! – слабо крикнул Генри перепуганным продавцам. – Мы найдем плотника и сделаем новые!

К сожалению, его крик имел обратный результат: все поняли, кто виноват, и сердито завопили, задрав головы и грозя в его сторону кулаком. Генри скатился с парпета и спрятался на полу башни, обхватив колени.

– Квартал мастеров на том берегу тоже исчез? – мрачно спросил он.

– Ага. Растворился, как дым, – довольным голосом сказал Странник, вглядываясь в даль. – Его уже давно пора перестраивать, а так даже силы на снос тратить не пришлось. Люди на секунду перепугались, но уже повеселели: кто хоть иногда не мечтает о том, чтобы его рабочее место волшебным образом исчезло посреди бела дня?

Генри застонал. Сердце колотилось, как у кролика, от безмятежного отрешенного спокойствия, в котором он пребывал полдня, и следа не осталось.

– Это потому, что вот теперь ты действительно жив, – со смехом

подсказал Странник. – Беги, дружок. По-моему, тебе пора домой.

Генри еще пару секунд смотрел на него, а потом кинулся вниз по лестнице, ведущей в сад. Он бежал со всех ног, но его опередили: дверь распахнулась, и на порог дворца вылетел Эдвард. Как только Генри его увидел, он тут же понял: получилось. Это был тот самый Эдвард, которого он знал, хмурый и беспокойный, с озабоченной складкой между бровей.

– Я тебя сейчас убью, – процедил Эдвард, сжимая и разжимая кулаки. – Все кости тебе переломаю.

Глядя на побагровевшего от ярости Эдварда, Генри понял одно: кажется, восхищения можно больше не ждать.

Эдвард побежал вниз по белой мраморной лестнице, а Генри побежал от него: лицо Эдварда никак не обещало счастливой братской встречи. Оставалось надеяться, что он слегка остынет, если выбьется из сил.

К тому времени как Эдвард домчался до конца лестницы, Генри отбежал от нее всего шагов на пятьдесят: во-первых, последние дни его измотали, во-вторых, он и не собирался выигрывать эту погоню. Эдвард мчался на него, как лось, а Генри уходил в сторону и огибал деревья, чтобы усложнить маневр. Он старался не улыбаться, чтобы не доводить Эдварда окончательно, но ничего не получалось, и когда тот наконец поймал его за край куртки, Генри рассмеялся – взახлеб, как в детстве.

– Радуйся, что ты чуть не с того света вернулся, а то точно бы по зубам получил, – проворчал Эдвард, прижимая его к себе обеими руками. – Ты когда-нибудь прекратишь всех спасать?

Генри помотал головой, прижимаясь лбом к его плечу, но не отстранился.

– Извини, что я это сделал, – пробормотал он. – Что заставил всех вспомнить. Не смог удержаться.

Эдвард издал какой-то сдавленный звук, отдаленно напоминающий смешок.

– Ну ты даешь, – искренне сказал он. – Знаешь, это странное чувство: я три дня как будто провел в теле пустоголового типа, у которого появляется не больше одной мысли в минуту, и это вроде бы я сам, но, поверь, мне не хотелось бы снова в него превратиться.

– А мне он понравился. – Генри крепче вжался лбом в его плечо, стараясь не касаться лицом голой кожи, чтобы не обжечь. Он мог бы стоять так весь день. – Беззаботный такой. Тебе есть чему у него поучиться.

Эдвард тяжело вздохнул и отодвинул его от себя.

– Пойдем. Папа будет рад узнать, что у него теперь есть второй сын, как в старые, добрые времена.

Слова о старых, добрых временах всколыхнули в голове Генри воспоминание, от которого он похолодел. Эдвард сразу заметил, и складка между его бровями стала глубже.

– О нет. Опять это лицо, которое говорит: «У нас неприятности, всему конец». Может, хоть на полчаса перерыв сделаешь?

– Мне нужно кое за кем сходить, – пробормотал Генри, и Эдвард застонал.

– Никуда ты не пойдешь, – внятно сказал он, но Генри уже отошел на несколько шагов, лихорадочно озираясь.

– Здесь я, здесь, – успокоил Странник. Он сидел на толстой ветке ивы, прислонившись спиной к стволу. – Я понял, куда ты хочешь пойти. Мне туда тоже страшно вато заглядывать, но ты прав: нужно.

Он спрыгнул с ветки, и Генри шагнул к нему. Эдвард преградил ему путь.

– Я серьезно: ты никуда не пойдешь. Опять не вернешься, опять что-то случится, опять ты...

– Вернусь. Тебе нужно больше доверять людям.

Эдвард посмотрел на него так, что Генри на секунду соскучился по тому недолгому времени, когда тот считал каждое его изречение великой истиной. Генри поднырнул под его руку, схватил пальцы Странника и почувствовал, как земля уходит из-под ног. Протестующий крик Эдварда зазвенел у него в ушах, а потом наступила вязкая, абсолютная тишина.

В прихожей дома Тиса было пыльно и светло. Генри прислушался, но из комнаты не доносилось ни звука.

– Я сам не знаю, выжил ли он после рокировки и всего остального, – тихо сказал Странник. – В нем оставалось совсем мало жизни, одно неосторожное движение, и...

Генри толкнул дверь в комнату. Перси лежал на диване, подтянув колени к груди, и не двигался. Рядом с ним клубком свернулись две кошки, при виде гостей они подняли головы и заурчали. Генри медленно подошел и тронул Перси за плечо.

– Эй, – тихо сказал он. – Просыпайся. Я же обещал, что разбужу тебя, когда все закончится. Я пришел.

Странник стоял у двери, как будто не решался подойти ближе. Генри затряс Перси за плечи, но тот не открывал глаза, и тогда Генри приложил ухо к его груди. От облегчения его затрясло: сердце билось. Слабо, медленно, но билось. Генри ударил Перси ладонью по щеке, мысленно извинившись, но голова безвольно мотнулась в сторону, и глаза так и не

открылись.

– Ты можешь его разбудить? – отчаянно спросил Генри, оборачиваясь.

– Знаю того, кто сможет, – кратко сказал Странник и пошел к окну.

Он распахнул створки, и в комнату ворвался солнечный свет, а вместе с ним – что-то переливающееся и бешено хлопающее крыльями. Дрозд-разбудильник приземлился на спинку стула, какое-то время неодобрительно косился на кошек, а затем перелетел на грудь Перси.

– Пожалуйста, разбуди его, – попросил Генри. – Это Барс.

Мальчик на диване совсем не выглядел, как барс, но дрозд понял. Он вытаращил глаза – значит, не знал, как выглядит создатель королевства в настоящем обличье, – а потом доскакал до шеи Перси и деловито заглянул ему в ухо. Генри думал, что дрозд начнет выводить какую-то прекрасную мелодичную песню, но тот, похоже, сразу решил прибегнуть к самому действенному средству, которое берег на крайний случай. Он открыл клюв и завопил на одной ноте таким дурным голосом, что Генри согнулся и зажал уши. Звук был такой, как будто огромным ногтем ведут по куску стекла.

Еще пару секунд Перси не двигался, а потом брови у него страдальчески сдвинулись, и он резко сел. Дрозд сразу захлопнул клюв и с самодовольным видом перелетел на спинку дивана.

– Работа мастера, – хвастливо сказал он и начал клювом чистить перья, с любопытством косясь на Перси.

Тот повел головой, увидел Генри, и на губах у него появилась слабая улыбка.

– А, Генри, привет. Ну как, победили Хью?

– Ага, – кивнул Генри, решив не уточнять, что это оказалось немного сложнее, чем он думал сначала. – Давай вернемся во дворец, ладно? Эд решил открыть такое место, где соберет разных врачей и будет всех спасать. Я уверен, он придумает, как сделать тебя крепче.

Но Перси как будто и не слышал. Он смотрел ему за плечо, и, обернувшись, Генри понял: Перси тоже видит Странника.

– Похоже, ты меня все-таки догнал, – с улыбкой сказал Перси, глядя ему в глаза.

– Я не гнался, – покачал головой Странник и шагнул ближе. – Ты видишь меня не потому, что умираешь, Перси. Просто я – это ты. В каком-то смысле.

Он дошел до дивана, сел на пол и аккуратно пожал руку Перси двумя своими.

– Ты сейчас не умрешь, я этого не чувствую, – мягко сказал Странник,

глядя на него так, что у Генри сердце заныло. Они не виделись тысячи лет, но, кажется, Странник очень ждал этой встречи. – Но однажды это произойдет, потому что теперь ты стал человеком. И когда твое время настанет, я приду за тобой. И это будет лучшим, что я сделал в жизни. – Странник улыбнулся так, будто сейчас заплачет. – А жизнь у меня была очень долгая.

Перси сжал его плечо и встал с дивана. Его шатало, но Странник подхватил его. По сравнению с хилым Перси он казался огромным, как медведь.

– Думаю, новому миру твоя мудрость очень пригодится, – негромко сказал Странник.

Свободную руку он положил Генри на плечо, и мгновение спустя они оказались на мраморной площадке перед дворцом. Странника не было.

– Пойдем, – сказал Генри, думая о том, что Странник так с ним и не попрощался, а он даже не успел его поблагодарить.

Он заставил Перси уцепиться за свой локоть и повел его во дворец.

– Слушай, – начал Генри, когда они остановились на середине парадной лестницы, чтобы отдохнуть. – У меня есть один вопрос, но все не было подходящего случая задать. Можно? – Перси серьезно кивнул. – Откуда вообще взялся дар огня? Зачем ты его создал?

На лице Перси проступило чувство мучительной неловкости. Он, наверное, покраснел бы, если бы в его тщедушном теле хватило на это крови.

– До того, как началась история с Барсом, я годами сидел взаперти и иногда думал: что я буду делать, если жители деревни придут и скажут: «Мы все-таки решили тебя убить»? – начал Перси. – И однажды у меня мелькнула мысль: вот бы я мог убивать прикосновением, тогда никто не посмел бы меня тронуть. Это просто в голове мелькнуло, а потом я сразу об этом забыл. Но когда я обрел силу, она питалась моим сознанием так же, как потом питалась сознанием Хью, вытаскивала наружу все желания, все страхи. Хорошо, что большую часть времени я мечтал о волшебниках, существах, невероятных предметах и всяком таком. Но волшебство как-то поймало тот отголосок мыслей о смерти от прикосновения, и с тех пор раз в несколько поколений всегда рождался человек с таким даром. – Перси поднял глаза и в упор посмотрел на него. – Это была ошибка, Генри. Дар был просто ошибкой, не было никакой высшей цели. Сивард перед смертью попросил в следующий раз дать шанс такому же, как он, поэтому, когда я увидел в сети будущего, что на нас могут напасть враги, я понял, что Сердце скоро понадобится людям снова. Выбрал самого безмятежного

и окруженного любовью ребенка, какого нашел, и вдохнул в него этот дар. И когда делал это, думал: все снова закончится чудовищным, печальным провалом. – Он криво улыбнулся. – И вот где мы теперь. Дар был ошибкой, Генри, но ты превратил ее в свою силу. Ну пойдем, я уже отдохнул.

На втором этаже сразу стало ясно, куда идти дальше: из большой столовой раздавался звон тарелок, разговоры и смех, слуги носились туда-сюда с подносами. Одним из них был Карл, и Генри жестом остановил его. Карл посмотрел на него и сурово выпятил нижнюю губу.

– Последние три дня все было очень, очень странно, – сообщил Карл. – Вы у меня из головы куда-то делись, а вот теперь обратно появились, и я даже не знаю, радует это меня или нет. Вы что, так в свой лес и не уехали? А, привет, малыш, ты какой-то бледный, надо бы тебе поесть, – совсем другим голосом прибавил он, заметив Перси.

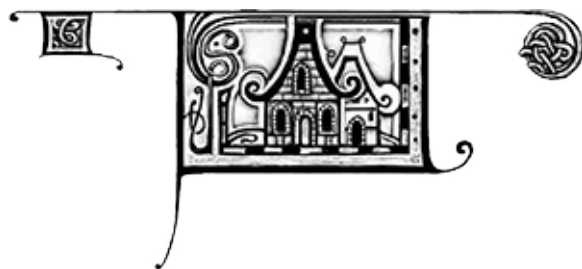
Генри вздохнул. Похоже, в то безумное утро, когда туча с голосом Хью надвинулась на дворец, всем было не до того, чтобы рассказывать Карлу новости о том, кто такой Генри.

– Я младший принц, который пропал десять лет назад, – сказал Генри, решив наконец-то закрыть этот вопрос. – Я вернулся.

Карл моргнул. Потом моргнул еще раз. Сообщение медленно проникало в его голову, явно преодолевая на пути высоченные преграды.

– Вы? – уточнил Карл, и его руки, держащие поднос, начали подрагивать.

Генри не понял, то ли Карл так растроган, то ли просто хочет врезать ему подносом, и на всякий случай отошел подальше. Но Карл, кажется, погрузился в мысленное сопоставление фактов: он смотрел в стену, и губы у него шевелились, будто он обсуждал что-то с самим собой. Генри решил не проверять, как долго он может оставаться в таком состоянии, и потянул Перси в сторону зала.

Глава 15

Ферзи и пешки

Столовая была залита солнцем, везде стояли покрытые белой тканью столы. Придворные толпились около окон и вдоль стен, увлеченно о чем-то беседуя, слуги расставляли тарелки и прочую утварь. В дальнем конце комнаты разместили самый пышный стол, около которого кружком стояли король, Эдвард и Уилфред. Они о чем-то спорили, и этот спор Эдвард явно проигрывал.

Перси выглядел как человек, которому срочно надо отдохнуть, и Генри дотащил его до королевского стола, усадил и только тогда поднял взгляд.

– Привет, Генри. – Король с улыбкой потрепал его по голове и тут же с шипением отдернул руку: забыл, что сына без перчаток лучше не трогать. – Эдвард боялся, что ты опять куда-то пропал и надо отправляться на поиски, но я сказал: не волнуйся, скоро вернется.

– Я тоже не сомневался, – поддержал Уилфред, хотя Генри и так не мог вспомнить случая, когда Уилфред не согласился бы с королем. – Кто способен найти дорогу домой через десять лет, тот за полчаса не пропадет.

Эдвард неодобрительно покачал головой и пнул Генри по ноге носком сапога.

– Все, с таинственными исчезновениями на сегодня покончено или у тебя еще планы? – хмуро спросил он.

– Покончено, – сказал Генри и пнул его в ответ.

– Хотите попробовать трехсотлетнюю настойку из смородины? – весело спросил Уилфред. – Редчайший напиток, сделанный еще предками. В замке всего одна бутылка, и уже несколько поколений все ждут особого случая, а нам, похоже, есть что праздновать. Я пару дней подряд думал, что настали последние времена, сегодня даже с кровати не стал вставать, решил: лучше умру в тепле и уюте. А потом, часов в десять, все исправилось, и я сразу понял: наверное, это наш господин Генри опять всех спас!

Генри с благодарностью кивнул. Он прекрасно знал, что Уилфред никак не мог вспомнить о его существовании ранее, чем полчаса назад, и говорит это просто из верноподданнического рвения, но к чему расстраивать хорошего человека? Король, похоже, тоже это понял – в глазах у него проступила улыбка, и он взял со стола хрустальный графин, наполненный чем-то темно-лиловым.

И уронил его.

Инстинкты у Генри были что надо, а то он бы до своих шестнадцати не дожил: он дернулся вперед и поймал графин. Отец смотрел куда-то с таким видом, будто руки у него разжались от потрясения. Эдвард выглядел не лучше. Генри обернулся – и графин чуть не выпал из рук у него самого.

В дверях тронного зала стояла королева. Она была все в том же невзрачном платье, в каком Генри ее видел около зверобоя, волосы по-прежнему небрежно собраны в узел, но спина ее была прямой, голова гордо поднята, – настоящая королева, пусть и плохо одетая. Она смотрела на них через зал, а придворные глазели на нее, попятившись к стенам: похоже, ее появление их скорее напугало, чем обрадовало. В руках королева держала глиняный горшок с желтыми цветами, которые Генри тут же узнал: все-таки посадила свой драгоценный зверобой. Рядом на полу стоял бесформенный старый мешок с какими-то вещами.

Генри для сохранности поставил графин на стол – и чуть не подпрыгнул от неожиданности, когда увидел, что на стуле рядом с Перси расположился Странник, небрежно облокотившись на спинку. Оба с интересом смотрели в сторону двери.

– Я ведь сказал: не уйду, не попрощавшись с тобой, – сказал Странник. – Но нужно было уладить еще одно дело. Раз уж все тебя вспомнили, я решил навеститься к ее величеству и уточнить, не хочет ли она, чтобы я перенес ее во дворец повидать детей. А она как раз вещи

собирала: вспомнив, что у нее было два ребенка, она сообразила, кому зашивала рану после битвы со зверобоем. Не знаю, собирается ли она задержаться тут надолго, но вы хоть обнимитесь, что ли.

Действительно, пока он говорил, все продолжали молча смотреть друг на друга. Странник с улыбкой переглянулся с Перси: кажется, тот полностью одобрял его поведение. Ну конечно, волшебников хлебом не корми, только дай устроить что-нибудь впечатляющее.

– Привет, мам, – сказал Генри и пошел к ней, решив, по обыкновению, взять дело в свои руки.

Секунда потрясения прошла, и теперь Генри был даже не слишком удивлен: после всего, что он видел и делал в последнее время, поразить его чем-нибудь было трудно. Королева посмотрела на него, и в ее стальном взгляде мелькнул какой-то отголосок неуверенности. Генри взял у нее из рук цветочный горшок, поставил его на пол и обнял мать. Потом выпустил, взял в одну руку мешок, в другую – злобный зверобой, который теперь прикидывался безобидным цветочком, и указал подбородком в сторону остальных.

– Идем? – спросил он.

Королева замерла, и по ее глазам он понял: ей страшно сделать по этому полу хоть шаг.

– Если они тебе не понравятся, вернешься обратно, – тихо сказал Генри. – Тебя никто не заставит остаться, я прослежу.

Кажется, это ее убедило. Она слабо улыбнулась и пошла через зал, вскинув подбородок с таким видом, чтобы все сообразили: насмешек и замечаний она не потерпит, и лучше бы всем помолчать.

– Я пришла, чтобы извиниться за то, что так поступила с тобой, – твердо сказала она, глядя на короля. – Не оставила записки, не прислала вестей. Ты можешь объявить народу, что я мертва, и жениться снова. Ты свободен.

– И тебе доброе утро, – пробормотал король.

Королева посмотрела на застывшего Эдварда, и взгляд ее чуть смягчился.

– Такой взрослый, – выдохнула она. – Быстро прошло время. И ты тоже прости.

– Нет, – медленно сказал Эдвард, отступая назад. – Не прощу.

– Эй... – начал Генри, но Эдвард бросил на него взгляд, полный такой огромной просьбы заткнуться, что Генри послушался.

– Ты была мне нужна. – Голос Эдварда дрожал от ярости. – Я тут чуть не умер. Я сквозь землю мечтал провалиться от всего этого кошмара, а

ты... Мне все равно, куда ты сбежала. Мне все равно почему. У меня только одна просьба: вали обратно и никогда больше не показывайся мне на глаза.

– Сынок... – начал король, и Эдвард все с тем же бешеным лицом повернулся к нему.

– Помолчи. Вы оба хороши. Ты остался здесь, но что-то от тебя толку было тоже маловато.

Придворные отмерли и начали многозначительно переглядываться: шокирующее появление беглянки переросло в интересный скандал. Эдвард на людях всегда держал лицо, правила хорошего тона были у него в каждой капле крови, но сейчас вид у него был такой, что даже Генри стало не по себе. Он видел Эдварда на разных уровнях гнева, но на таком – никогда: тот даже не покраснел, наоборот – стал белый как бумага. Генри беспомощно покосился на Странника, но тот спокойно пожал плечами:

– Что ты на меня смотришь? Это твой брат, не мой. Чего бы тебе хотелось на его месте?

– Как же вы меня достали, – выдохнул Эдвард, глядя на родителей, и пошел к двери, но Генри преградил ему дорогу, держа в руках пустую тарелку.

– Что? – огрызнулся Эдвард.

Ты имеешь право злиться, – сказал Генри, в упор глядя на него. – Имеешь право, как никто. Так давай, разозлись. – Генри повертел в руках тарелку. – Знаешь, по-моему, она довольно уродливая, хоть и старинная.

Он размахнулся и швырнул ее об стену. Тарелка с грохотом разлетелась на куски. В этой части зала не было ни одного стола, кроме королевского, да и тот стоял далеко от стены, но все в зале завизжали так, будто их режут, и подались к двери.

– Эта – твоя, – сказал Генри, протянув Эдварду вторую тарелку.

На лице у того проступила мрачная улыбка. Он взял тарелку и метнул так, что осколки разлетелись от стены фонтаном. Генри тут же вложил ему в руки следующую. После третьей тарелки белый цвет с лица Эдварда начал сходить, и он медленно выдохнул, вцепившись обеими руками в спинку стула.

– Так что там за смородиновая настойка? – Генри протянул руку к графину, отпил из горлышка – и чуть не выплюнул все обратно. – Ух, ну и гадость.

– Дай глотнуть. – Эдвард забрал графин у него из рук, сделал мощный глоток и сморщился. – Кошмар.

– Мне тоже дайте, – пробормотал король, без сил опустившись на стул около них.

Эдвард дал ему графин. Король протянул было руку к бокалу, а потом глотнул прямо из графина.

– Ужас, – сообщил он и отпил еще раз. – По-моему, испортилась. Уилфред, голубчик, принесите нам что-нибудь не настолько старинное и редкое. Чай, например.

Уилфред поклонился и бросился к двери, мелко переступая каблуками. Придворные смотрели на всех за королевским столом, как на сумасшедших, а Перси со Странником, кажется, наслаждались зрелищем на всю катушку.

Королева какое-то время постояла рядом, а потом взяла свой горшок со зверобоем. Генри думал, что она сейчас выйдет за дверь и больше здесь не появится, но она заговорила:

– Это королевский зверобой. Очень ценный. Я развожу лекарственные растения, и это – венец моей коллекции.

– Приятно познакомиться, зверобой, – устало сказал Эдвард и опустил на стул, уронив голову на руки. – Надеюсь, хоть у тебя все хорошо.

Королева подошла к открытому окну, выглянула в сад, а потом размахнулась и швырнула горшок вниз. Генри удивленно поднял брови. До земли было далеко, так что прошло не меньше двух секунд, прежде чем снизу раздалось приглушенное, еле различимое звяканье осколков: мягкая земля поглощала звук.

– Я думала только о себе, когда вас бросила. У меня умер ребенок, и мне казалось, что ни у кого на свете нет такого горя, как мое. – Королева вернулась к столу и упала на свободный стул. – Там, где я поселилась, мне не было хорошо. Мне было вообще никак – просто не так больно, и все. – Она коротко глянула на Генри и отвела глаза. – Поверьте, я вернулась не ради положения в обществе или чего-то такого, вся эта ерунда меня давно уже не волнует. Просто... Просто хотела вас всех увидеть. Я уйду прямо сейчас, только хотела извиниться, и все. И простите, что испортила вам праздник.

Она провела большим пальцем по виску Эдварда. Тот сгорбился, но не отшатнулся, и Генри решил, что для начала это уже неплохо. Королева встала и подобрала свой мешок, но Генри остановил ее и протянул ей графин с настойкой. Несколько секунд она смотрела на его руку в перчатке, а потом взяла графин и, запрокинув голову движением человека, которому терять нечего, сделала глоток. Ни один мускул на ее лице не дрогнул, убедив Генри в том, что его мать – исключительно крепкое создание.

– Испортилась еще лет двести назад, – сказала она и поставила графин

на стол. – Прощайте. Мне действительно жаль.

– Знаешь, удивительное дело: я не то что тебя не знаю, я и себя-то уже не знаю, – пробормотал король. Он глядел ей в спину, подперев голову кулаком. – Раньше я думал, что, если ты вдруг вернешься, выжму из этого все, что можно. Сначала долго не буду тебя прощать, чтобы ты подольше умоляла принять тебя обратно, а потом при любой ссоре у меня будет железный довод, чтобы заткнуть тебе рот: «Ну, ты же нас бросила, так что делай все, что говорят». Вот только я, кажется, из всего этого вырос. И вот эти двое меня много чему научили – по-моему, они куда взрослее меня. – Он рассеянно потрепал Генри и Эдварда по плечам. – Не знаю уж, как у родителей вроде нас выросли такие прекрасные дети, но пора уже и мне по их примеру взять и совершить какой-нибудь взрослый поступок.

Королева слушала его, не поворачиваясь и неподвижно глядя в дальнюю стену. Он поднялся, взял у нее из рук мешок и поставил на пол.

– Позвольте представиться: меня зовут Лоренс, – сказал король и протянул руку для рукопожатия, хотя Генри помнил: никто не здоровается с женщинами за руку. – Разрешите пригласить вас погостить во дворце. Мы выделим вам собственные покои, живите там, сколько хотите. Захотите покинуть нас – путь свободен, только попрощайтесь в этот раз. По-моему, для начала нам всем хотя бы надо познакомиться.

Королева покосилась на придворных вдоль стен и тихо сказала:

– Они никогда не позволят тебе так нарушить протокол. Меня можно либо выгнать, объявив народу о моей смерти, либо принять как королеву и заставить остаться здесь навсегда, даже если для этого потребуется приковать меня цепью.

– Да наплевать на них, – фыркнул король. – Мы же не шахматы, чтобы всегда ходить по правилам. Помнишь, как твой отец обожал шахматы? Хороший он был человек, мне его не хватает. И тебя – тоже.

Несколько секунд они смотрели друг на друга, потом королева пожала ему руку и несколько раз качнула ее, будто пыталась вспомнить ее ощущение в своей.

– Я Тильда, – хмуро сказала она. – Я лекарь. Если у вас тут есть больные, буду рада помочь.

– А я Генри, – вставил Генри и протянул ей руку. – И я жив.

Она нахмурилась:

– Тебя теперь вот так зовут?

– А тебе не все равно? – еле слышно пробормотал Эдвард, и Генри с кряхтением поднял его со стула.

– Он тоже лекарь, – представил Генри. – Лечит прикосновением, как

король Ингвар. Еще он очень умный, много читает, совершил кучу подвигов, а недавно чуть не умер, так что тебе повезло его увидеть.

Эдвард замер в такой неловкой позе, будто еле подавлял желание залезть под стол и сидеть там, пока все не уляжется. Генри пихнул его локтем.

– Давай, я уже есть хочу. Не весь же день нам тут стоять.

– Я Эдвард, – нехотя сказал тот, глядя себе под ноги, и пожал руку королевы.

Она выпустила его ладонь и нерешительно обняла, сцепив руки у него на спине. Эдвард напрягся, но вырваться из объятий худенькой женщины при его могучем телосложении было как-то стыдно, так что он неуклюже застыл, вытянув руки вдоль тела.

– Была хоть какая-то волшебная причина, почему ты не вернулась? – дрогнувшим голосом спросил он. – Заклятия, волшебники, похищение какими-нибудь существами, хоть что-нибудь?

Королева покачала головой.

– Не все можно на нас свалить, да? – вставил Странник, который с интересом наблюдал за происходящим, и с улыбкой покосился на Перси.

Взглянув на них, Генри придумал, как поднять всем настроение.

– А вот этот мальчик – это Барс, мам, – сказал он, указывая на Перси. – Волшебной силы у него больше нет, и он теперь живет у нас. Ты много чего пропустила.

Королева глянула на всех так, будто подозревала, что ее разыгрывают, но никто не смеялся, и она подошла к Перси и опустилась на одно колено.

– Можешь встать, – важно сказал Перси. – Добро пожаловать домой, королева.

В дверь заглянул Уилфред с чайным подносом. За ним с вытаращенными глазами маячил Карл: похоже, Уилфред так долго ходил за чаем, потому что по пути решил рассказать старшему слуге все новости.

– Так. – Король прокашлялся. – Несите чай сюда, уберите осколки, и будем обедать.

– Ваше величество, чай до обеда не пьют, у вас сердце слабое, – тонким голосом взмолился Карл, от потрясения забыв про свою обычную степенность.

– Друг мой, не волнуйся, чашка чая меня не убьет, – рассмеялся король, и у Карла покраснела шея, будто с сердцем сейчас будет плохо как раз у него.

– Король назвал меня своим другом, – слабым голосом сообщил он, обводя взглядом придворных. – Все слышали?

Генри подвинул матери стул – в книжке «Манеры для юных мастеров» было сказано, что женщинам надо помогать сесть. Он не сомневался, что его мать способна сесть сама, но ему просто хотелось сделать ей что-нибудь приятное. И она поняла: села и с улыбкой кивнула ему. Она все еще казалась Генри далекой и чужой, он не мог сразу полюбить ее так же, как любил в детстве, но всему в жизни надо учиться и, наверное, этому – тоже. Карл оставил поднос на столе, Генри потянулся за чайником, налил чашку и передал матери. На лице Карла впервые при виде Генри проступило нечто похожее на одобрение, и Генри мысленно поблагодарил Эдварда за то, что тот научил его первую чашку отдавать даме.

Слово «научить» вдруг разбудило у него в голове мысль, которая весь день благополучно спала, и он нашел взглядом Странника и мысленно попросил еще об одной услуге. Тот кивнул и поднялся, торжественно пожав Перси руку, прежде чем шагнуть к Генри.

– Слушай, мне надо еще ненадолго исчезнуть. Последний раз, – сказал Генри, наклонившись к Эдварду, и тот утомленно прикрыл глаза. – Я быстро. Честное слово. Ничего без меня не бей. Если хочешь, вернусь – побьем вместе.

– Нет уж, хватит посуду разбазаривать, – проворчал Эдвард. Его, кажется, отпустило. – Ладно, вперед. Если сломаешь себе там шею, домой можешь не возвращаться.

И по его неловкой, выжидательной улыбке Генри понял: это проверка. Если они уже могут шутить про такие вещи, у них все хорошо.

– Не сломаю, – успокоил Генри. – А то кто тебя драться научит?

Эдвард начал медленно заливаться краской.

– Я умею дра... – начал он, но Генри с широкой ухмылкой покачал головой, взял Странника за протянутую руку и растворился в воздухе.

Когда Генри последний раз видел этот приземистый дом на северо-востоке королевства, вокруг была белоснежная зима, но сейчас снег посерел и подтаял, местами из-под него показалась черная земля и остатки прошлогодних листьев, и от этого дом казался еще более мрачным, чем раньше.

– Интересно. Я думал, Джоанна тут так все заколдовала, что и близко не подобраться, – протянул Странник, задумчиво оглядывая дверь, перед которой они стояли.

– Думаю, он сегодня попросил ее снять все заклятия, – объяснил Генри и без стука вошел в дом. Дверь, конечно, была открыта. – Он меня ждет.

В доме было прохладно и тихо. Половицы под ногами несколько раз

скрипнули, так что нечего было и мечтать подкрасться незаметно, но Генри и не собирался этого делать. Он зашел в гостиную и остановился на пороге.

Отец сидел в кресле, вытянув ноги к камину, и смотрел на огонь. При виде Генри он повернул голову и улыбнулся.

– А где Джоанна? – брякнул Генри, просто чтобы хоть с чего-нибудь начать разговор.

Тебя, я смотрю, прямо беспокоит моя личная жизнь, – сказал Освальд, глядя на Генри так, словно пытался навсегда запомнить каждую черту его лица. – Она мне сейчас рассказала, как утром в Хейверхилле, не помня, кто ты такой, удивлялась, с чего ты ее спрашиваешь про меня. – Он отвернулся к огню и похлопал по соседнему креслу. – Когда я про тебя вспомнил, сразу понял, что ты скоро почтишь бедного отца визитом, и упросил ее сходить за покупками. Я знаю, вы не очень ладите.

– Волшебники ходят за покупками? – удивился Генри, садясь в кресло.

– Обычно нет. Джо просто иногда так развлекается: возникает из воздуха, хватает, что понравится, а потом сваливает все на скриплеров.

– Вы отлично друг другу подходите, – хмыкнул Генри, вытянув ноги к огню. – Я рад, что ты не один, честно. И спасибо за записку. Очень пригодилась. – Генри потянулся добавить в огонь новое полено и брякнул: – Я люблю тебя, папа.

Он не собирался этого говорить, просто как-то само вырвалось, – но выражение лица Освальда того стоило. Несколько секунд отец смотрел на него, а потом вздохнул и откинулся головой на спинку кресла.

– Дар ничего интересного не показывает. Видимо, невероятным событиям конец. Я это понял час назад, когда меня посетило важное видение: урожай яблок этой осенью будет особенно хорош. – Он повернулся к Генри. – Нам обоим пора начинать новую жизнь, да? Мне все надоело: и этот дом, и злодейские планы. Мы с Джоанной отправляемся путешествовать, но если что – я знаю, где тебя искать.

– Мы еще встретимся, – пообещал Генри.

Да уж не сомневайся, – фыркнул Освальд. Вид у него в этом кресле был такой мирный, что Генри окончательно поверил: кажется, неприятностей от него и правда можно больше не ждать. – Я теперь буду стареть, как все, а стареющим родителям всегда приятно поболтать с сыновьями. Особенно такими богатыми и знаменитыми. – Освальд посмотрел на Генри, и в глазах у него загорелось мрачноватое веселье. – Все хочу спросить: у тебя хоть какое-то имущество накопилось за все твои подвиги? Как там нынче награждают в королевском дворце?

– Все с собой. – Генри обшарил карманы и бережно достал мятый

кленовый листок, который упал на него в саду Хью.

– Тебе стоит пересмотреть свои расценки за спасение королевства, – сказал Освальд.

– Я охотник, – фыркнул Генри, убирая листок. – И всегда налегке, так меня папа воспитал.

Освальд расхохотался и похлопал его по колену.

– Никогда не меняйся, – с чувством сказал он. – Ну все, иди, тебя ждут. Генри покачал головой:

– Давай хоть один раз за два месяца посидим спокойно? Времени у меня теперь навалом.

– Еда в шкафу, – фыркнул Освальд.

Генри немедленно кинулся туда и набросал на тарелку лучшей еды на свете: соленой рыбы с сухарями.

– Голодный блеск у тебя в глазах освещает комнату, как фонарь.

Так они и си дел и пару часов, подбрасывая в огонь мох и дрова, пока свет за окнами не побледнел. Весной всегда рано темнеет, и когда солнце село окончательно, Генри поднялся. Слов между ними не осталось, но Генри это не тяготило, и отца, кажется, тоже, – есть моменты и люди, для которых никаких слов не хватит. Генри обнял Освальда, нагнувшись к креслу, и зашагал к двери. Странник все это время дремал, лежа на диване в углу комнаты, и теперь подошел к нему.

– Не хочешь оглянуться? – спросил он, но Генри с улыбкой покачал головой.

«Мы с отцом – не из тех, кто оглядывается», – подумал он и взял Странника за руку.

Они перенеслись на мраморную лестницу, ведущую во дворец, и вот здесь, в полутемном саду, Странник сказал:

– А вот теперь – все. Пришло время попрощаться, Генри.

Странник вздохнул и с улыбкой посмотрел в сторону крепостной стены. За ней начинались десятки дорог, которые дальше превращались в сотни и тысячи, и на каждой можно было встретить его. Но только Генри знал о том, что Странника можно встретить, даже не выходя из дома, даже там, где нет дороги, даже там, где ты совсем один.

– Надеюсь, мы еще увидимся, – задумчиво сказал Странник. – И надеюсь, это случится очень, очень скоро.

– Ты был самым лучшим наставником, – ответил Генри.

На лице Странника проступила самодовольная мальчишеская ухмылка.

– Я же тебе говорил! Пока, Генри. – Он хлопнул его по плечу. – Я

честно старался придумать красивые прощальные слова, но ничего не вышло, поэтому я просто красиво надену капюшон. Будете записывать эту историю, так и напишите: «Он непринужденным жестом набросил капюшон и ушел в ночь, полную запутанных дорог и удивительных жизней, которые подходят к концу».

Так он и поступил. Генри смотрел ему вслед, пока Странник не дошел до крепостной стены и не шагнул прямо сквозь нее. Он мог бы исчезнуть и сразу, но больше, чем эффектные появления, волшебники любят только запоминающиеся навсегда прощания.

В королевской столовой было очень светло, но направление этого света казалось каким-то странным: он шел от чего-то яркого, лежащего на полу в центре комнаты. Пару секунд Генри моргал, как сова, которую вытащили на свет, а потом сообразил, что происходит. Огромную люстру, висевшую посреди потолка, спустили на пол, а рядом с ней, удобно сложив ноги под бесформенным платьем, сидела Агата и с увлечением поочередно откручивала стеклянные шарики на люстре, пересаживала внутрь болотный огонек из склянки и закручивала обратно. Рядом с ней на полу лежала сумка, доверху наполненная пустыми бутылочками и коробочками от огоньков. Придворные за столами ели, болтали и на Агату не смотрели – похоже, она занималась этим уже давно, и зрелище им приелось.

– Полдня их набирала, да? – спросил Генри, и Агата с мрачной улыбкой кивнула ему.

Лицо у нее было счастливое.

Генри пошел к королевскому столу, радуясь, что во дворце принято есть долго, особенно по таким торжественным поводам, и они еще не закончили. Король с королевой наперебой что-то друг другу рассказывали, и Генри подумал: «Да уж, за десять лет скопилось немало новостей». Эдвард сидел рядом, низко съехав на стуле, и наблюдал за ними, как зверь, который готов тут же куснуть, если на него нападут. Перси задумчиво обгладывал яблоко, наслаждаясь, кажется, просто тем, как зубы вонзаются в холодную мякоть.

– Да нет, что ты, никто не обижал бедную вдову, – говорила королева, когда Генри сел на свое место. – Тем более, я хорошо изучила лечебные травы, а они же чаще всего и ядовитые, зависит от крепости настоя, и люди в деревне, видимо, побаивались, что я могу их отравить, если они меня заденут. А вообще они меня полюбили. Называли «белой леди» из-за цвета волос. Я учила их детей читать, писать и красиво вести себя за столом. Мир

за стеной оказался совсем не таким жестоким, как нам внушали.

Король согласно кивал. Генри еще ни разу не видел своего отца таким заинтересованным и оживленным – даже когда тот впервые надел древнюю корону.

– А с едой у них там как? – спросил он.

– Не так, как здесь, – фыркнула она. – Но и не так ужасно, как ты думаешь.

Она встретила взглядом с Генри. Глаза у нее были такие грустные, что он подался вперед и накрыл ладонью ее руку.

– Все уладится, – сказал он. – Лекарь тут, в городе, очень нужен. Эд тебе уже рассказал, что решил открыть заведение, где будет всех спасать? Он сказал: «Вдруг моя мать...»

Эдвард резко дернулся в его сторону и зажал ему рот. Генри вывернулся, с кряхтением оттянул его руку вниз и быстро выпалил:

– «Вдруг моя мать однажды услышит про такое место и вернется?», вот что он сказал.

– Ты доигрался, болтун, – прокряхтел Эдвард и попытался повалить его под стол.

Королева посмотрела на Эдварда и вдруг провела рукой по его коротко стриженным волосам.

– Солнышко, ты самый умный, – тихо сказала она. – Ты всегда такой был. Прости меня, ладно?

Она притянула его к себе, и Эдвард, выпустив Генри, уперся головой в ее плечо и затих.

– Поешь, мы тебе оставили, – предложил король, весело глядя на Генри поверх их голов, и подвинул к нему тарелку, накрытую кружевной салфеткой.

– Идем отсюда, – сказал Эдвард, как только Генри открыл рот и приготовился с наслаждением вцепиться в кусок холодного мяса. – Я сейчас при всех расклеюсь, а моя репутация и так сегодня пострадала.

Отстранившись от матери, он и правда выглядел так, будто сейчас начнет то ли смеяться, то ли плакать, то ли и то и другое одновременно. Генри понимающе кивнул, налил себе чаю и прихватил тарелку. Перси бодро отсалютовал ему чайной чашкой. То ли Эдвард успел к нему прикоснуться, то ли еда и интересные зрелища помогли, но он выглядел куда лучше.

«Пожалуйста, живи очень, очень долго», – подумал Генри, выходя из-за стола.

Знакомый голос Генри услышал еще издалека: Сван, расположившийся за ближайшим к двери столом, как раз дочитывал придворным стихотворение о прекрасной черноволосой девушке, погибшей во цвете лет. Придворные растроганно кивали, какая-то женщина прижимала к сердцу руку.

– Да, мой сынок – он такой, – хвастливо сказал Йенс, сидевший рядом. – А если желаете, он за скромную плату напишет вам личное стихотворение.

– Папа! – прошипел Сван, но тот не обращал внимания: желающие нашлись, и он уже начал торговаться.

Кажется, на праздник король позвал всех, про кого вспомнил, хотя придворные этого явно не одобряли.

– Посланники – это же вроде слуг, разве нет? – еле слышно прокряхтела какая-то седая женщина на ухо своей соседке.

– А бывшие посланники – это даже хуже, чем слуги, – поддакнула та.

Дамы, он не посланник, – вмешалась третья. – Его величество сказал, что это придворный летописец, и мы обсуждаем это уже десятый раз за ужин. Попейте, что ли, какие-нибудь настойки, подлечите память! Олдус и правда был без формы, просто в рубашке, – в таком виде он выглядел куда моложе, чем Генри его помнил. На одном колене у него сидел мальчик лет пяти и играл со столовыми приборами.

Жену Олдуса Генри представлял себе довольно злой. Она однажды ударила мужа веником за то, что он целыми днями пишет истории, и это единственное, что Генри о ней слышал. Но жена оказалась хорошенькой: светловолосая, с круглыми щеками, на которых от улыбки проступали ямочки. Да и Генри теперь вполне понимал, с чего она злилась: весь последний месяц Олдус и правда выглядел чокнутым от своего новообретенного дара. Но сейчас он сидел спокойный и довольный, и его жена тоже сияла: судя по выражению гордости на ее лице, она никогда еще не бывала на королевском приеме.

– А знаете, Генри, я вам с утра поверил, – с улыбкой сказал Олдус, поймав его взгляд. – Действительно поверил, что выдумал вас. Хорошо, что у меня потом в голове прояснилось. Расскажите о своих новых приключениях?

– Обязательно, – ответил Генри и, залпом допив свой чай, поставил пустую чашку на стол. – Кстати, я знаю, от чьего лица написать пролог.

– Прекрасно! Не терпится услышать, о чем будет новая история.

– О любви и смерти, – подумав, ответил Генри. – Завтра все расскажу, у вас челюсть отвиснет. – Сын Олдуса протянул к нему обе руки, и Генри

их пожал. – Привет, малыш. Ну ладно, мне пора, увидимся позже.

Генри поймал взгляд Розы, сидящей за соседним столом. Она и ее подружки болтали о чем-то, чинно прижимая к лицам веера, но при виде Генри глаза Розы улыбнулись, а потом один из них подмигнул. Генри показал ей большой палец – он помнил, что это жест одобрения. Агата, сидевшая на полу около своей драгоценной люстры, посмотрела на Генри так, будто много чего могла бы ему сказать, имея она такую возможность.

– Однажды расколдуем, не переживай, – махнул рукой Генри. – А пока что твою красоту не портит даже молчаливость.

«Манеры для юных мастеров» предписывали говорить женщинам что-нибудь приятное при любой возможности, и, кажется, получилось – Агата довольно хмыкнула, и щеки у нее слегка покраснели.

Эдвард уже скрылся, но Генри точно знал, где его искать. Башня на крепостной стене тонула в полутьме. Он на ощупь, стараясь не оступиться, поднялся по щербатым ступенькам и забрался на парапет.

– Чем теперь собираешься заняться? – спросил Эдвард, щурясь на далекие огоньки домов.

– У меня есть на примете одно отличное занятие, – с набитым ртом ответил Генри. – Оно называется «Не делать ничего». Я никогда еще этим не занимался, даже не знаю, с чего начать.

– А я знаю! – заунывно крикнул кто-то из сада.

Генри чуть не подавился, но тут же узнал голос. Джетт стоял в темном саду, приложив обе руки ко рту, как рог громкоговорения.

– Ладно уж, залезай, – сказал Эдвард. – Красть тут нечего.

Из темноты долго раздавалось тяжелое дыхание и сдавленные ругательства – Джетт с его ногой был не приспособлен влезать по узким, едва заметным ступеням в темноте.

– Я, между прочим, за весь день ничего чужого не тронул, – сказал он, вытирая лоб, и уселся на свободный парапет. – Хотя у вас тут все валяется как попало. Кстати, спасибо, Генри: ты своей речью с утра чуть не довел меня до сердечного приступа, а потом, буквально час спустя, я вспомнил, что и так знаю все, что ты сказал, просто на пару дней забыл. Мало того, мать, за которой я героически собирался ехать, внезапно обнаружилась прямо во дворце. Она была тут все это время, но я позавчера про это забыл и уехал, даже не попрощавшись. За ней присмотрела какая-то добрая кухарка.

Он перевел дыхание, схватил с тарелки Генри вареную картофелину и отправил себе в рот. Генри отсел подальше. Он так долго ждал этого ужина,

что теперь ни с кем не собирался делиться.

– Чего это ты в саду делал? – подозрительно спросил Эдвард. – Саженцы выкапывал, чтобы кому-нибудь за стеной продать?

– Не. Ходил свою кобылку проведать, Йенс ее вернул и на конюшне поставил. Кстати, ваше высочество, – оживился он. – У меня идея, как нам всем заработать денег.

– Продать твою лошадь?

– Нет, – оскорбился Джетт. – Она заслужила достойную старость, а у вас тут сена полно. В общем, я слышал про такую выдумку предков, которая называется музей. Люди выставляют там всякие интересные вещи, а другие платят, чтобы на них посмотреть.

– А, я про такое читал, – согласился Эдвард. Генри в разговоре не участвовал: жевал. – И что ты предлагаешь?

Вы, конечно, ворота свои королевские теперь снова откроете, но не дело их все время распахнутыми держать. Не все такие честные, как я, – сказал Джетт. – В Башню мастеров все, кто хотел свой дар найти, еще до истории с Хью сходили. А теперь давайте новую штуку сделаем: выделим помещение и устроим там музей похода за Сердцем. Положим туда ларец от Сердца, шкатулку Сиварда, мою гармошку, меч какой-нибудь, ну и всякие еще штуки. А я буду людей туда водить и интересно им все рассказывать. В лицах, с фокусами и переодеваниями. Я уже поболтал с Петером, вашим скрипачом, – он готов сопровождать представление жалостливыми и веселыми мелодиями, это очень способствует продажам билетов. Я вам в казну целую прорву денег заработаю! А вам это, уж извините за честность, очень надо: она почти пустая, вы все в сеть переплавили, скоро зубы на полку положите.

– Ну, даже не знаю, – важно спросил Эдвард, но Генри видел, как у него заблестели глаза: идея ему понравилась. – Надо поговорить с королем.

– Вот вы и поговорите, – подмигнул Джетт. – Внесете ценный вклад в наше предприятие. А тебя, Генри, мы просто будем показывать за дополнительные деньги.

– Нет, – сказал Генри.

Он мог быть очень убедительным даже с набитым ртом и болтая ногами: Джетт примирительно поднял руки и кивнул:

– Ладно, ладно. А Сван, кстати, обещал с почтовыми сороками присылать из своего путешествия героические стихи для моего представления. Еще я попросил его присылать мне какие-нибудь любовные стишки, только не про смерть: буду дарить их Агате и выдавать за свои. Девчонки любят поэтов, раз уж даже на Свана одна запала.

Эдвард начал медленно, гневно краснеть, но ответить не успел: из-под стены, только на этот раз со стороны площади, раздался крик:

– Эй! Помогите!

Все свесились вниз, и Генри от удивления выронил изо рта кусок груши.

– Симон? – спросил Эдвард. – Ты откуда?

– А как вы думаете? – пронзительно крикнул щупленький придворный паренек в ободранной одежде. – Я неделю добирался до дворца! Вы что, забыли про меня?

Эдвард с Генри переглянулись. В последний раз они про него слышали, когда дошли до деревни Джетта и узнали, что Джоанна подменила Симона на Хью. Генри смутно помнил, что, по словам Джоанны, она просто отняла у Симона вещи, чтобы переодеть в них Хью, и бросила беднягу посреди леса.

– Конечно, не забыли, – с каменным лицом сказал Эдвард, и Генри порадовался, что бедняга Симон не видит его смеющиеся глаза. – Мы очень за тебя волновались. Правда, в твоё отсутствие у тебя увели невесту. Она увлеклась сломанной люстрой, и теперь они счастливы вместе.

– Ура, – с облегчением простонал Симон. – Я как раз собирался ей сказать, что пока не готов к браку. Хочу взять телегу своего отца и покататься по королевству. Оно ужасно грязное и дикое, но это была лучшая неделя в моей жизни.

– Я смотрю, путешествовать – это новая мода, – фыркнул Эдвард и посмотрел на Генри. – Не хочешь?

– Ни за что, – с чувством сказал Генри. – Больше никаких приключений.

– А кстати! – крикнул Симон. – Чуть не забыл! На окраине столицы все в отчаянии, там завелась какая-то тварь, которая выкапывает из земли посеы и пугает всех жутким смехом из тьмы. Умоляли меня отнести эту весть во дворец и прислать им помощь. А теперь откройте уже мне ворота, я домой хочу!

Генри застонал и слегка приложился головой об опору башни.

– По-моему, тебе пора брать в руки меч и отправляться в поход, – добрым голосом сказал Джетт. – Спасение королевства ждать не может.

– Да вы серьезно? – простонал Генри, поставив рядом пустую тарелку. – До утра подождет.

– Ладно. А завтра возьмем с собой еду и коней, – утешил Эдвард. – Будет весело.

Он перегнулся через парапет в сад и во всю силу своих легких

крикнул:

– Эй, на воротах! Откройте дверь, там наш парень! Королевский приказ!

Внизу слышалось ворчание и грохот засова. Генри прикрыл глаза и глубоко вдохнул ночной воздух. Наступила весна – над садом витал запах первых цветов и талого снега, из города тянуло дымом очагов.

– Это будут веселые времена, – пробормотал Джетт.

Генри улыбнулся, не открывая глаз.

– Это уже веселые времена, – сказал он.

